

наконечникомъ. Палку эту употребляютъ стоя и колотятъ по верхнему ея концу молоткомъ. Затѣмъ лошадь освобождаютъ, и мѣсто ея занимаетъ другая.

Мы отправляемся далѣе, и выѣзжаемъ на базаръ. Видъ его спокоенъ, народу мало, и нѣкоторыя лавки заперты. Шалаши, которые въ рыночный день были такъ набиты мѣхами, шапками, сапогами и въ высшей степени оживлены, сегодня совершенно пусты; пирожныя печи не топятся. Сойдя съ лошадей, мы передаемъ ихъ ѣдущимъ позади слугамъ, и поворачиваемъ назадъ, чтобы пройти вдоль базара, дорога черезъ который покрыта тростникомъ и ивою, для защиты отъ лѣтняго зноя. По обѣимъ сторонамъ ея идетъ длинная возвышенная платформа, въ отдѣленіяхъ которой выставлены въ корзинахъ и на деревянныхъ лоткахъ товары находящіеся позади ихъ лавокъ. Лавки теперь открыты на улицу, но съ закатомъ солнца закроются широкими ставнями, и проходная дверь съ одной стороны будетъ служить входомъ въ находящійся за нею домъ. Впродолженіе дня хозяинъ сидитъ среди своего имущества, погружившись въ широкія складки своего просторнаго платья и задумчиво склонивъ на бокъ голову подъ тяжестью тюрбана, пока его не пробудитъ отъ задумчивости какой нибудь посѣтитель.

Вотъ обыкновенный торговецъ, одѣтый во множество чогаевъ или *джуба*, какъ ихъ здѣсь называютъ, отъ которыхъ онъ принимаетъ размѣры страждущаго водяною болѣзнью гиганта. У него цѣлый складъ дешевыхъ ручныхъ зеркалецъ, складныхъ ножей, флаконовъ съ духами, разрисованныхъ коробочекъ съ бусами, и пуговицами изъ цвѣтнаго стекла всевозможныхъ формъ и размѣровъ, пакетиковъ съ иглками, которые, подобно всему остальному его товару, завернуты въ русскія обертки, снабженныя русскимъ клеймомъ, между тѣмъ какъ, въ особенности въ отношеніи къ иглкамъ, внутренняя обертка перѣдко указываетъ на англійское происхожденіе. У него есть также *шумаки*, подвѣшенныя дюжинами на шпурѣ, есть также готовыя волосяныя косы, достигающія такой же длины, какъ косы прекрасной татарки, встрѣченной нами вскорѣ по выѣздѣ. Есть у него также и бумажныя набойчатые платки пестрыхъ рисунковъ или же болѣе практическаго свойства, съ картами Россіи и ея желѣзныхъ дорогъ, проведенныхъ яркими линиями.

Сосѣдъ его москательщикъ, и платформа передъ его лавкой покрыта сложеннымъ рядомъ корзинамъ и мѣшковъ, съ закрученными па-

ружу краями, вслѣдствіе чего содержимое ихъ открыто. Оно состоитъ преимущественно изъ индійскихъ аптечныхъ снадобій и пряностей, каковы тминъ, кардамонъ, корица, имбирь, а между аптечными снадобьями александринскій листь, длинный перецъ, орѣшки *emblie* и водяной лиліи, а также *strychnos pux vomica*. Послѣдній можно видѣть во множествѣ во всѣхъ подобныхъ лавкахъ; онъ во всеобщемъ употребленіи въ видѣ декокта, какъ крѣпительное средство въ случаяхъ диспенсіи, вызываемой злоупотребленіемъ опиума и банга. Мѣстные продукты представляютъ цвѣточные почки одного вида артемизіи, называемой *тукмъ* и употребляемой для мытья волосъ, и *тоурагу*, грибовидное образованіе на корѣ тополя пустыни, употребляемое какъ закваска при печеньѣ и какъ катаплазма при ранахъ и чирьяхъ.

Москательщикъ впрочемъ, отпуская свои снадобья, сообщаетъ и ихъ употребленіе, если того пожелаетъ покупатель, ибо въ этой странѣ медицинская наука не имѣетъ профессиональныхъ служителей и всякій докторъ самъ для себя. Его вѣсы и гири китайскаго происхожденія и носятъ китайскія названія. Гири представляютъ хорошенкіе мѣдные кубики съ китайскимъ штемпелемъ, обозначающимъ ихъ вѣсъ, а вѣсы состоятъ изъ обыкновенныхъ двухъ чашечекъ. Впрочемъ для менѣе тяжелыхъ веществъ онъ употребляетъ обыкновенно вѣсы другой формы, также китайскаго происхожденія. Они состоятъ, какъ безмѣнъ, изъ одной чашечки и горизонтальнаго коромысла. Равновѣсіе достигается помощію снурка, прикрѣпленнаго ближе къ коромыслу нѣсколько въ сторону прикрѣпленія чашки, а грузъ передвигается назадъ и впередъ по отмѣткамъ дѣленій на коромыслѣ.

Пройдя мимо этихъ лавокъ, мы останавливаемся посмотрѣть на желѣзную лавку. Товаръ ея состоитъ изъ заступовъ, мотыгъ, замковъ, желѣзныхъ палокъ, цѣпей, крючковъ, наконечниковъ всякаго рода, удилъ и стремянь. Есть здѣсь также собранія необдѣланныхъ минераловъ на деревянныхъ лоткахъ. Есть соль плоскими плитками, находимая въ такомъ видѣ въ высохшихъ солончакахъ пустыни. Она грязна до такой степени, что ее можно узнать только тогда, когда она будетъ названа.

Есть массивныя кристаллы квасцовъ, сѣрная обесъ мѣди и амміаковая соль, добываемыя въ вулканической области Аксу, а также куски желтой охры, добываемыя тамъ же. Есть и куски сурьмы изъ Китая,

завернутые въ бумажные пакетики; вмѣсто яркаго металлическаго блеска мѣстной руды она разложена по маленькимъ литымъ формамъ какъ бы для немедленнаго употребленія; годность ея узнается потому, что она мараетъ пальцы при дотрогиваньи и покрывающую ее бумагу.

Хозяина лавки зовутъ именемъ его товара тимурчи, «Торгующій желѣзомъ». Онъ такъ же грубъ и жестокъ по манерамъ и по виду, какъ и тотъ ржавый товаръ и необдѣланные матеріалы, передъ которыми онъ засѣдаетъ. Онъ отвѣчаетъ на наши вопросы, постоянно поглядывая черезъ наши плечи на чичероне, стоящаго позади насъ и съ видимою нерѣшительностью. «Вы говорите, что эти квасцы привозятся изъ Бадакшана? А намъ сказали въ одной изъ предыдущихъ лавокъ, что ихъ привозятъ изъ Аксу?» Мое замѣчаніе было неожиданно, и тимурчи торопливо отвѣтилъ: «Это такъ. Всякій знаетъ, что они привозятся изъ Аксу». Но смущеніе его было скрыто ловкимъ вмѣшательствомъ того, кто былъ его причиною. Выступая впередъ и какъ бы разсматривая взятый въ руку кусокъ, нашъ чичероне воскликнулъ: «Да; но лучший сортъ получается изъ Бадакшана, и онъ то именно употребляется всѣми кожевниками и красильщиками».

Послѣ такого примѣра двуличности нашего проводника, мы оставляемъ этотъ базаръ и направляемся къ сукоцному рынку. Мы проходимъ двѣ три извилистыя аллеи съ одинокими прохожими, идущими тамъ и сямъ посреди улицы, и не замѣчаемъ ничего достойнаго вниманія, кромѣ ворчащихъ на насъ паршивыхъ, голодныхъ собакъ, обшохивающихъ лучи мусору, да дѣтей, играющихъ съ дѣтскимъ увлеченіемъ въ грязи передъ дверями домовъ. Въ болѣе широкомъ мѣстѣ дороги, среди мазаночныхъ стѣпъ, возвышаются высокіе порталы древняго зданія въ арабскомъ стилѣ, выдающагося среди всѣхъ окружающихъ его построекъ и привлекающаго вниманіе своею архитектурою и черепицею. Это *медрассе* или «коллегія», одно изъ дватцати восьми или тридцати подобныхъ учрежденій въ городѣ. По ту сторону двора противъ воротъ находится мечеть, а по обѣимъ сторонамъ ея идетъ рядъ въ восемь или десять комнатъ, служащихъ помѣщеніемъ для студентовъ богословія, ибо въ стѣнахъ этихъ преподаются только доктрины ислама. Студенты выходятъ изъ своихъ келій посмотрѣть на незваныхъ гостей, но проводникъ служитъ достаточной гарантіей протекціи и мы не замѣчаемъ ника-

кого признака протеста. Числомъ ихъ около тридцать; многіе уже зрѣлыхъ лѣтъ, но, не смотря на свои бытъ можетъ богатія теологическія познанія, они весьма бѣдны въ отношеніи мірскихъ благъ. Находя себѣ здѣсь счастливый пріютъ, они вмѣстѣ съ своими семьями имѣютъ возможность бороться съ нищетой, будучи пансіонерами завѣдешя, имѣющаго владѣть отъ какого нибудь набожнаго мусульманина прежнихъ временъ, жертвующаго на содержаніе нуждающихся студентовъ. Маленькая золотая монета принимается шехомъ и его учениками съ благодарностью, они повторяютъ за нимъ благословеніе подателю и, произнося «аминъ», поглаживаютъ бороды; мы же выходимъ воцъ и продолжаемъ свой путь.

Идя вдоль безмолвной улицы, гдѣ мѣстами только одна или двѣ лавки прерываютъ рядъ стѣнъ частныхъ жилищъ, мы невольно удивляемся, услыхавъ въ одномъ изъ нихъ оживленные голоса. Это «мактабъ», говоритъ нашъ проводникъ. Мы толкаемъ дверь, которую находимъ полуотворенною, и входимъ, чтобы посмотреть школу. Это иѣчто въ родѣ низкой залы, уставленной скамейками по обѣ стороны срединаго прохода, по которому ходить взадъ и впередъ помощникъ учителя съ камышевкой въ рукѣ и клещеть лѣнивыхъ учениковъ, то по ту, то по другую сторону прохода. На низкомъ помостѣ въ одной сторонѣ отъ двери сидѣлъ самъ учитель съ важнымъ взглядомъ и въ очкахъ, а вокругъ него—наиболѣе успѣвшіе ученики, всего шесть или восемь, возрастомъ между четырнадцатью и восемнадцатью годами. Они читали персидскія книги и писали подъ диктовку.

Комната была биткомъ набита дѣтьми, и атмосфера въ ней была душная: она имѣла въ длину всего двадцать четыре фута, а въ ширину шестнадцать и, не смотря на это, содержала въ себѣ болѣе пятидесяти учениковъ (мы насчитали пятьдесятъ восемь), размѣщенныхъ по скамейкамъ и на двухъ маленькихъ галлереяхъ подъ крышей по обѣимъ сторонамъ комнаты. Нашъ приходъ ничуть не прекратилъ гама голосовъ, повторявшихъ символъ и первыя правила магометанской вѣры; напротивъ, поощренныя нашимъ вниманіемъ, прилежныя маленькія созданія, наклонивъ туловище, воили съ усиленной энергіей, и потребовалось нѣсколько сильныхъ взмаховъ трости, чтобы остановить механическое повтореніе разъ начатаго урока.

Дѣти большею частью были маленькія, отъ шести или восьми, до десяти лѣтъ, и со своими хорошенькими розовыми личиками

имѣли видъ весьма сходный съ европейскимъ. По одну сторону двѣ скамейки и галерея были заняты приблизительно двадцатью маленькими дѣвочками. Нѣкоторыя изъ нихъ были очень миленькія малютки, съ певинными чертами и съ самымъ прекраснымъ цвѣтомъ лица. Онѣ казались особенно хорошеенькими въ своихъ круглыхъ шапочкахъ, бѣлыхъ кафтанахъ и чистыхъ сапогахъ. Нѣсколько мѣдныхъ монетъ, розданныхъ ученикамъ, вызвали такія же изъясненія восторга, какъ и въ нашихъ школахъ.

Продолжая путь, мы встрѣчаемъ точильщика, катящаго свое колесо и возвѣщающаго о своемъ ремеслѣ совершенно такимъ же голосомъ, какъ и въ Англии. Повидимому, это то же самое существо, машина у него почти та же и крикъ положительно такой же. По всему же остальному, васъ окружающему, вы можете подумать, что вы гдѣ нибудь по сосѣдству съ Лондономъ. И вотъ какъ бы въ довершенію иллюзіи идетъ пирожникъ; онъ катитъ свою тачку и призываетъ покупателей совершенно такъ, какъ будто говорить: «Купите! Купите! Пирожки горячіе, пирожки холодные, пирожки свѣжіе, пирожки старые!» Весь его общій видъ, телѣжка и все вообще удивительно напоминаетъ домашнія сцены; даже пирожки, продаваемые имъ, все не такъ отличаются отъ нашихъ.

Наконецъ мы приходимъ на суконый рынокъ, представляющій длинный рядъ лавокъ по обѣ стороны извилистой улицы, покрытой для тѣни тростниковою и мансовою соломкою, и находимъ, что это самый лучший и самый богатый базаръ въ городѣ. Здѣсь есть всевозможныя лавки и всякаго рода купцы.

Вотъ напримѣръ анджанскій ножевикъ. Прилавокъ у него покрытъ сотнями ножей въ ножнахъ, и всѣ ножи одинаково блестящи и остры какъ бритвы. Полки его полны обдѣланныхъ въ мѣдь и желѣзо кремней и футляровъ съ огнивами, кожи которыхъ почти не видно подъ металлическими украшениями. Стѣны же увѣшаны цѣлыми связками ноженъ и ремней изъ буйдовой кожи.

Затѣмъ мы остаемся передъ суконой лавкой. Хозяинъ ея кашмирскій эмигрантъ или аргунъ, т. е. потомокъ его отъ мѣстной женщины. У него богатый выборъ бумажныхъ набивныхъ тканей, каленкоровъ, ситцевъ, а также цвѣтныхъ шелковыхъ матерій изъ Кована и Хотана, разложенныхъ по столамъ или развѣшанныхъ кусками на веревкахъ, протянутыхъ между столбами, поддерживающими веранду его лавки. Въ нѣсколько минутъ онъ можетъ пока-

зять вамъ и висея съ цвѣтами, и шелговую и золотую парчу, и атласъ, и бархатъ, и грубый суконный товаръ, причеиъ укажетъ на англійскія мѣтки на тканяхъ для доказательства ихъ хорошаго качества.

Здѣсь есть нѣсколько подобныхъ лавокъ, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ встрѣчаются русскіе торговые знаки, хотя фабрики этой страны доставляютъ сюда преимущественно грубыя бумажныя ткани, такихъ рисунковъ, какіе здѣсь въ модѣ. Нашъ кашмирецъ или аргунъ раскланивается съ нами съ улыбающеюся физиономіей и со свойственнымъ этому народу выговоромъ объясняетъ намъ на бойкомъ индустанскомъ нарѣчій все, что намъ нужно, и кромѣ того все, что онъ самъ желаетъ высказать намъ о своихъ вѣрноподданическихъ чувствахъ и своемъ особенномъ удовольствіи видѣть насъ здѣсь.

Даже грубые афганцы, слонявшіеся въ его лавкѣ, чтобы какъ нибудь провести скучное время, пока ихъ караванъ получить позволеніе двинуться въ путь, присоединились къ нему, чтобы привѣтствовать насъ, какъ предвѣстниковъ лучшихъ временъ, предстоящихъ для всѣхъ въ будущемъ. между тѣмъ какъ сейкъ изъ Пенджаба, перешедшій проходы, считаетъ себя своимъ человекомъ относительно насъ, и, переодѣтый въ мѣстный костюмъ, привѣтствуетъ насъ какъ старыхъ друзей на вѣжливомъ языкѣ своего народа, и въ мѣстѣ своего ежедневнаго торгова чрезвычайно гордятся знакомствомъ съ царскими гостями.

Между прочимъ мы останавливаемся и передъ средней руки лавкой готоваго платья, представляющей нѣчто въ родѣ помѣщенія закладчика и лавки древностей. Здѣсь собраны всевозможныя вещи, оцѣняемыя повидимому совершенно произвольно живущимъ среди этихъ вещей засыпаннымъ шухательнымъ табакомъ и забитымъ яркандцемъ. Здѣсь есть заплатанныя овчинныя шубы и стеганныя халаты изъ бумажной матеріи, подновленные перекраской. Есть китайскій фарфоръ, разбитыя скринки и американскіе часы, которые не ходятъ. Есть нефритовые амулеты и мундштуки для трубокъ изъ того же минерала, а также крупныя бусы изъ агата и хрустала, но все весьма низкаго достоинства и соответствующей цѣны. Есть китайскія палочки для ѣды, вѣера, очки, кошельки. Есть также богатыя китайскія одежды изъ дорогихъ мѣховъ или шелковой матеріи съ вышитыми драконами и цвѣтами, покрывала изъ льняного газа,

искусно вытканная различными рисунками, разные другіе остатки прежнихъ управителей, отошедшіе нынѣ въ разрядъ рѣдкостей и исчезающіе отъ революціи, отдавшей ихъ на расхищеніе черни, отъ которой они разными путями дошли до осматриваемой нами лавки, болѣе или менѣе заляпанные, изношенные и попорченные, смотря по тому, какой участи они подвергались.

Выйдя съ базара, мы поворачиваемъ назадъ по направленію къ дому, но предварительно остаиваемся передъ книжной лавкой. Книги оказываются болѣею частью турецкими рукописями на религіозныя темы, но между ними есть также нѣсколько литографированныхъ книгъ по медицинѣ, исторіи и теологіи, всѣ на персидскомъ языкѣ, изъ Индіи. Мы тщетно ищемъ записокъ изъ исторіи страны или чего нибудь изъ мѣстной литературы въ стихахъ или прозѣ. Такія сочиненія существуютъ, но хранятся какъ нѣчто священное въ монастыряхъ или составляютъ собственность частныхъ лицъ.

Пройдя немного, мы видимъ на дорогѣ группу мужчинъ и мальчиковъ, собравшихся вокругъ нѣсколькихъ пляшущихъ дервишей. Одѣтые въ лохмотья, дервиши презирають холодъ и топятъ заботы въ дикихъ пѣсняхъ своего ремесла и избранной ими свободной жизни. Они носятъ высокую коническую шапку съ мохнатою мѣховою опушкой и леопардовую, антилоповую или другую какою нибудь шкуру, закинутую за спину. Спереди виситъ на шеѣ нищенское корытце, а въ рукѣ толстая дубина или желѣзная палка съ бряцающими кольцами. Это бряцанье составляетъ аккомпаниментъ къ ихъ пѣснямъ и служитъ для отбиванія такта при пляскѣ. Это лѣнивый и негодный народъ, но здѣсь покровительствуютъ имъ охотно. Въ данную минуту они сдерживали обычный фанатизмъ, свойственный ихъ сословію, чтобы получать отъ насъ подачку со всевозможными выраженіями благодарности.

Далѣе намъ попадается на пути красивое новое каменное строеніе, правильныя линіи котораго и квадраты кирпичей и мергели среди окружающихъ его развалившихся стѣнъ и мазаночныхъ жилищъ даютъ ему видъ новой заплаты на старой одеждѣ. Это анджанскій построенный вышшимъ управителемъ серай, для помѣщенія посѣщающихъ его страну купцовъ.

Мы входимъ въ него и находимъ, что его удобныя квартиры заняты купцами изъ Оренбурга, Ташкента, Вѣрнаго и другихъ рус-

скихъ городовъ. Они мусульмане, и весьма вѣжливо приглашаютъ насъ къ чаю, который они пьютъ. Тюки ихъ наполнены маревою, полосовымъ желѣзомъ, желѣзными котлами, мѣдными подсвѣчниками, сахаромъ, чаемъ и бумажными набивными тѣпями. Тюками загроможденъ весь дворъ и завалены, какъ видно сквозь рѣшетку, погреба. Хозяева ихъ берутъ въ промѣнъ хотанскіе войлоки и ковры, а также шелкъ и хлопокъ. Одѣты они красивѣе и лучше, чѣмъ туземцы, и между ними есть нѣсколько человѣкъ совершенно чуждыхъ странѣ — быть можетъ купцовъ, пріѣхавшихъ изъ Москвы; повидимому всѣ они живутъ въ сераѣ каждый самъ по себѣ. У одного изъ нихъ въ рукахъ *щеты*, то есть машинка для вычисленій. Это нѣчто въ родѣ *ready-reckoner*, и состоитъ изъ продолговатой деревянной рамки, въ которой набраны на проволокахъ шарики различныхъ цвѣтовъ для единицъ, десятковъ и т. д. Шарики эти передвигаются по проволокамъ изъ стороны въ сторону, согласно съ правилами употребленія инструмента, и даютъ возможность легко считать большія суммы.

Пройдя городъ, мы снова садимся на лошадей и на обратномъ пути подводимъ итогъ всему нами видѣнному и выводимъ изъ него свои заключенія, не забывая впрочемъ замѣчать дорогою такіе предметы, которые могутъ на время прервать ходъ нашихъ мыслей.

Самый интересный результатъ нашего посѣщенія города, это тотъ новый видъ, въ которомъ представился намъ народъ въ своей обыденной жизни, и мы весьма довольны, замѣтивъ, что неблагоприятное впечатлѣніе, произведенное безобразіемъ толпы, возбудишемъ наше любопытство и вниманіе въ день нашего пріѣзда, значительно ослабѣваетъ, ибо видѣнныя нами тогда отталкивающія фізіономіи перемѣшиваются съ болѣе мягкими чертами женщинъ и болѣе привлекательными лицами юношей. Однако оно далеко не изглаживается, ибо безобразный зобъ встрѣчается намъ на всякой улицѣ и во всякомъ переулкѣ. Его громадная масса червеобразныхъ извилистыхъ сосудовъ иногда совершенно вытягиваетъ черты лица, а глаза выпячиваетъ впередъ, такъ что иногда они оказываются почти на щекахъ, конечно, вовсе не привлекательной фізіономіи. Въ меньшей степени развитія эти безобразныя опухоли часто уродуютъ иную красивую женскую фізіономію, и даже въ самомъ началѣ уменьшаютъ прелесть дѣтской красoty.

Распространенность этого непривлекательнаго уродства, вмѣстѣ съ блѣдножелтымъ цвѣтомъ лица и болѣзненнымъ взглядомъ, такъ



часто встрѣчаемыми по улицамъ и базарамъ города, значительно уменьшаетъ даже то пріятное впечатлѣніе, которое производитъ деревенское населеніе, стебающееся въ праздничной одеждѣ порыночнымъ днямъ. Сегодня нигдѣ незамѣтно оживленности и дѣятельности, разнообразныхъ татарскихъ костюмовъ и румяныхъ отъ избытка здоровья лицъ. Горожане спрятали свое хорошее платье и каждый тихо занимается въ своей лавкѣ и мастерской своимъ обычнымъ дѣломъ: на базарахъ всякій наблюдаетъ за своей лавкой, а въ домахъ кто красть платье, которое выставить на продажу въ рыночный день, кто шьетъ сапоги, кто отдѣлываетъ шапки, которыя вмѣстѣ съ мѣховыми одеждами, вышитыми шелкомъ рубахами и пр., будутъ промѣняны крестьянамъ или, еще лучше, проданы за деньги, только что полученные ими за ихъ деревенскіе продукты.

Сегодня должны господствовать трудъ и покой: вотъ изъ боковой улицы показывается и чиновникъ, обязанность котораго смотрѣть за соблюденіемъ этого правила. Это Кази Раисъ, или главный начальникъ города, совершающій свой ежедневной обходъ базаровъ для предостереженія игроковъ, гулякъ и людей не слушающихъ призыва къ молитвѣ, а также для осмотра вѣсовъ и мѣръ и предохраненія народа отъ обмановъ мясниковъ и лавочниковъ. Онъ ѣдетъ верхомъ въ сопровожденіи секретаря, а впереди идутъ ровнымъ медленнымъ шагомъ еще шесть человекъ по три врядь. Каждый изъ нихъ держитъ въ рукахъ знакъ своей должности—*диру*. Это ирирокая кожаная плеть, которая держится за деревянную ручку, а сама перекинута черезъ плечо. Они поворачиваютъ на дорогу, по которой ѣдемъ мы, и потому мы отступаемъ назадъ, чтобы слѣдовать за процессіей. Народъ, проходящій по обѣимъ сторонамъ, дѣлаетъ Кази почтительный поклонъ, складывая руки на животъ и быстро сгибаясь при этомъ, какъ бы отъ внезапной судороги. Женщины, которыя не покрыты покрываломъ, какъ того требуетъ строгое соблюденіе *шара*, поспѣшно спускаютъ эти квадратныя сѣтчатыя лоскутки, которые, если цензора нѣтъ на дорогѣ, часто бываютъ откинута черезъ шапку назадъ, и, отбѣжавъ въ сторону, становятся лицомъ къ стѣнѣ, а если можно, то скрываются въ какуюнибудь отпертую дверь или въ переулокъ. Но вотъ одна изъ нихъ такъ занята своими мыслями, что не только забыла о покрывалѣ, а даже не замѣчаетъ цензоровъ, пока они не оказываются совершенно близко. Она быстро поворачивается къ стѣнѣ, однако прене-

бреженіе долга, налагаемаго исламомъ, не ускользаетъ отъ зоркихъ глазъ Кази Раиса, который мимоходомъ провозноситъ нѣсколько словъ упрека и увѣщанія, которыя подкрѣпляются четырьмя или пятью быстрыми ударами *диры* по головѣ виновницы и по плечамъ, когда та наклонила голову.

Миповавъ нѣсколько лавокъ, партія останавливается передъ лавкой колониальныхъ товаровъ для осмотра вѣсовъ. Со словъ носильщиковъ *диры* и по полученіи «Кази-Раисскихъ» доходовъ, секретарь объявляетъ все вѣрнымъ, послѣ чего переходятъ къ одной изъ кареней. Въ мукѣ оказывается примѣсъ земли, и пегарь безъ дальнѣйшихъ околичностей приговаривается къ побоямъ, а испорченная мука конфискуется. Его раскладываютъ на улицѣ передъ лавкой и бьютъ по чѣмъ попало безъ пощады.

Мясникъ отдѣлался отъ подобной же кары, объяснивъ, что испортившееся мясо, у него найденное, держится имъ для собакъ, осаждающихъ его лавку. Затѣмъ процессія сворачиваетъ съ нашей дороги, мы же продолжаемъ свой путь и, проѣхавъ мимо гнѣзда нищихъ, самыхъ презрѣнныхъ и по-истинѣ отвратительныхъ созданій, какихъ я когда либо видѣлъ, — слѣпыхъ, прокаженныхъ, зобатыхъ, ползающихъ въ грязи нѣсколькихъ низкихъ лачугъ, построенныхъ при основаніи высокой стѣны близъ воротъ, въ которыя мы вѣхали и живущихъ и размножающихся на подаванія проѣзжихъ, — мы оставляемъ городъ и возвращаемся домой тою же дорогою, которой вѣхали. Мы довольны проведеннымъ днемъ, хотя и не вполне удовлетворены въ отношеніи напередъ составленнаго нами представленія о населеніи города и его благосостояніи, основаннаго на свѣдѣніяхъ, доходившихъ до насъ въ Индію. Базары его положительн**о** бѣдны въ сравненіи съ базарами какого нибудь индійскаго города такого же разряда, и не представляли такого множества цѣпныхъ вещей, какое мы видѣли на обратномъ пути въ Индію на туземномъ базарѣ въ Силлѣ. Обычная торговля въ улицахъ также не можетъ быть сравниваема съ обыденною жизнью индійскаго города. Народъ одѣтъ тепло и удобно, какъ того требуетъ климатъ, но въ платьѣ его никогда нѣтъ ничего роскошнаго. Золотыя и серебряныя украшенія и драгоценныя камни встрѣчаются рѣдко, даже никогда или только въ нѣкоторыхъ лавкахъ въ качествѣ китайскихъ рѣдкостей. О роскоши частныхъ гаремовъ можно догадываться только по видѣннымъ нами въ продажѣ вышитымъ покрываламъ, украшен-

нымъ рубинами и жемчугомъ по краю золотой бахромы, золотымъ серьгамъ съ красными кораллами, браслетамъ съ простыми чеканными узорами, изумрудами и бирюзой и другимъ вещамъ турецкаго будуара. Въ сущности украшенія не въ модѣ, по крайней мѣрѣ въ народѣ, и лавки ювелировъ такъ же рѣдки на базарахъ, какъ и книжныя. Городъ не имѣетъ никакой сколько нибудь значительной спеціальной промышленности, хотя въ своемъ окологдѣ славится выдѣлкой кожъ, а также сапогами и башмаками, которые считаются лучшими во всей странѣ. Эту промышленностью, а также скорняжнымъ и шапочнымъ ремесломъ занято нѣсколько сотъ семействъ, но произведенія ихъ не идутъ далѣе границъ сосѣднихъ городовъ страны до Хотана — въ одномъ направленіи и Аксу — въ другомъ.

При господствѣ китайцевъ особенно процвѣтала торговля нефритомъ и промыселъ добыванія его занималъ нѣсколько тысячъ семействъ какъ здѣсь, такъ и въ Хотанѣ, и также въ каменоломняхъ долины Каракашъ, какъ въ южныхъ холмахъ золотой промыселъ. Но съ изгнаніемъ ихъ изъ страны, эти занятія, за исключеніемъ одной золотой копи близъ Хотана, совершенно прекратились и нефритовый промыселъ можно считать исчезнувшимъ. Даже во времена китайскаго управленія лучшіе экземпляры этого высокоцѣннаго минерала отправлялись псевдиму кусками въ Китай и тамъ уже вѣрялись искусству художника. Я спеціально искалъ издѣлій изъ этого камня, и лишь случайно досталъ нѣсколько хорошихъ изваяній въ индійскомъ стилѣ и повидимому древняго происхожденія. Объ ихъ существованіи было объявлено подъ большимъ секретомъ, изъ страха, чтобы они не перешли всѣ по номинальной цѣнѣ въ руки правительства, и когда я получилъ ихъ, они были запачканы въ глину, какъ будто были скрываемы въ землѣ.

Въ настоящее время здѣсь нѣтъ больше нефритовыхъ мастеровъ и искателей, и всѣ требованія на минералъ русскихъ торговцевъ, отыскивающихъ его для китайскихъ рынковъ, удовлетворяются тѣмъ, что было оставлено въ странѣ китайцами. Наилучшіе экземпляры какъ бѣлаго, такъ и зеленаго нефрита обыкновенно выпивались въ опустѣвшемъ руслѣ рѣки Хотана, близъ города того же имени.

## ГЛАВА IX.

Отъездъ изъ Ярканда. — Тѣлохранители Аталыка Газы. — Прибытіе въ Янги Гиссарь. — Приближеніе къ Кашгару. — Приемъ сдѣланный Аталыкомъ Газы. — Придворныя церемоніи. — Черты лица Аталыка. — Его характеръ. — Наше пребываніе въ Кашгарѣ. — Оцѣнка телеграфа. — Развалины древняго Кашгара. — Постройки нынѣшняго города. — Его смѣшанное населеніе. — Обученіе китайскихъ войскъ. — Судьба китайскихъ гарнизоновъ. — Обращеніе китайцевъ въ исламъ. — Одежда андижанскаго солдата.

Салютъ изъ семи ружей при закатѣ солнца 23-го ноября возвѣстилъ объ окончаніи *«рамазана»* — праздника, который здѣсь не соблюдается повидимому большинствомъ, также какъ и моленія; обыкновенно всѣ, за исключеніемъ духовенства, уклоняются какъ отъ того, такъ и отъ другаго подъ разными пустыми предлогами. При восходѣ солнца подобный же салютъ предшествовалъ *«айду»*. Впрочемъ въ войскахъ праздникъ этотъ уже вошелъ въ обычай и они веселились въ своихъ баракахъ 'вокругъ насъ впродолженіе всей ночи подъ звуки своихъ музыкальныхъ инструментовъ.

День этотъ былъ назначенъ для отъезда Хаджи Торы въ Кашгаръ, а мы должны были слѣдовать за нимъ черезъ недѣлю. Онъ отправился въ путь со своей свитой, состоявшей изъ турецкихъ офицеровъ, по окончаніи молитвъ *«айда»*. Посланникъ, въ сопровожденіи части своей свиты, сдѣлалъ ему визитъ, чтобы пожелать счастливаго пути, между тѣмъ какъ полковникъ Гордонъ и капитанъ Биддльфъ отправились отъ имени посланника къ дадкаваху съ подарками и поздравленіями по поводу *«айда»*.

Послѣ обѣда мы отправились въ городъ, надѣясь увидѣть тамъ праздничную толпу народа, но базары оказались малолюдны, вѣроятно вслѣдствіе того, что наканунѣ только-что былъ обыкновенный

рыпочный день. Мы встрѣтили тамъ войска, только-что прибывшія съ манасской и турфанской границъ, и среди ихъ я замѣтилъ нѣсколько человѣкъ съ манчжурскими чертами лица, съ длинными тонкими усами и тонкой полоской на подбородкѣ, какъ это обыкновенно рисуютъ на картинкахъ.

Мы нѣсколько разъ посѣщали городъ и никогда не слышали звуковъ музыки или пѣсни, исключая неистовства *дервишей* и повѣствованія *бакиси*. Тѣмъ не менѣе въ странѣ есть музыканты съ недюжинными талантами, но только они играютъ лишь въ частныхъ собраніяхъ.

Чтобы не отпустить насъ изъ страны въ убѣжденіи, что безобразный гамъ военныхъ былъ настоящею и единственною музыкою страны, дадевахъ былъ тамъ любезенъ, что прислалъ къ намъ настоящихъ музыкантовъ, чтобы показать истинное искусство. Музыкантовъ этихъ было пять человѣкъ. Одинъ изъ нихъ игралъ на камышевой дудкѣ въ родѣ фляжолета (*балауанъ*), другой на осьмиструнной скрипкѣ (*рабабъ*); еще два играли на тамбуринахъ (*дафъ*), у которыхъ кругомъ были бречавшія стальные кольца, а пятый на инструментѣ въ родѣ арфы (*канунъ*) или фортепіано, состоявшемъ изъ восемнадцати двойныхъ и двухъ одиночныхъ проволокъ, натянутыхъ на резонансную деку. Исполненіе было согласное и акомпанировалось голосами тѣхъ двухъ музыкантовъ, которые играли на струнныхъ инструментахъ. Пѣсни были турецкія, любовныя, а напѣвы чрезвычайно пѣжны и гармоничны. Въ нихъ не было ничего несладкаго, хотя повидимому они представляли монотонное повтореніе одного и того же мотива. Вообще ихъ музыка произвела пріятное впечатлѣніе и имѣла свои достоинства. Игравшій на *канунѣ* извлекалъ звуки посредствомъ стальной палочки и прекращалъ вибраціи проволокъ легкимъ ударомъ пальцевъ другой руки.

Семдесятъ пять вьюковъ и тяжелый багажъ нашей партіи были отправлены впередъ въ повозкахъ, т. е. въ красивыхъ легкихъ фурахъ похожихъ на европейскія, въ которыя были запряжены по три и по четыре лошади, одна въ оглобляхъ, а другія врьдъ спереди. Затѣмъ мы попрощались съ дадевахомъ и поѣхали ко двору Аталыка Газы.

Мухаммедъ Юнусъ, считая положеніе въ странѣ, какъ *дадкваса* Ярканда, соответствующимъ положенію помощника губернатора провинціи Индіи, не нашелъ нужнымъ отдать визитъ посланнику, а

чтобы избѣжать нѣкотораго затрудненія пригласилъ всѣхъ насъ на завтракъ пакаунѣ нашего отъѣзда. Мы воспользовались этимъ случаемъ, чтобы попрощаться съ нимъ и поблагодарить его за гостеприимство и вниманіе.

Мы оставили Янгицаръ 28 ноября, приблизительно въ восемь часовъ по полудни и проѣхали двадцать пять миль до Кокъ Рабата, гдѣ нашли себѣ помѣщеніе въ особенномъ домѣ, который былъ въ родѣ баргашкского и, подобно послѣднему, служилъ только для царя и тѣхъ гостей его, которыхъ онъ желалъ особенно почтить.

Дорога наша огибала сѣверную сторону форта и приблизительно миль черезъ пять переходила рѣку Опагъ по только-что выстроенному мосту съ неоконченными еще на концахъ его башнями, служащими для украшенія. Мили черезъ полторы далѣе, проѣхавъ между разбросанныхъ тамъ и сямъ жилищъ, прибыли въ Кара Кумъ, т. е. «Черный Песокъ», гдѣ сошли съ лошадей для *дастурквана*, приготовленнаго въ очищенномъ для нашего приѣма домѣ одного крестьянина. Онъ стоялъ на краю песчаной пустыни, по которой намъ пришлось затѣмъ сдѣлать десять миль до Рабачи, который представляетъ длинный рядъ фермъ, растянувшихся къ востоку и западу по теченію узкой рѣки. На половинѣ пути мы проѣхали мимо почтовой станціи или *ортана* Сугучакъ, гдѣ есть нѣсколько деревьевъ и восемь или десять скученныхъ вмѣстѣ хижинокъ. Все остальное пространство по дорогѣ представляло пустыню, кспец-репную солончаками, кое-гдѣ растущимъ тростникомъ, тамариссами, или верблюжьимъ терномъ, да еще холмами нанесеннаго песку. Тамъ и сямъ, на далекомъ разстояніи другъ отъ друга видны были иногда одинокія пастушья хижины.

Отъ Рабачи до Кокъ Рабата дорога идетъ по подобной же мѣстности съ разбросанными тамъ и сямъ деревенскими домами. Кокъ Рабатъ есть поселеніе приблизительно въ двѣ сотни домовъ, растянувшееся отъ востока къ западу на значительное пространство. Слѣдующая наша стоянка была за тридцать миль, въ Кизили. Дорога туда шла черезъ песчаную пустыню, которая на горизонтѣ сливалась съ густымъ туманомъ атмосферы. Голая и волнистая поверхность ея представляла легкій склонъ къ западу до нѣсколькихъ большихъ возвышенностей, выступавшихъ изъ-подъ туманнаго покрывала, за которымъ скрывалась вся даль. Воздухъ былъ рѣзкій (когда

мы выступили, термометръ стоялъ на 18° Ф.), а холодный сѣверный вѣтеръ дѣлалъ его еще пронзительнѣе.

На половинѣ пути, немного далѣе развалинъ бывшей почтовой станціи, мы сошли съ лошадей для *дастурквана* въ Акъ-Рабатѣ или «Бѣлой гостинницѣ». Это маленькая, окруженная стѣнами, почтовая станція, при которой есть помѣщеніе для нѣсколькихъ лошадей. Она содержитъ человѣками пятью и представляетъ единственное обитаемое мѣсто на всемъ переходѣ. Здѣсь есть два колодца солоноватой воды, одинъ на дорогѣ, а другой внутри *рабата*.

Близъ этого мѣста мы были встрѣчены Халомъ Мугаммедомъ, довѣреннымъ служителемъ Аталыка Газы въ рангѣ *Пянджи Баши*, или «начальника пятисотъ». Онъ былъ сопровождаемъ двадцатью человѣками *джигитовъ*, какъ называются здѣсь кавалерійскіе солдаты, и посланъ своимъ господиномъ изъ Янги Хисара, чтобы приѣтствовать посланника и провести его партію до города. Его люди такъ же, какъ и онъ самъ, носили весьма странную форму, которая была удивительно приспособлена къ мѣстному климату того времени года.

Все платье было изъ желтой буйволовои кожи; даже коническая шапка съ выдровой опушкой была изъ того же матеріала, и, подобно длиннымъ овчиннымъ шубамъ, была обращена шерстью внутрь. Шаровары, т. е. объемистые мѣшки, называемые *шимъ*, были подбиты вмѣсто шерсти ситцемъ и, подобно кафтану, обшита по нижнему краю узкой выдровой опушкой. Даже сапоги были изъ дубленой не вычерненной кожи. Вообще матерьялъ шапки и платья былъ тотъ-же, что и у кабульскихъ *постинговъ*; особенный же цвѣтъ и мягкость придавала ему кора гранатнаго дерева. Но только здѣшніе постины были безъ шелковыхъ узоровъ и у простыхъ солдатъ вовсе не имѣли украшеній. На кафтанѣ же Хала Мугамедда было нѣчто въ родѣ драконовои головы, вышитой цвѣтными шелками на спинѣ между плечъ. Впослѣдствіи мы узнали, что этотъ знакъ обозначалъ рангъ и давался только начальникамъ.

Это былъ единственный отрядъ войска, за исключеніемъ артиллеріи, видѣнный нами въ формѣ во все время нашего пребыванія въ странѣ, хотя одѣтыхъ такимъ образомъ вѣроятно много, такъ какъ впослѣдствіи мы встрѣтили въ Кашгарѣ другого *пянджибаши* въ такомъ же нарядѣ, какъ и Халь Мугаммедъ, и нѣсколькихъ тѣлохранителей Аталыка Газы, одѣтыхъ одинаково съ сопровождавшей

Хала Мугаммеда свитой. Оружіе послѣдней составляли мечъ и ударная винтовка съ высокой мушкой. Ружья эти выдѣлываются въ Атадыковыхъ мастерскихъ въ Янгисарѣ и Кашгарѣ и имѣютъ видъ хорошаго оружія.

Въ Кизили мы сошли съ лошадей передъ правительственнымъ станціоннымъ домомъ, обширнымъ сераемъ, находящимся противъ деревни, и послѣ полудня посѣтили тамошнія желѣзныя плавильни. Мы нашли восемнадцать или двадцать плавильныхъ печей, скученныхъ вмѣстѣ среди домовъ рабочихъ. Ни одна изъ нихъ не была въ дѣйствии и потому мы могли осмотрѣть ихъ устройство. Горнило устраивается въ центрѣ круглой ямы съ небрежно сдѣланной крышей и имѣетъ узкую трубу въ четыре или шесть футовъ вышиною съ отдушниками у основанія. Древесный уголь и руда перемѣшиваются въ стволѣ трубы и расплавленный металлъ опадаетъ внизъ въ корыто, въ которое вставляются устья двухъ или трехъ мѣховъ. Горны дѣлаются весьма грубо изъ камней и глины, и судя по лежавшему вокругъ шлаку плавка была несовершенная. Руда добывается въ холмахъ, отстоящихъ на два дня пути къ западу, и каменоломни называются Тамуртагъ, т. е. «Желѣзный холмъ» и Кизилтагъ, или «Красный холмъ». Рудопроковъ и плавильщиковъ насчитывается, говорятъ, до двухсотъ семействъ. Хижины ихъ скучены вмѣстѣ и образуютъ какъ бы деревню, а не разбросаны, какъ фермы, подобно другимъ поселеніямъ, видѣннымъ нами въ этой странѣ. Вода здѣсь солоноватая, а почва красноватаго цвѣта отъ чего и происходитъ названіе мѣстности.

На слѣдующій день мы отправились въ Янги Хиссаръ, отстоящій отсюда на тридцать миль, и пробыли тамъ два дня. Первая десять миль шли по скуднымъ пажитямъ, на которыхъ было нѣсколько маленькихъ поселеній въ родѣ фермъ: Шамалунгъ (гдѣ китайцы имѣли *ортанъ* или почтовую станцію), Кудукъ и Кошъ Гумбатъ. Слѣдующія же четыре мили шли по пустынной полосѣ песковъ и солончаковъ, которая тянется отъ востока къ западу и скудно покрыва верблюжьимъ терномъ, тимарисами, солянкой и другими растеніями пустыни. Проѣхавъ эту полосу, мы прибыли въ Топалукъ, т. е. «Пыльное мѣсто», поселеніе изъ фермъ, идущихъ къ востоку и западу по теченію узенькой рѣчки. Здѣсь мы сошли съ лошадей для *дас-туркаана*, приготовленнаго въ домѣ крестьянина около дороги.

Черезъ двѣ мили далѣе мы миновали усадьбы Калпинъ, а еще



немного далѣе развалины деревни того же имени, и затѣмъ выѣхали опять на широкую пустынную полосу съ рядомъ холмовъ и валовъ, протянувшихся отъ востока къ западу и скрывавшихъ впереди даль. Мѣстность здѣсь низменна, покрыта губчатымъ солянымъ налетомъ, солянкой и грубой травой, и непроходима иначе, какъ по торной дорогѣ вслѣдствіе различныхъ западней на ея пузырястой поверхности. Въ пныхъ мѣстахъ, скотъ пашъ, сойдя съ дороги, проваливался по колѣна въ рыхлую пыль, скрытую отъ глаза растеніями, растущими на соляной корѣ поверхности. Видя, что лошади моей слишкомъ трудно, я сошелъ съ нея и пошелъ было за драхмами, замѣченными мною въ сторонѣ направо, но рыхлая земля была такъ глубока, что идти по ней было весьма утомительно и я радъ былъ сѣсть снова въ сѣдло, оставивъ мысль объ охотѣ.

По ту сторону этой пустынной полосы мы нашли почтовый домъ Сугатъ Булакъ, или «Ивовый ключъ» у подножія возвышенностей изъ песку и гравія, которыя тянутся черезъ страну отъ запада къ востоку вдоль теченія рѣки Шагназъ. Дорога извивается между этими возвышенностями на протяженіи нѣсколькихъ миль, а затѣмъ, пройдя сквозь ущелье, выходитъ на бревенчатый мостъ, перекинутый черезъ мутную рѣку. Рѣка запружена выше отъ моста и по берегамъ ея съ обѣихъ сторонъ есть нѣсколько водяныхъ мельницъ, построенныхъ на каналахъ, проведенныхъ отсюда къ полямъ и фермамъ Шагназъ. Рѣка здѣсь течетъ въ глубокомъ песчаномъ руслѣ между высокими перпендикулярными, рыхлыми берегами и не можетъ быть переходима въ бродъ вслѣдствіе ея сыпучихъ песковъ. Она течетъ съ низкихъ холмовъ, находящихся на западѣ, и, протекиши по равнинѣ въ юго-восточномъ направленіи около двадцати пяти миль, терается, истощенная орошеніемъ земель. Далѣе за полями Шагназа, мы перенли голыя песчаныя возвышенности Кайрахъ, и спустились къ населеннымъ предмѣстьямъ Япги Хиссара, который самъ по себѣ представляетъ бѣдный, полуразрушенный маленькій городокъ, защищенный съ сѣвера сильнымъ фортомъ. Мы проѣхали черезъ его базаръ и, повернувъ надѣво, на бѣлыя какъ снѣгъ отъ соляного налета поля, сошли съ лошадей около одного дома, который былъ приготовленъ для нашего пріема и охраняемъ отрядомъ солдатъ. Мы должны были пробыть здѣсь только одинъ день, но поздно вечеромъ 1-го декабря прибылъ посоль изъ Кашгара съ приваза-ніемъ Халъ Мугаммеду задержать нашу партію еще на одинъ день.

Поэтому Мугаммедъ объяснилъ намъ весьма дипломатически, что Аталыкъ приказалъ ему заботиться, чтобы мы не уставали отъ усиленныхъ переходовъ и что онъ поэтому хочетъ устроить насъ здѣсь по возможности удобно еще и назавтра.

Такимъ образомъ мы отправились снова въ путь 3-го декабря и, сдѣлавъ двадцать пять миль, сошли съ лошадей передъ станціоннымъ домомъ Япчангъ. Путь нашъ лежалъ черезъ фортъ или Янгишаръ Янги-Хиссара и затѣмъ по широкой улицѣ мимо казармъ. Здѣсь не было ни парада, ни развода войскъ, но мы видѣли нѣкоторыхъ солдатъ сидящими подъ насаженными передъ дверями деревьями и порой замѣчали ихъ военную добычу—китайскихъ женщинъ, выглядывавшихъ изъ дверей или изъ-за стѣны. Нѣкоторые были въ цвѣтущихъ годахъ и имѣли замѣчательно хорошій цвѣтъ лица.

Миновавъ казармы, мы направились къ сѣверу черезъ скудно воздѣланную и пропитанную солью равнину, которая пересѣкается здѣсь двумя значительными каналами приблизительно на разстояніи миль одинъ отъ другаго, черезъ которые на дорогѣ перекинута мосты. Далѣе мы проѣхали мимо фермы Сайдлара, а затѣмъ переѣхали обширную песчаную пустыню, поросшую камышемъ и солянкою, и тамъ и сямъ покрытую стоячими прудами и болотами, среди которыхъ разбросаны на далекомъ разстояніи одна отъ другаго одинокія мызы. Миль черезъ пять мы прибыли въ Сохолукъ, гдѣ сошли съ лошадей передъ хорошенькимъ домикомъ для *дастурквана*.

Погода была прекрасная, но хотя солнце ясно свѣтило и пріятно грѣло, но мало дѣйствовало на ледъ замерзшихъ ручьевъ. Обычный туманъ исчезъ, и воздухъ былъ чистъ и морозенъ, какъ еще не былъ ни разу, такъ что мы могли видѣть весьма далеко. Мѣстность представляла обширную, волнистую и слабо населенную равнину, частію покрытую пескомъ и гравіемъ, частію поросшую тростникомъ, причемъ разнообразіе ея поверхности прерывали мѣстами песчаные валы. Къ югу и югозападу на небѣ рисовалось нѣсколько снѣжныхъ пиковъ и горныя массы группы Тагарма въ Сарыкъ Колѣ («желтомъ ущельѣ»), прямо же на западѣ тянутся болѣе низкія цѣпи Каратага («Черной горы»).

Выйдя изъ Сохолука, мы прошли четыре мили по поросшей тростникомъ мѣстности, гдѣ дорога извивалась между болотами и песчаными валами до самаго Ханъ-Арыка, который мы перешли по мосту,

и, слѣдую нѣкоторое время по его болотистому изгибу, перешли также по мосту одинъ его притокъ и затѣмъ вышли на поля Янчанга.

На слѣдующее утро, 4-го декабря, мы отправились уже въ Янгишаръ Кашгара, отстоявшій отъ насъ на четырнадцать миль. Дорога наша шла къ сѣверозападу по ровной песчаной мѣстности подобной той, которую мы только-что проѣхали; она была также скудно населенной, хотя ее пересекали отъ востока къ западу рѣка Тазхунъ и нѣсколько расходящихся отъ нея каналовъ, черезъ большую часть которыхъ, равно какъ и черезъ самую рѣку, были бревенчатые мосты. Впродолженіе тридцати минутъ послѣ того, какъ мы оставили Яншангъ, мы перешли по мостамъ три такихъ канала (опя текли въ низкобережныхъ песчаныхъ руслахъ и были непроходимы инымъ способомъ вслѣдствіе сыпучести песковъ), а затѣмъ и самую рѣку, и пятнадцать минутъ спустя вступили на поля селенія Тазхунъ, за узкой полосой которыхъ шла опять соленая степь, покрытая камышемъ, болотами и лужами. Черезъ два часа десять минутъ по выѣздѣ изъ Яншанга мы сошли съ лошадей передъ небольшою группою хижинъ на Карасунскомъ мосту для *дастурквана*.

Утренній воздухъ былъ рѣзокъ и морозецъ. Луги, маленькія рѣчки и даже большія рѣки были покрыты льдомъ. За Карасу, отстоящемъ отъ Янгишара миль на пять, мы были встрѣчены партіей въ пятнадцать или шестнадцать всадниковъ, предводительствуемыхъ кушбеги Мирзой Ахмедомъ, который былъ посланъ Аталыкомъ Газы привѣтствовать посланника. Это одинъ изъ самыхъ главныхъ приближенныхъ ко двору лицъ; это былъ первый богато одѣтый чловѣкъ, встрѣченный нами въ этой странѣ. Онъ былъ очень красивый собою мужчина, лѣтъ сорока пяти, съ крупными чертами лица и густой бородой и походилъ скорѣе на афганца, чѣмъ на татарина. Онъ былъ однимъ изъ немногихъ лицъ, имѣвшихъ званіе и положеніе, еще до прихода ихъ сюда, и фигурировалъ замѣтнымъ образомъ въ политикѣ Кокана, гдѣ дѣлалъ даже безуспѣшную попытку завладѣть трономъ, а также принималъ дѣятельное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, какъ противъ русскихъ, такъ и противъ Худояра Хана. Когда русскіе завладѣли Ташкентомъ въ 1865 году, онъ сдѣлалъ неудачную попытку предупредить Худояра въ завладѣніи Коканомъ и по возвращеніи хана на престолъ былъ принужденъ бѣжать изъ страны вмѣстѣ со многими другими, дѣйствовавшими противъ обѣ-

ихъ партій въ интересахъ кипчакской партіи. Водворившись въ резиденціи, мы его уже не встрѣчали болѣе.

За Карасу до Янгишара и Кашгара, на протяженіи пяти миль, страна является болѣе населенною и хорошо воздѣланною, такъ что во всѣхъ направленіяхъ видны фермы и поля.

Дорога наша шла мимо нѣсколькихъ артилерійскихъ казармъ, а затѣмъ вдоль восточной стороны форта и заворачивала къ резиденціи, т. е. только что для насъ выстроенному помѣщенію, стоявшему прямо противъ воротъ сѣверной стороны Янгишара, куда мы прибыли въ полдень. Мирза Ахмедъ, введя насъ въ наше помѣщеніе и распорядившись *дастуркваномъ*, попрощался съ посланникомъ, чтобы доложить о нашемъ пріѣздѣ своему государю.

Нѣсколько часовъ спустя, явился бывший прежде въ Индіи и знакомый посланнику Играръ ханъ Тора, чтобы представить насъ передъ лицо Аталыка Газы, ибо по обычаю страны почетные посѣтителі получаютъ аудіенцію тотчасъ же по прибытіи. Мы всѣ одѣлись въ полную форму и послѣдовали за посланникомъ, котораго вель во дворецъ Тора.

Разстояніе черезъ дорогу къ воротамъ было не болѣе выстрѣла изъ лука и мы встрѣтили только небольшую толпу солдатъ, собравшихся въ качествѣ зрителей. Проѣхавъ подъемный мостъ и тросъ воротъ, изъ которыхъ каждыя имѣли свою стражу, какъ въ Яркандѣ, и сойдя съ лошадей, мы пошли по площади къ воротамъ дворца или *орды*. Это зданіе безъ всякихъ претензій, съ плоскою крышей и съ тремя дворами, которыми надо пройти, чтобы попасть въ него. Два изъ этихъ дворовъ были заняты королевской стражей человекъ въ 400. Всѣ они сидѣли безмолвно и недвижимо длинными рядами вдоль стѣнъ веранды.

Пройдя первые два двора, мы невольно заразились торжественностью и безмолвіемъ, которыми былъ проникнутъ весь воздухъ этого мѣста. Когда мы входили черезъ ворота на третій дворъ, Играръ Ханъ, съ серьезнымъ и важнымъ видомъ, остановилъ насъ, прошелъ потихоньку впередъ, заглянулъ во дворъ и тогда уже сдѣлать знакъ намъ. Проходъ былъ всего въ три-четыре шага, и мы оказались на продолговатомъ дворѣ, съ двухъ сторонъ котораго была веранда, а съ двухъ другихъ бѣлыя штукатуренныя глиной стѣны. Подъ верандой противоположной стороны выходилъ рядъ стеклянныхъ, украшенныхъ рѣзьбою дверей, а посрединѣ двора былъ замерзшій прудъ, вокругъ

котораго росло нѣсколько высокихъ тополей. На дворѣ, кромѣ насъ, не было ни души — и безмолвіе было подавляющее. Тора съ наклоненной головою и сложенными руками безмолвно шелъ на шагъ или на два впереди насъ, а мы механически слѣдовали за нимъ на цыпочкахъ, стараясь сколько возможно уменьшить стукъ нашихъ сапоговъ о выложенную кирпичемъ дорожку.

Около ступеньки веранды нашъ проводникъ, все съ тѣмъ же торжественнымъ видомъ, сдѣлалъ намъ знакъ остановиться и, пройдя къ двери, исчезъ въ ней. Мы воспользовались случаемъ пошептаться между собою — говорить инымъ тономъ среди этой ужасной тишины не приходилось. Черезъ двѣ или три весьма длинныя минуты Тора снова появился на верандѣ и, поманивъ посланника, сдѣлалъ намъ знакъ оставаться на мѣстѣ.

Начальникъ нашъ вошелъ въ двери и, какъ мнѣ говорили, почти прошелъ всю залу, когда изъ противоположной двери вышелъ плотно сложенный мужчина лѣтъ пятидесяти, средняго роста и, протянувъ руку посланнику, выразилъ ему удовольствіе, что видитъ его въ Кашгарѣ. Звукъ голосовъ долетали къ намъ на дворъ; затѣмъ Тора, стоя на верандѣ, сталъ подзывать и насъ по очереди и пропускать въ залу. Мы проходили каждый отдѣльно всю залу (большую комнату, въ родѣ того, какъ въ *ордѣ* Ярканда) до противоположнаго конца, гдѣ Аталыкъ Газы сидѣлъ потурецки на полу, а рядомъ съ нимъ съ правой стороны сидѣлъ посланникъ. По представленіи нашимъ начальникомъ, мы наклонились, чтобы взять протянутую руку, и, дѣлая почтительный поклонъ на звучное и холодное «*саламатъ*» — привѣтъ Аталыка, отступили назадъ, чтобы садиться въ рядъ на подушку за посланникомъ.

Когда всѣ сѣли, Аталыкъ снова выразилъ посланнику въ краткихъ словахъ, съ чисто восточною торжественностью, удовольствіе видѣть его въ своей странѣ, заворачивая при этомъ свои руки въ длинные рукава *джубы*. Посланникъ отвѣчалъ также любезностями и въ знакъ благодарности за пріемъ хозяина приподнесъ ему винтовку. Подарокъ былъ принятъ съ поклономъ, но не было допущено ни любопытнаго осмотра, ни распросовъ, чтобы не нарушить такъ строго соблюдаемаго при этомъ дворѣ этикета. Затѣмъ Аталыкъ Газы бросилъ взглядъ на Тору, стоявшаго по сю сторону двери на противоположномъ концѣ залы, подавъ такимъ образомъ сигналъ для *дастуривана*. Прежде чѣмъ выйти для распоряженій, Тора низко

поклонился и произнесъ *таксиръ*. Опъ сейчасъ же возвратился, но прежде чѣмъ стать въ почтительно-внимательной позѣ на своемъ прежнемъ мѣстѣ, упалъ на одно колѣно и, быстро поглаживая бороду, пробормоталъ благословеніе.

Вслѣдъ за нимъ вошла вереница въ двадцать пять или тридцать солдатъ съ мечами у пояса, несущихъ подносы съ плодами и сладостями, которые были разставлены на разостланной передъ нами однимъ изъ этихъ солдатъ шелковой коканской скатерти. Все это было сдѣлано съ такимъ заученнымъ спокойствіемъ, что безмолвіе комнаты было нарушено развѣ только шумомъ ихъ шелковой одежды, пока не раздался на площади гулъ салюта, состоявшаго изъ пятнадцати медленно слѣдовавшихъ одинъ за другимъ выстрѣловъ. Этотъ военный способъ отдаванія чести былъ нововведеніемъ въ странѣ, и, по словамъ Хаджи Торы, сегодня былъ первый случай его примѣненія: Аталыкъ отплачивалъ намъ за подобный же приемъ его посланника властями Индіи.

Во все это время Аталыкъ, по обычаю страны, сидя на скрещенныхъ пяткахъ, хранилъ глубокое молчаніе, а мы сидѣли неподвижно, уставивъ глаза на стоявшіе передъ нами подносы, или прямо впередъ въ противоположныя окна, выходящія на дворъ, гдѣ прохаживалось нѣсколько солдатъ съ ружьями, или же кротко обращая ихъ на ту особу, характеръ которой внушалъ такое благоговѣніе.

Послѣ послѣдняго выстрѣла салюта солдатъ внесъ на подносѣ двѣ чашки чаю и сталъ съ ними на колѣни передъ Аталыкомъ, который, смѣнивъ на минуту важное выраженіе лица милой улыбкой, предложилъ его посланнику; затѣмъ, доставъ съ ближайшаго подноса *дастурквану* сухарь, разломилъ его и подаль кусочекъ посланнику, приглашая въ то же время словомъ *бисмиллаа* приступить къ *дастурквану* и насъ.

Ледъ сдержанности былъ теперь сломанъ, и между Аталыкомъ Газы и посланникомъ завязался разговоръ, прерываемый длинными паузами важнаго молчанія. «Вы совершили трудное путешествіе по дурнымъ дорогамъ», замѣтилъ его высочество, «падѣюсь, что мои чиновники исполняли ваши требованія удовлетворительно». Посланникъ отвѣтилъ увѣреніемъ, что мы путешествовали съ комфортомъ и выразилъ полную нашу благодарность за все вниманіе, оказанное намъ его высочествомъ.

«Вамъ должно было показаться холодно на пути отъ Ярканда.

Здѣсь морозъ уже дня четыре былъ довольно силенъ и все будетъ увеличиваться втеченіи слѣдующихъ двухъ мѣсяцевъ». Посланникъ, поблагодаривъ за сдѣланныя для нашего удобства приготовленія, возразилъ, что въ удобномъ помѣщеніи холодъ будетъ только напоминать намъ нашу родную страну.

Послѣ этого Аталыкъ обратился къ прежнему посѣщенію страны посланникомъ, замѣтивъ, что онъ никакъ не могъ встрѣтить его въ тотъ разъ, такъ какъ сиѣшныя и важныя дѣла потребовали тогда его присутствія на восточной границѣ, по что онъ весьма чтитъ его теперешній визитъ. «Вы пріѣхали въ свою собственную страну, говорилъ онъ. Вамъ чрезвычайно рады. Располагайтесь, какъ дома. Вы свободны дѣлать на моей территоріи все, что законопно».

Наконецъ, съ подлежащей церемоніей былъ поданъ другой кусочекъ хлѣба, и *аллакъ акбергъ*, сопровождаемый поглаживающимъ бороды, былъ знакомъ къ принятію *дастурквана*. Вереница солдатъ появилась снова и, подобравъ все безъ шума, удалась со своими подносами. Затѣмъ, закрывая руки въ рукава своей *джубы*, Аталыкъ повторилъ свое первое «*саламатъ*», на что мы съ посланникомъ встали, откланялись и вышли изъ залы, кое какъ переступая своими оцѣмѣлыми и оцѣпенѣлыми ногами.

Мы вышли тѣмъ же путемъ, какимъ и вошли, и Тора проводилъ насъ до нашихъ квартиръ. Выйдя изъ священныхъ предѣловъ дворца, мы сбросили съ себя торжественность его атмосферы и снова вздохнули и заговорили свободно вмѣстѣ съ Торою, который внутренно былъ доволенъ и гордился впечатлѣніемъ, произведеннымъ на насъ присутствіемъ его августѣйшаго господина.

Аталыкъ имѣеть замѣчательную фізіономію, которую не легко описать. Въ ней нѣтъ ни одной особенно рѣзкой черты, и если бы ее увидѣть въ толпѣ, она осталась бы незамѣченною, какъ весьма обыкновенная. Но она имѣеть свои особенности и носитъ выраженіе, которое захется болѣе дѣланнымъ, чѣмъ естественнымъ. Общее очертаніе лица у него татарское, по рѣзкости татарской фізіономіи смягчены и округлены узбекскою кровью. Оно широко, полно, безъ всякихъ рубцевъ и морщинъ, и въ выраженіи его менѣе повелительной важности, чѣмъ чувственной страсти. Быть можетъ, это результатъ вліянія превратностей и раболѣпства его жизни при южнскомъ дворѣ, окончившейся только десять лѣтъ тому назадъ. Лобъ его широкій и высокій, безъ всякихъ слѣдовъ морщинъ, выдается во

всей своей красѣ подъ хорошо надѣтымъ тюрбаномъ, чисто бѣлыми складки котораго стоятъ высоко надъ бритымъ черепомъ. Но размѣры лба значительно теряются отъ сильнаго развитія скуль, скрадывающихъ даже размѣры носа. На всякой другой физиономіи оцѣ былъ бы великъ и массивенъ, между тѣмъ какъ въ данномъ случаѣ оцѣ казался коротокъ, не очень широкъ и высокъ, частью благодаря также рту, который вмѣстѣ съ глазами составляетъ самыя поразительныя черты. Онъ великъ, по очерченъ не грубо; губы толсты и мясисты, но въ то же время твердаго склада. Выраженіе его строгое; хотя по временамъ при разговорѣ верхняя губа складывается на минуту въ весьма пріятную улыбку, но все-таки тотчасъ же принимаетъ опять повидимому заученное выраженіе важности. Глаза подъ высокими бровями, большіе, но не мягкіе. Они поворачиваются медленно и смотрять съ размышленіемъ, не припимая участія въ мимолетныхъ улыбкахъ губъ. Обыкновенное выраженіе ихъ—задумчивость и меланхолія. Вообще расположеніе чертъ кажется результатомъ заученной важности и сдержанности, и хотя отъ природы физиономія хороша, но выраженіе ея тѣмъ не менѣе не привлекательно.

Во время нашего пребыванія въ Кашгарѣ мы были у его высочества пять разъ и каждый визитъ сопровождался все тою же церемонностью и этикетомъ. Въ предѣлахъ дворца все было пропитано заученной простотой, важной торжественностью и благоговѣйнымъ молчаніемъ, характеризующими строгую дисциплину, соблюдаемую этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ. Здѣсь нѣтъ никакихъ признаковъ любви и довѣрчивости, а всюду выражаются страхъ и себялюбіе. Здѣсь нѣтъ также опредѣленной системы управления — воля деспота составляетъ законъ. Его собственный народъ и его подданные и думаютъ, и говорятъ, и дѣйствуютъ съ постояннымъ сознаніемъ того, что одна минута можетъ сдѣлать ихъ несчастными; поэтому они всегда покорны и раболѣпны.

Самъ человѣкъ, создавшій и наблюдающій это социальное положеніе, если есть хотя десятая доля правды въ томъ, что говорится таинственнымъ шопотомъ о его нравѣ и дѣйствіяхъ, не можетъ пользоваться любовью и откровенностью тамъ, гдѣ прямо высказывающихся чувствъ не существуетъ. Вынуждаемая имъ вѣрность есть результатъ страха, а не доброй воли, и выраженіе ея требуется даже въ мелочахъ, какъ мы могли не разъ замѣтить во время нашего пребыванія въ странѣ.



Онъ никому не довѣряетъ, но и ему не довѣряетъ никто. Принципы его управленія—глубокая таинственность и воля повелителя, капризовъ которой не можетъ предугадать ни одинъ человѣкъ, при чемъ особенно тяжело недовѣріе къ приближеннымъ. На сколько все это—результатъ особыхъ условій его положенія, угадать трудно; но несомнѣнно только, что оно существуетъ и составляетъ новостъ въ управленіи страны. Говорятъ, что все управленіе устроено по коканскому образцу, и всѣ придворныя званія и чины тѣ же, что и въ Коканѣ, гдѣ съ полстолѣтія тому назадъ Мугаммедъ Али Ханъ при основанномъ имъ дворѣ возстановилъ систему могольскихъ императоровъ.

Впрочемъ, какъ ни строго управленіе и какими бы способами оно ни было установлено, оно дѣйствуетъ совершенно послѣдовательно съ такимъ успѣхомъ, что уже изгнало изъ страны крупныя преступленія. Такое дисциплинированное состояніе народа объясняется частью его покорнымъ нравомъ, частью величіемъ ислама, во имя котораго совершены были черемъны державнымъ государемъ, управляющимъ здѣсь нынѣ полутора милліонами людей, бывшихъ передъ тѣмъ болѣе ста лѣтъ подданными сравнительно снисходительныхъ китайскихъ правителей.

Втеченіи трехмѣсячнаго пребыванія въ Кашгарѣ мы слышали только объ одномъ убійствѣ, за которое преступникъ былъ публично зарѣзанъ на главномъ базарѣ города, и не слышали ни разу о грабежахъ на большихъ дорогахъ. Повидимому, этотъ родъ преступленія свойственъ только кочующимъ киргизамъ на границахъ страны.

Возвратясь отъ Аталыка, мы стали устраиваться въ приготовленныхъ для насъ квартирахъ и вскорѣ открыли причину нашего задержанія въ Яркандѣ и Янги Хиссарѣ. Строеніе было начато по прешрожденному Хаджи Торою плану только тогда, когда догнавшій насъ въ Нубурѣ посоль его Мулла Артокъ прибылъ въ Кашгаръ, и теперь было только-что окончено. Оно состояло изъ двухъ чистыхъ дворовъ, окруженныхъ комнатами, и двухъ черныхъ для конюшенъ и для прислуги. Все это окружено было четырехугольными стѣнами, въ которыхъ имѣлись только одни ворота со стороны форта. Комнаты были убраны весьма удобно, подобно тому, какъ въ Каргаличѣ и Яркандѣ, и во все время нашего пребыванія здѣсь мы пользовались самымъ любезнымъ вниманіемъ.

Вокругъ нашей резиденціи была открытая площадь, а за нею съ

одной стороны былъ военный базаръ, а съ другой разбросаны полковыя казармы (маленькіе укрѣпленные скверы). Съ сѣверной стороны между этими казармами, на небольшомъ разстояніи, было красивое зданіе, окруженное высокими тополями и обнесенное стѣнами. Это одинъ изъ гаремовъ Аталыка, въ которомъ, какъ говорятъ, содержится сто двадцать красавицъ изъ различныхъ мѣстъ страны. Другой гаремъ находится внутри форта, а третій въ Янги Хиссарѣ. Общее число ихъ обитательницъ опредѣляется различно, отъ двухсотъ пятидесяти до четырехсотъ. Между этими женщинами есть, говорятъ, представительницы почти всѣхъ пародностей отъ городовъ Китая на востокѣ до рынковъ Константинополя на западѣ, и отъ стеней Монголіи на сѣверѣ до долинъ Гималаевъ на югѣ. Новшій Наполеонъ татарскихъ степей, какъ называютъ его за успѣшныя узурпаціи его поклонники, могъ бы очень хорошо быть названъ и современнымъ Соломономъ, ибо хотя онъ и не обладаетъ вошедшей въ пословицу мудростью этого древняго царя, по крайней мѣрѣ соперничаетъ съ нимъ въ количествѣ женъ и наложницъ. Что касается первыхъ, то Якубъ Бегъ, какъ благочестивый мусульманинъ, запасся полнымъ законнымъ числомъ ихъ еще въ Коканѣ, но теперь эти четыре подруги жизни бывшаго простаго Кунбегн должны дѣлить свое счастье съ еще въ четыре раза большимъ числомъ женъ, съ которыми ихъ властелину, въ качествѣ Аталыка Газы, угодно было вступить въ законный бракъ, не считая наложницъ, которыхъ онъ пожелаетъ почтить своею благосклонностью. Самая лучшая будущность, которой могутъ ожидать послѣднія, это сдѣлаться женами заслуженныхъ чиновниковъ, которыхъ соблаговолить почтить такимъ образомъ ихъ царь и господинъ.

Черезъ нѣсколько дней по прибытіи нашемъ въ Башгаръ Аталыкъ Газы посѣтилъ гробъ святаго Хазратъ Афага, покровителя страны, и возвратился на слѣдующій день въ свой дворецъ еще съ титуломъ Эмира Мухаммедъ Якубъ Хана, *Эмира углулминна*, т. е. «Главы Вѣрныхъ», и выпустилъ новыя монеты отъ имени царствующаго султана Турціи. По этому случаю не было ни парада, ни церемоніи; эмиръ принималъ только поздравленія отъ своихъ войскъ съ почетнымъ саномъ, пожалованнымъ ему верховнымъ представителемъ вѣрныхъ.

11 декабря посланникъ со всей своей свитой, въ полной формѣ, сдѣлалъ визитъ эмиру, вручивъ ему при этомъ письмо и

подарки отъ королевы, а также письмо и подарки отъ вице-короля Индіи. Посланникъ соблюдалъ всѣ надлежащія чины и церемоніи и былъ принятъ эмиромъ съ совершенно такимъ же этикетомъ, какъ и въ первый разъ, а именно, эмиръ встрѣтилъ его стоя и затѣмъ сѣлъ на полу прежде, чѣмъ всѣ остальные вошли. Между подарками всего больше возбудили удивленія и были приняты съ особеннымъ удовольствіемъ швейныя машины, слухъ о которыхъ доходилъ сюда съ московскаго рышка. Онѣ скоро попали въ гаремъ, гдѣ прекрасныя пальчики не замедлили ихъ испортить, и вотъ однажды Играръ Хапъ Тора привезъ ихъ назадъ, чтобы исправить и взять урокъ, какъ ими дѣйствовать, и, удовлетворенный, отправился назадъ объяснять, какъ просто было на нихъ работать. Но онъ ли оказался плохимъ учителемъ, или же дамы были слишкомъ поспѣшны въ своихъ опытахъ, только машинки скоро опять явились къ намъ разобранныя, для починки и направленія на истинный путь. На этотъ разъ съ ними явился портной, чтобы изучить тайны ихъ устройства и употребленія, и обученіе его ковидимому пошло въ прокъ. Во всякомъ случаѣ мы больше не слыхали уже о машинкахъ.

На телеграфній аппаратъ, для приведенія въ дѣйствіе котораго нѣкоторые изъ нашей партіи употребили много времени, рассчитывая показать его силу передачею сообщеній изъ резиденціи посланника во дворецъ эмира и обратно, очевидно посмотрѣли недоувѣрчиво, такъ что его высочество ни разу болѣе не заговаривалъ о немъ, и тѣмъ болѣе не выражалъ желанія видѣть его въ дѣйствіи. То же было и съ моделями паровозовъ и пароходовъ, не столько въ слѣдствіе предразсудка, что они измышленія дьявола, сколько въ слѣдствіе совершеннаго непониманія ихъ употребленія и силы.

13 декабря мы отправились въ городъ, въ гости къ дядьваху Алипъ Бсю, который живетъ въ *ордѣ*, весьма похожей по плану и окрестностямъ на Арендскую. Въ аудіенцъ-залъ былъ приготовленъ для насъ самый роскошный *дастурквангъ*, андижанской и кытайской кухни. Последобѣдненное время мы провели въ принадлежащемъ къ его дворцу саду, который дѣломъ долженъ составлять чрезвычайно пріятное убѣжище, но мы видѣли его среди зимы и потому онъ показался намъ только прекраснымъ. Въ немъ было два большихъ пруда, на одномъ изъ которыхъ капитанъ Чэпмэнъ при слѣдующемъ посѣщеніи показалъ хозяину, какъ европейцы катаются на конькахъ. Его быстрыя и ловкія движенія заставляли удивляться

дадкбаха и его свиту, и мы не разъ слышали о памѣреніи эмира присутствовать при зрѣлищѣ, но по какимъ-то причинамъ его высочество ни разу не воспользовался случаемъ исполнить свое намѣреніе.

Отъ Ингишара до городскихъ воротъ ѣзды часъ и двадцать минутъ, считая обыкновенную ѣзду по четыре мили въ часъ. Дорога туда идетъ между маленькими, обнесенными стѣнами казармами и черезъ три или четыре оросительные канала, на которыхъ въ различныхъ мѣстахъ перекинуты простые бревенчатые мосты, а затѣмъ вдоль берега низководнаго Кизиль Су, т. е. «Красной рѣки», по плотинѣ, усаженной по краямъ ивами, вплоть до моста черезъ рѣку, которая здѣсь течетъ въ весьма низкихъ берегахъ.

Мостъ этотъ грубо и небрежно выстроены изъ дерева и поддерживается двумя быками, поставленными въ руслѣ. Дорога по обѣимъ сторонамъ поднимается къ нему по наклоннымъ землянымъ насыпямъ. Сейчасъ же за этимъ мостомъ, ближе къ городу, находится то мѣсто, гдѣ Ходжа Вали Ханъ въ 1857 году убилъ Адольфа Шлагинтвейта и присоединилъ его голову къ тому сооруженію изъ череповъ, которое было воздвигнуто имъ здѣсь во время тирани его безумнаго господства. Онъ снова появился—было на сценѣ своихъ прежнихъ безобразій въ партіи Ходжи Бузургъ Хана 1864—5 г., но впоследствии, когда мѣсяцевъ шесть спустя Аталыкъ Газы вошелъ въ силу, онъ былъ устранивъ какъ безпокойный характеръ и возможный соперникъ.

За мостомъ по правую руку и немного въ сторону отъ дороги видны развалины стараго Кашгара Аски Шара или Аски Сай, какъ онъ обыкновенно произносится, — того «стараго города», который разрушенъ Мирзой Абабакомъ, какъ я уже упоминалъ выше. Разрушеніе было полное; остались неразрушенными только валы съ трехъ сторонъ цитадели. Восточныя стѣны были совершенно смыты притокомъ рѣки Туманъ, который былъ запруженъ, чтобы затопить городъ и уничтожить всякіе слѣды его мазаночныхъ стѣнъ; его русло нынѣ идетъ по сю сторону форта, бывшая площадь котораго занята теперь нѣсколькими бѣдными деревенскими хижинами и хлѣбными полями. Уцѣлѣвшія стѣны имѣютъ двадцать четыре фута высоты и двѣнадцать шаговъ ширины вверху. Онѣ выстроены изъ твердой глины и гравія и имѣютъ видъ значительной прочности. Черезъ промежутки въ пятьдесятъ или шестьдесятъ шаговъ въ нихъ сдѣланы

высокія круглыя насыпи изъ поперебѣнныхъ пластовъ глины и бута, ясно отдѣляющихся еще и теперь. Съ западной стороны такихъ насыпей четыре и онѣ выдаются впередъ изъ стѣны футовъ на тридцать. Въ нихъ видно по три и по четыре горизонтальныхъ ряда диръ, расположенныхъ одинъ надъ другимъ на разстояніи футовъ шести—это мѣсто гдѣ были вставлены балки, которыя шли въ нѣсколько рядовъ между стѣной и насыпями, и составляли вѣроятно крытые переходы отъ наружныхъ укрѣпленій къ форту, гдѣ прятались стрѣльцы, чтобы отвѣчать боковой огонь на нападающихъ.

Вокругъ по равнинѣ идутъ многолюдныя предмѣстья и есть нѣсколько весьма важныхъ святынь, между которыми главное мѣсто занимаютъ алтари Саидъ Джалалуддинъ Бахдади и Хозратъ Падша. Послѣдній построенъ надъ головою Арсланъ Хана изъ дома Бахра Хановъ, тѣло котораго лежитъ подъ алтаремъ Ордамъ Падша въ Кумъ Шагиданъ (Пески мучениковъ).

Онъ былъ убитъ, какъ я расскажу впоследствии, въ сраженіи съ китайцами Хотана и генераль побѣдитель бросилъ его головою въ городскую стѣну въ упрекъ трусливому, запершемуся за ней, гарнизону. Впоследствии, когда непріятель былъ прогнанъ, голова князя-мученика была похоронена на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была найдена за стѣной, и затѣмъ здѣсь былъ построенъ алтарь. Такимъ образомъ мѣстонахожденіе алтаря можетъ служить указаніемъ прежней границы стѣны съ этой стороны и отчасти дастъ понятіе о пространствѣ, заключавшемся въ нихъ.

Внутри, по характеру архитектуры Кашгаръ очень похожъ на Яркандъ; только улицы его уже и оживленнѣе. Онъ вообще значительно меньше Ярканда, но торговля его дѣятельнѣе и лавки представляютъ болѣе богатый выборъ товаровъ. Населеніе его имѣетъ видъ гораздо болѣе здоровый и крѣпкій, и не такъ сильно страдаетъ зобомъ. Въ центрѣ города, противъ *орды* дадеваха находится новый выстроенный эмиромъ серай, который, равно какъ и *орда*, представляетъ одно изъ самыхъ приличныхъ видѣнныхъ нами здѣсь зданій. Купцы здѣсь все русскіе и коканскіе, а на базарахъ видно много манджуровъ, китайцевъ и дунганей. Сами горожане имѣютъ болѣе ясныя татарскія черты, чѣмъ въ Яркандѣ, и представляютъ болѣе однородный типъ, не перемежанный съ аріанскими формами бадакчей, пенджабцевъ, вакхіевъ и кашмирцевъ, какъ въ южномъ городѣ.

Мы возвратились отъ дадеваха весьма довольные его радушіемъ;

послѣ этого еще нѣсколько разъ были въ городѣ и остались при томъ же благопріятномъ впечатлѣніи, которое было произведено въ первый разъ. Его улицы и базары всегда представляли дѣятельный и оживленный видъ, какъ въ обыкновенные дни, такъ и въ рыпочные, вѣроятно — отъ того, что гарнизонъ находится внѣ города, такъ что omnibusъ ежедневно ходятъ между воротами города и форта.

18-го декабря мы присутствовали на смотре служащихъ у эмира китайскихъ войскъ, происходившемъ на обширномъ плацѣ-парадѣ, нѣсколько къ сѣверу отъ нашей резиденціи. Этотъ плацъ-парадъ идетъ по правому берегу Кизиль Су и покрытъ разставленными во всѣхъ направленіяхъ мишенями, передъ которыми во время нашего здѣсь пребыванія происходили постоянныя упражненія.

На плацѣ-парадѣ было двадцать восемь ротъ по пятидесяти человекъ каждая, которыя раздѣлялись на двѣ бригады, дунганцевъ и янги-мусульманъ. Хо Далай послѣдней бригады командовалъ обѣими, и Магъ Далай первой составлялъ какъ бы его помощника. Люди эти мало отличаются другъ отъ друга по платью и нисколько не отличаются по языку и чертамъ лица. У обоихъ у нихъ были надѣты широкіе халаты изъ бумажной ткани, а на головѣ повязаны платки, два конца которыхъ мотались надъ ушами. Маневры шли систематически по знакамъ, подававшимся маленькими флагами колоповожатями, согласно съ прибавленіями Хо Далая, который вмѣстѣ съ Магъ Далаемъ находился посреди поля, гдѣ стояли музыканты.

Въ каждой ротѣ было по два флага треугольной формы и какихънибудь двухъ яркихъ цвѣтовъ — краснаго съ бѣлымъ, желтаго съ синимъ, зеленаго съ бѣлымъ и т. д.; солдаты же раздѣлялись на отдѣленія по пяти человекъ, — число необходимое для употребленія тифу, ихъ единственнаго оружія. Двое носили на плечахъ это тяжелое оружіе, при чемъ стрѣляли всегда задній, и тогда стволъ оставался на плечѣ передняго, который становился на колѣно; трое же другихъ поочередно заряжали и насыпали приводъ въ затравку.

Эволюціи состояли изъ маршировки, составленія колоннъ и рядовъ и стрѣльбы залпомъ. Стрѣлки производились другими солдатами, одѣтыми въ особую форму. Такъ, одинъ отрядъ ихъ носилъ греческіе шлемы и былъ вооруженъ стрѣлами и луками. Они пускали свои стрѣлы въ воображаемаго врага и отступали назадъ, за выстроив-

пихся въ рядъ солдатъ, которые затѣмъ залпомъ стрѣляли въ нихъ. Когда дымъ разсѣявался, выступалъ отрядъ копьеспосцевъ и кололъ пиками упавшихъ непріятелей, которые будто бы лежали на землѣ. Затѣмъ весь рядъ отступалъ подъ прикрытіемъ отряда щитоносцевъ, одѣтыхъ въ желтое платье—куртку, штаны и шапку, все изъ одного куска, съ черными полосами, на подобіе тигровъ, при чемъ шапки были съ ушами. Вооружены они ружьями, которыя заряжали и изъ которыхъ стрѣляли чрезвычайно ловко среди своихъ продѣлокъ. Обязанностью ихъ было задерживать кавалерію, для чего они продѣлывали всевозможныя штуки, прыгали, махали своими большими щитами, съ ярко нарисованными головами драконовъ, кричали, затѣмъ вдругъ перекувыркивались, или катились по землѣ и стрѣляли изъ своихъ ружейныхъ стволовъ. Наконецъ, удаляясь, они останавливались по временамъ и рубили своими мечами упавшихъ воиновъ. По окончаніи маневровъ войска составляли колонны и проходили мимо Хо Далая и его свиты, а музыканты играли въ это время веселую пьесу. Инструменты были—барабаны, флажолеты и цимбалы; самый большой барабанъ носили два человѣка на деревянныхъ носилкахъ. Затѣмъ всѣ отправились по своимъ квартирамъ—янгимусульмане—въ свой собственный фортъ на берегу рѣки, а дунгане въ казармы близъ города.

Послѣ этого мы были приглашены Хо Далаемъ на китайскій завтракъ, приготовленный для насъ въ раскинутой на полѣ палаткѣ, гдѣ вниманіе наше двоилось между разставленными передъ нами вкусными яствами и атлетическими упражненіями мальчиковъ-музыкантовъ, собранныхъ передъ палаткой, чтобы развлекать насъ. Они продѣлывали чрезвычайно ловкія и искусныя штуки съ простыми палками, дрались, размахивали щитами, боролись, пинались и закончили театральнымъ представленіемъ, состоявшимъ въ томъ, что щитоносцы изобразили изъ своихъ щитовъ нѣчто въ родѣ замка, который былъ взятъ приступомъ другою партіей, и на стѣны его было внесено за голову и за ноги окоченѣлое тѣло. Послѣ этого уже все наше вниманіе сосредоточилось на угощеніи Хо Далая, которое восхищало насъ разнообразіемъ блюдъ, собранныхъ вмѣстѣ и быстро смѣнявшихся одно другимъ. Завтракъ былъ поданъ на низенькомъ столѣ, вокругъ котораго были поставлены стулья. Вся поверхность этого стола была заставлена до такой степени, что едва оставалось мѣсто для маленькихъ тарелочекъ, съ которыхъ мы

должны были ѣсть. Тарелочки эти были разставлены по краю кругомъ стола и при каждой была ложка изъ китайскаго фарфора, палочка и бумажная салфетка, красиво сложенная на подобіе книжной обертки. Съ одной стороны была подпись китайскими буквами, которая, какъ говорятъ, значила: «Хорошій аппетитъ, хорошее пищевареніе», а съ другой была затѣнута зубочистка.

Сначала были поданы поджаренный миндаль, орѣхи, фисташки, пироги съ крошенымъ мясомъ, сладкіе пироги съ вареньемъ, плоды вареные въ сахарѣ, сиропы и пирожныя; затѣмъ вкусные супы, тушеное мясо, пилавы, жаренные гуси, жареное мясо съ вареною зеленою или съ густымъ соусомъ изъ варенья и сладкаго картофеля. Затѣмъ были также разнаго рода хлѣбы и печенья и *ильказанъ*, вродѣ «*pot-au-feu*», въ сосудѣ, похожемъ на самоваръ съ широкой крышкою. Въ центральномъ цилиндрѣ его была красная зола, которая поддерживалась въ этомъ состояніи помощію отверстій внизу (отъ такого устройства происходитъ и названіе посуды), а въ пространствѣ вокругъ цилиндра находилась всякая всячина, овощи, тѣсто и пр., все сваренное вмѣстѣ и составляющее весьма вкусную смѣсь. Казалось, что хозяинъ за одинъ разъ хотѣлъ познакомить насъ со всѣмъ длиннымъ рядомъ полной баттары своей національной кухни, и, конечно, успѣлъ убѣдить насъ въ чрезвычайномъ искусствѣ главы ея. Не было ни одного блюда, которое не имѣло бы своего спеціальнаго достоинства.

Въ настоящее время здѣсь, на службѣ у эмира, находится всего около трехъ тысячъ старыхъ китайскихъ и дунганскихъ войскъ. Полсѣднія составляютъ около трети всего числа и употребляются преимущественно для гарнизоновъ города и пограничныхъ постовъ Чикмака вмѣстѣ съ андижанскими войсками. Первые же, хотя всѣ они номинально янги-мусульмане, не пользуются довѣріемъ и употребляются только для карауловъ въ Янгишарѣ и различныхъ казармахъ.

Это единственные остатки управлявшей страной китайской арміи. Они пережили всѣ рѣзани и осады революціи и теперь доживаютъ свой вѣкъ подъ покровительствомъ эмира. Исторію ихъ составляетъ странное исключеніе въ ряду событій, слѣдовавшихъ одно за другимъ такъ однообразно во всѣхъ другихъ мѣстахъ территоріи. Якубъ Бегъ, нынѣшній эмиръ, осенью 1865 взялъ Кашгаръ, благодаря Хо Далаю, командовавшему войсками гарнизона. Черезъ



посредство своего мусульманина — секретаря и переводчика онъ сдать обѣцалъ фортъ и принять исламъ, если только его оставятъ въ живыхъ и позволятъ взять съ собою свою семью и своихъ приверженцевъ. Заключивъ такого рода условіе, онъ сообщилъ о своемъ намѣреніи амбаню, т. е. губернатору, и совѣтовалъ ему сдаться.

Но амбань, пораженный его предложеніемъ и потерявшій надежду на спасеніе, тотчасъ же поджегъ свой дворецъ и погибъ въ его пламени отъ взрыва хранившагося въ немъ пороха. Якубъ Бегъ, узнавъ о положеніи дѣлъ, велѣлъ своимъ войскамъ взять фортъ, отправивъ отрядъ для защиты Хо Далая. Хо Далай съ семьей и приближенно съ тремя тысячами китайскихъ воиновъ и женщинъ былъ взятъ подъ покровительство, а затѣмъ андижанскіе солдаты, ворвавшись въ фортъ, передали все остальное мечу и втеченіе семи дней грабили жилища.

Наконецъ Якубъ Бегъ водворилъ порядокъ, построилъ на мѣстѣ буддистскаго храма мечеть, а на мѣстѣ дворца амбаня свою *орду* и прежде даже чѣмъ послѣдняя была окончена — переселился въ нее, ознаменовавъ принятіе независимой власти рядомъ пировъ, во время которыхъ женился на дочери Хо Далая, помѣщеннаго вмѣстѣ со своими людьми въ маленькой, обнесенной стѣною, казармѣ по другую сторону рѣки Кизиль.

Среди ихъ были поселены мусульманскіе священники, чтобы учить ихъ правиламъ новой вѣры, но въ другихъ отношеніяхъ они сохраняли свои обычаи на столько, по крайней мѣрѣ, на сколько позволяли требованія ислама.

Среди насилій и жестокостей, совершавшихся во имя ислама надъ этимъ народомъ во всѣхъ мѣстахъ страны, этотъ исключительный примѣръ значительно говоритъ въ пользу эмира. Ибо хотя китайцамъ и не довѣряютъ и подозрѣваютъ ихъ въ томъ, что они тайно придерживаются буддистскихъ обрядовъ, принимается во вниманіе одинокое положеніе ихъ, и съ ними обращаются вообще снисходительно, на сколько это, по крайней мѣрѣ, возможно въ данномъ случаѣ.

Послѣ смотра войскъ, мы присутствовали при упражненіяхъ одной артиллерійской батареи, которой командовалъ уроженецъ Пенджаба, служившій у нѣсколькихъ государей въ центральной Азій со времени сейковъ, когда онъ впервые оставилъ родину. Пушкири были большею частью афганцы или пенджабцы и казались ловкими, хотя

и грубымъ народомъ. Самое же лучшее изъ всего были лошади, возившія орудія.

Мы не видѣли въ странѣ пѣхоты и ни одного правильно обученнаго и снаряженнаго полка. Всѣ войны здѣсь верхами и только на полѣ сраженія сходятъ съ лошадей, чтобы драться. Тогда, въ своей страпной одеждѣ, они кажутся для непривычнаго глаза чрезвычайно забавными. Все ихъ широкое развѣввающееся платье собирается въ широкіе шаровары, туго завязывающіеся у пояса, и тогда воинъ получаетъ видъ перевязанной по серединѣ подушки, переваливающейся на коротенькихъ подпюрокъ. Впрочемъ, хотя платье это вовсе не воинственно, оно имѣетъ въ этой странѣ свои достоинства. Оно хорошо грѣетъ и даетъ возможность всаднику соскакивать съ сѣдла и вскакивать въ него съ удивительною ловкостью.

## ГЛАВА X.

Рака Хазратъ Афака. — Возрожденіе ислама. — Дѣйствіе чудесъ. — Обѣдъ съ Хаджи Тора. — Поѣздка въ резиденцію. — Рака Марія. — Легенда о ней. — Пріемъ въ Артокѣ. — Исторія Сатокъ Багара Хапа. — Обращеніе въ исламъ. — Смерть Сатока. — Охота съ орломъ. — Охота на дикаго кабана. — По окраинамъ Тинь-Шаня. — Лагерь между киргизами. — Вашъ Сугунъ. — Исламъ и китайское владичество.

Наканунѣ Рождества эмиръ прислать каждому изъ насъ по мерлушковой *джубѣ*, покрытой коканской шелковой матеріей, при чемъ не было двухъ изъ нихъ, одинаковыхъ по рисунку ткани. Завернутые въ роскошныя складки этихъ *джубъ*, мы легко могли быть приняты за тѣлохранителей эмира, если бы только умѣли неподвижно сидѣть на пяткахъ и важно смотрѣть, не говоря ни слова, по цѣлымъ часамъ.

Наканунѣ Новаго года подобное же теплое платье, но только крытое не шелкомъ, было прислано каждому изъ членовъ нашей свиты. Такое выраженіе благосклонности эмира было весьма умѣстно и своевременно, такъ какъ термометръ уже нѣсколько дней стоялъ на нѣсколько градусовъ ниже нуля, показывая максимумъ температуры дня въ три и четыре градуса ниже точки замерзанія.

Въ Рождество мы отправились посмотрѣть на стрѣльбу китайцевъ изъ *мифу* и на артиллерійскія упражненія батареи, видѣнной нами нѣсколько дней тому назадъ. Изъ *мифу* было сдѣлано нѣсколько очень хорошихъ влестрѣловъ на разстояніи въ двѣсти пятьдесятъ шаговъ. По окончаніи этихъ упражненій наши конвойные показали также свое искусство и ловкость и удивили народъ сколачиваемъ палатокъ. Впрочемъ, толпа зрителей не знала, повидаемому, чему дивиться больше — воинственной ли посадкѣ нашихъ

людей и ихъ прекраснымъ лошадямъ, или же искусству и ловкости ихъ упражненій. Когда мы возвратились въ резиденцію, на дворѣ ея оказался цѣлый звѣринецъ дикихъ и домашнихъ животныхъ, присланныхъ въ подарокъ посланнику Алидъ Беемъ дакквяхомъ. Здѣсь были и два боевыхъ барана, готовые сбить когонибудь съ погѣ или выбить умъ изъ головы другъ другу, и огромный олень (*маралъ*), расхаживавшій по двору въ то время, какъ двое людей держали привязанныя къ его рогамъ веревки. Были четыре застѣнчивыя газели, ходившія все вокругъ двора, разсмѣивая себѣ выхода; была лисица, жазшаяся къ стѣнѣ и желавшая укрыться; былъ также снѣжный фазанъ, чувствовавшій себя какъ дома.

Эмиръ раньше присылалъ намъ также дичь и плоды и, между прочимъ, фазановъ, зайцевъ, дикихъ утокъ и куропатокъ, весьма походившихъ на европейскіе виды, а впоследствии мы получили нѣсколько верблюжьихъ выюковъ *ovis Poli* и *ibex*, привозимыхъ по временамъ съ сѣверныхъ и западныхъ холмовъ. Мы обыкновенно получали ихъ окоченѣвшими отъ морозу, въ томъ положеніи, въ какомъ ихъ везли или навьючивали. Все это были прекрасные экземпляры, и мы сохраняли ихъ шкуры и рога и привезли съ собою въ Индію.

30-го декабря мы посѣтили могилу Хазратъ Афака, находящуюся въ двухъ или трехъ миляхъ къ сѣверу отъ города. Дорога по ту сторону моста черезъ рѣку Туманъ идетъ по краю обширнаго кладбища, содержамаго въ большемъ порядкѣ. На этомъ кладбищѣ живетъ цѣлая колонія отвратительныхъ индцевъ, которымъ только и жить среди мертвыхъ, и которые требуютъ себѣ подачи у проезжихъ довольно наглымъ тономъ. Затѣмъ начинаются сады и поля, составляющія собственность самаго важнаго во всей странѣ священнаго мѣста, гдѣ поконится тѣло патрона, Ходжи Хидайаталлаха, болѣе извѣстнаго подъ своимъ священническимъ именемъ Хазрата Афака, «Высочайшаго Лица», который въ исторіи страны счтяется установителемъ правленія ходжей.

Мавзолей съ принадлежащимъ къ нему монастыремъ надъ могилою его отца были реставрированы и значительно увеличены имъ самимъ, послѣ разрушенія ихъ во время калмыцкаго нашествія. По окончаніи работъ, сынъ его, бывшій въ то время губернаторомъ Кашгара, приглашалъ его пріѣхать благословить церемонію открытія, но престарѣлый святой, выдерживая свой удивительный характеръ до конца, послалъ сказать на это, что онъ сейчасъ явится сло-

жить тамъ свои кости и черезъ двадцать четыре часа уже везли, говорятъ, изъ Иркандъ въ Кашгаръ тѣло его, сопровождаемое родными, слугами и приверженцами, всего до 10,000 человекъ. Онъ умеръ въ уединеніи своего дворца въ началѣ прошедшаго столѣтія во время духовной бесѣды съ нѣсколькими своими учениками. По смерти его возникли тѣ семейныя распри, которыя въ нѣсколько лѣтъ привели къ концу не добромъ начатое и не добромъ поддерживавшееся правленіе и даже имѣли послѣдствіемъ совершенное разсѣяніе и изгнаніе изъ страны всего братства, состоявшаго изъ этихъ безстыдныхъ самозванцевъ и гнусныхъ распутниковъ.

Но вліяніе ходжей на умы народа было такъ велико, что въ теченіи двухъ столѣтій калмыцкаго и китайскаго владычества (оба были буддистскія) ихъ интриги и мятежи постоянно поддерживали страну въ состояніи недовольства и безнокойства. Въ концѣ концовъ, по сверженіи китайскаго ига, что случилось однако независимо отъ интригъ ходжей, оказалось, что человекъ, явившійся изъ Кокана принять наслѣдство ходжей, былъ потомкомъ этого святаго.

О затишѣ, наставшемъ непосредственно передъ дунганской революціей послѣ прежней дѣятельности ходжей, изгнавшихъ изъ отчины въ Кокань, свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что только черезъ полтора года отъ начала дунганской революціи, претендентомъ на управленіе явился Ходжа Бузургъ Ханъ, да и то лишь по приглашенію не имѣвшаго успѣха киргизскаго претендента, Садыкъ Бей. Причинами такого замедленія со стороны ходжей (я разумѣю потомковъ прежней царственной фамиліи, а не акусскихъ священниковъ, носившихъ все тотъ же горделивый титулъ и выступившихъ впередъ во время дунганской революціи въ качествѣ контролеровъ хода дѣлъ на ихъ родинѣ) было съ одной стороны то, что, по водвореніи русскихъ въ сѣверной части Тяньшана, уменьшилось ихъ вліяніе, а съ другой—память о тираніи во время послѣдняго папешствія ходжей при Вали Ханѣ еще не изгладилось. Въ особенности же задерживало ихъ стремленіе въ Кашгару положеніе русскихъ по отношенію къ Кокану и успѣшныя дѣйствія ихъ войскъ въ сѣверныхъ частяхъ его.

Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ, вниманіе анджанъ было поглощено защитой собственной родины, а о ходахъ никто и не думалъ, такъ что когда Бузургъ Ханъ получилъ позволеніе отъ Алимъ Кула оставить его армію, собранную для защиты Ташкента,

и отправиться искать счастья въ Кашгарѣ, онъ не могъ собрать около себя болѣе шестидесяти шести человекъ, не смотря на то, что Алимъ Куль далъ ему въ качествѣ генерала кушбеги Якубъ Бека.

Когда ходжа прибылъ въ Кашгаръ, городъ былъ тотчасъ же сданъ ему. Онъ водворился въ *ордѣ* какъ царь и, передавъ управленіе дѣлами своему генералу, предался удовольствіямъ, что скоро лишило его уваженія, какъ со стороны послѣдовавшихъ за нимъ, такъ и со стороны народа, сдавшаго ему городъ. Онъ былъ свергнутъ своимъ собственнымъ генераломъ и, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ заточенія, былъ наконецъ высланъ изъ страны въ Мекку, но вмѣсто Мекки онъ возвратился назадъ въ Коканъ. Что касается другихъ ходжей той же фамиліи, явившихся по этому случаю изъ Кокана, какъ то Эшанъ Ханъ, Вали Ханъ, Кичикъ Ханъ и прочіе, то всѣ они умерли во время военныхъ дѣйствій, происходившихъ по поводу водворенія въ странѣ господства Якубъ Бека.

Низвергнувъ Бузурга и получивъ титулъ Аталыка Газы и эмира, Якубъ Бекъ реставрировалъ всѣ святилища и монастыри, бывшіе во время китайскаго управленія въ пренебреженіи и упадкѣ, и прежде всего перестроилъ и расширилъ святилища и монастыри Хазратъ Афака, Биби Миріама и Султана Сатока, въ окрестностяхъ Кашгара.

Во всѣхъ этихъ мѣстахъ онъ выстроилъ новыя мечети, коллегіи и богадѣльни и, возстановивъ старыя ихъ доходы, пожертвовалъ для поддержанія ихъ еще новыя земли. Всѣ эти зданія весьма красиво и основательно построены изъ кирпичя и мертеля и, вмѣстѣ съ новыми сераями для купцовъ, представляютъ единственныя видѣныя нами въ странѣ прочныя постройки. Всѣхъ этихъ религіозныхъ сооруженій, построенныхъ и подновленныхъ эмиромъ, насчитывается, говорятъ, около шестидесяти.

Коллегія, мечеть и богадѣльня Хазратъ Афака, взятыя вмѣстѣ, составляютъ довольно длинный для этой страны рядъ строеній и вмѣщаютъ до трехсотъ человекъ. Преподаваніе въ нихъ ведется въ совершенно религіозномъ духѣ многочисленными священниками.

Самое святилище стоитъ посреди двора, входъ въ который составляетъ высокая арка, покрытая арабскими надписями на синихъ и бѣлыхъ муравленыхъ черепицахъ. Оно представляетъ продолговатое строеніе, которое намъ не было открыто. Стѣны его точно также покрыты муравленными черепицами, крыша же плоская и на ней водружено нѣсколько шестовъ съ мѣдными стрѣлками, подѣ

которыми пригрѣплены хвосты яковъ. Вдоль всей верхней части строенія и на выступѣ внизу разставлены рога оленей, дикихъ барановъ и газелей, изъ которыхъ нѣкоторыя представляютъ необыкновенные размѣры. Одинъ громадный олений рогъ возбуждиль особенное удивленіе посланника, и былъ присланъ ему въ подарокъ начальникомъ учрежденія, *Мутавалли Баши*, султаномъ Махмудъ Эшаномъ.

Онъ встрѣтилъ насъ въ воротахъ, черезъ которыя мы въѣхали въ предѣлы священныхъ владѣній, и провелъ къ *дастурквану*, разставленному въ палаткѣ, раскинутой для насъ на земляномъ возвышеніи близъ замерзшаго пруда, вокругъ котораго росло нѣсколько красивыхъ серебристыхъ тополей. Во дворѣ святилица была цѣлая роща этихъ деревьевъ, а группу строеній окружали большіе фруктовые сады и виноградники, такъ что лѣтомъ мѣсто это должно быть очень пріятно.

Здѣшній настоятель много лѣтъ жилъ въ Константинополѣ, былъ въ Иерусалимѣ и въ Меккѣ. Онъ относился къ намъ съ большимъ почтеніемъ и говорилъ, что по милости Бадоудата (эмира) мы были первые христіане, вступившіе въ священные предѣлы. Мелкія золотыя монеты, раздаваемые нами дервишамъ и священникамъ, съ которыми намъ приходилось имѣть столкновенія, приносили прекрасные плоды, и мы имѣли свободный доступъ ко всемъ даже самымъ святымъ мѣстамъ въ окрестности и въ качествѣ царскихъ гостей всюду находили почтительный пріемъ и были привѣтствуемы *дастуркваномъ*. Отсутствие предразсудковъ,—если только оно не составляло исключенія изъ правилъ ради повиновенія приказаніямъ эмира,—превосходило наши ожиданія, такъ что мы не встрѣчали ничего подобнаго не только въ другихъ могометанскихъ странахъ, но даже въ Индіи.

Хозратъ Афакъ, гробницу котораго мы имѣли честь посѣтить, описывается однимъ изъ его яркандскихъ современниковъ и учениковъ, какъ второй, послѣ Магомета, пророкъ и чудотворецъ, подобный Иисусу. Слава о немъ была распространена по всей странѣ отъ границъ Россіи до границъ Китая и отъ стѣнъ Татаріи до равнинъ Индустана. И на всемъ этомъ протяженіи ученики его были его добротными дателями.

Впрочемъ ближайшее населеніе не имѣло повидимому такой единодушной вѣры;—находились люди, которые обвиняли его въ

лицемѣрія и въ томъ, будто бы онъ обиралъ простаковъ, чтобы наряжать своихъ наложницъ и дворцовыхъ юношей въ шелкъ, парчу и золото. А были и такіе, которые отвергали его чудеса на томъ основаніи, что онъ не излечилъ ихъ болѣзней и не изгналъ изъ страны зла.

Халиддудинъ, изъ сочиненія котораго я почерпнулъ эти подробности и который по смерти святаго находился въ монастырѣ при его могилѣ, не принадлежалъ къ числу этихъ невѣрующихъ и въ подтвержденіе святости своего великаго учителя рассказываетъ о томъ, какъ скоро были наказываемы невѣрные. Такъ, одинъ вліятельный ирландецъ подавился до смерти за *дастуркваномъ* у ходжи, на котораго онъ дерзко клеветалъ дорогою. Братъ и друзья его тотчасъ же кинулись къ ногамъ хозяина и предложили владѣнія и все свое богатство, умоляя воскресить умершаго грѣшника. Тогда святой съ кроткимъ взглядомъ попросилъ сосѣда умершаго ударить его по горлу; кость выскочила и умершій возвратился къ жизни. Отъ стыда онъ удалился на нѣсколько лѣтъ въ Аксу, а затѣмъ снова появился при дворѣ сторонникомъ сыновей и наслѣдниковъ святаго.

Вотъ одно изъ сотенъ чудесъ, приписываемыхъ этому замѣчательному человѣку, вліяніе котораго на умы народа было необыкновенно. Когда онъ появлялся гдѣ нибудь, то взглядъ его какъ бы магнетизировалъ окружающихъ. Ученики его, при его приближеніи, выходили изъ домовъ, расprostирались по землѣ на его пути и подбирали прахъ изъ-подъ его ногъ какъ какое нибудь сокровище. Проѣзжіе останавливались, а изъ толпы слышались восторженные крики, сопровождавшіеся слезами радости. Иные приходили въ такое изступленіе, что принимались плясать, а другіе падали въ обморокъ. Въ мужчинахъ онъ всюду возбуждалъ чувство глубочайшаго благоговѣнія, а на женщинъ имѣлъ какое то таинственное вліяніе, отъ котораго не были свободны даже самыя знатныя фамиліи.

Однако, не смотря на такое огромное приписываемое ему вліяніе, страна была подвержена мятежамъ и бунтамъ во все время его продолжительнаго управленія, распростраившагося на всю территорию отъ Андижана до Турфана и отъ Артока до Хотана. А послѣ его смерти она была раздираема войнами, происходившими между его сыновьями и сыновьями наслѣдственныхъ управителей, которыхъ онъ лишилъ законныхъ правъ, пока наконецъ не присвоили



власти себѣ китайцы и не возстановили порядка среди ея безпокойныхъ элементовъ.

Теперь же, съ новымъ пробужденіемъ здѣсь ислама, слава новаго святаго выходитъ изъ забвенія, въ которое она было погрузилась, и снова начинаеть блистать для блага будущаго поколѣнія среди славныхъ мучениковъ прошлыхъ вѣковъ, проливавшихъ на полѣ брани свою кровь, за вѣру, которую они пропагандировали.

Въ послѣдній день 1873 года полк. Гордонъ въ сопровожденіи капит. Троттера и д-ра Столичка отправился въ экскурсію въ Чамакъ, а капит. Биддольфъ—по направленію къ Маральбани. Первая партія возвратилась 11-го, испытавъ морозъ въ 26° Ф., а послѣдній вернулся 23-го января 1874 г., не видавъ ни одного тигра, хотя говорятъ, что они водятся въ той мѣстности и кожи ихъ продаются въ городѣ. Посланникъ же между тѣмъ вмѣстѣ съ капит. Чэнэномъ и со мною былъ 8-го января на обѣдѣ у нашего друга Ходжи Торы, въ его резиденціи въ Пактахлигѣ. Это прекрасная дача, находящаяся въ милѣ или въ двухъ къ сѣверо-западу отъ форта, построенная сначала для эмира во время осады Янгисара.

Обѣдъ былъ поданъ совершенно на европейскій ладъ, и хозяинъ говорилъ, что онъ надѣется ввести европейскій порядокъ въ этомъ отношеніи и среди своихъ соотечественниковъ. Однако, на этотъ разъ не было ни одного соотечественника, чтобы посмотрѣть какъ должны употребляться ложки, пожи, вилки и стабаны, подивиться на бѣлую скатерть и салфетки и попробовать роскошныхъ и вкусныхъ яствъ, приготовленныхъ его константинопольскимъ поваромъ. Хозяинъ нашъ былъ за столомъ одинъ, и мы были этимъ очень довольны, такъ какъ разговоръ шелъ чрезвычайно пріятно.

На столѣ были поставлены блюда съ ростбифомъ и бараниной, а по обѣимъ сторонамъ ихъ—графины съ чѣмъ то въ родѣ разведеннаго водою молока—это былъ *кумысъ*, т. е. приведенный въ броженіе напитокъ, приготовляемый изъ кобыляго молока и имѣющій пріятный кисловатый вкусъ. Онъ встрѣчается только среди киргизовъ, у которыхъ составляетъ ежедневное питье. Кумысъ считаютъ чрезвычайно здоровымъ и подкрѣпляющимъ напиткомъ, и потому онъ высоко цѣнится богатыми и больными жителями городовъ. Эмиръ очень любитъ его и потому кумысъ ежедневно поставляется въ гаремъ киргизскими подданными, а его высочество уже самъ надѣляетъ имъ тѣхъ, кого захочеть почтить.

Нѣсколько турецкихъ слугъ безшумно выходили съ восемью слѣдовавшими одно за другимъ кушаньями и, наконецъ, подали уже знакомое намъ *аицъ* и *илъ казанъ дастурквановъ*, которые въ свою очередь уступили мѣсто сырамъ, частью привезеннымъ изъ турецкой столицы, и десерту изъ плодовъ.

27-го января выстрѣлъ изъ ружья на плацъ-парадѣ передъ фортомъ возвѣстилъ о началѣ *Иди Курбана* или «спраздника (Авраамова) приношенія», а на слѣдующее утро другой выстрѣлъ возвѣстилъ о томъ, что эмиръ, въ сопровожденіи своего двора, отправился пѣшкомъ на молитву въ находящуюся около плацъ-парада мечеть. Мы смотрѣли на процессію съ крыши нашей резиденціи, находившейся на противоположной сторонѣ плацъ-парада. Характеристическими чертами церемоніи были простота платья, тишина, гораздо меньшее число лицъ, участвовавшихъ въ процессіи, чѣмъ можно было бы ожидать, и полное отсутствіе толпы зрителей. На плацѣ было всего нѣсколько солдатъ и придворныхъ слугъ. На слѣдующій день посланникъ въ сопровожденіи своихъ офицеровъ сдѣлалъ обычный поздравительный визитъ эмиру, и мы возвратились домой въ анджанскихъ шубахъ, подаренныхъ намъ его высочествомъ. Церемоніи были тѣ же, что и всегда, и послѣ нихъ было чрезвычайно приятно выйти на свѣжій воздухъ, услышать гулъ голосовъ и снова вернуться къ веселому настроенію духа, которое на время было смѣнено важностью, согласно этикету Аталыкова двора.

7-го февраля мы обѣдали и провели день у Играръ Хана Тyro въ его резиденціи, внутри форта. Хозяинъ и на этотъ разъ принималъ насъ одинъ и, для сокращенія долгихъ предобѣденныхъ часовъ, было прибѣгнуто къ дастурквану и нѣсколькимъ послѣдовательнымъ чаямъ. Обѣдъ былъ поданъ по-китайски и представлялъ новинку, которая тотчасъ же привлекла наше вниманіе. Столъ былъ накрытъ и сервированъ китайскими слугами, которыхъ нашъ хозяинъ съ гордостью называлъ янги-мусульманами, и говорилъ какъ нельзя болѣе въ пользу ихъ вкуса и ловкости. Середину стола во всю длину занималъ рядъ китайскихъ вазъ съ искусственными цвѣтами, привезенными очевидно изъ Европы, а между ними стояли блюда, на которыхъ были сложены куски дынь и яблоковъ.

По обѣимъ сторонамъ этихъ блюдъ стояли прекрасные соусники китайскаго фарфора съ обсахаренными плодами, жаренымъ миндалемъ, облитыми сахаромъ орѣхами, обмокнутыми въ сиропъ ломти-

ками дыни и т. д., а также разнаго рода пикулями и саладами изъ молодыхъ побѣговъ чечевицы. При каждой тарелкѣ была китайская ложка, палочка и бумажная салфетка, какія описывались выше; не хватало только бокала или вообще какого либо сосуда для питья. Этой необходимой для насъ принадлежности не было видно нигдѣ, ни за обыкновенными *дастуркванами*, ни за настоящими обѣдами. Повидимому, здѣсь нѣтъ обычая пить во время ѣды, но мы замѣчали, что глотокъ воды берется обыкновенно по окончаніи ея.

Чтобы отплатить за радушіе, посланникъ въ свою очередь пригласилъ на обѣдъ Играръ Хапа Тору и Алишъ Бея дадеваха. Чтобы угодить на все вкусы, нашъ поваръ, съ помощью константинопольскаго повара Ходжи Тора, приготовилъ обѣдъ, состоявшій изъ англійскихъ, китайскихъ и турецкихъ блюдъ, причемъ тщательно устранилъ такія яства, которыя запрещаетъ *Шара*, такъ что наши гости могли обѣдать спокойно, не боясь рисковать съѣсть что либо запрещенное. Тора, еще во время пребыванія своего въ Индіи, научился употреблять ножикъ и вилку, и потому теперь дѣйствовалъ ими очень хорошо, но дадевахъ употреблялъ ихъ такъ же неловко, какъ маленькій ребенокъ, и въ концѣ концовъ отложилъ ихъ въ сторону, и сталъ расправляться просто-на-просто пальцами. Когда мы налили свои бокалы виномъ, то Тора, не столь свободный въ мысляхъ и дѣйствіяхъ, какъ его товарищи, изъявилъ въ присутствіи послѣдняго свое набожное отвращеніе отъ запрещеннаго напитка и попросилъ, чтобы стоящій у его тарелки сосудъ изъ накладнаго серебра былъ замѣненъ чашкой чаю. Примѣръ его не былъ оставленъ безъ вниманія дадевахомъ, который, съ любопытствомъ осмотрѣвъ золоченую внутренность и полированную паружную сторону назначеннаго для него кубка, спокойно поставилъ его и спросилъ себя кубокъ воды. Таинственность содержимаго нѣсколькихъ жестяныхъ коробокъ возбудила серьезныя сомнѣнія о томъ, законна ли эта пища, и, благодаря этимъ сомнѣніямъ, набожные мусульмане отказались, напримѣръ, попробовать *paté de foie gras* и «консерва изъ кулика», боясь съѣсть мясо не по правиламъ убитаго животнаго.

Впрочемъ, даже строго придерживаясь своего исламизма, гости наши имѣли передъ собой множество знакомыхъ, обычныхъ блюдъ, такъ что по окончаніи пиршества отправились домой вполне довольные и подъ сильнымъ впечатлѣніемъ отъ тѣхъ развлеченій, которыя

мы для нихъ приготовили. Модель паровой машины, гальваническая батарея, воздушный насосъ, зоотропъ, гироскопъ и другія ученые бездѣлки, приведенныя въ дѣйствіе и объясненныя имъ ради развлеченія, звуки волынки, удивившіе ихъ уши, хотя и не вполне отвлекшіе ихъ вниманіе отъ разставленныхъ передъ ними за обѣдомъ блюда, наконецъ чудеса волшебнаго фонаря и прочее — все это наполнило ихъ умы бездной матеріала для размышленій и для разсказовъ о невиданныхъ чудесахъ и таинственныхъ агентахъ британской силы.

14-го февраля, оставивъ резиденцію полк. Гордона и кап. Биддльфа, посланникъ со всѣми остальными офицерами предпринялъ интересную маленькую экскурсію въ Артошъ и долины у подножія Тяньшана или Алатау, откуда мы возвратились 27-го того же мѣсяца.

Дорога наша шла къ рѣкѣ Кизиль Су черезъ окопанный рвами и укрѣпленный казарменный дворъ къ востоку отъ резиденціи. Рѣку мы переѣхали въ бродъ по каменистому руслу, не много выше грубаго бревенчатаго моста, затѣмъ миль черезъ десять сошли съ лошадей у гробницы Биби Маріамъ, т. е. «Дѣвы Маріа», для неизбѣжнаго *дастурквана*.

Гробница эта поставлена надъ могилою Аланоры (Элеопоры?) Турканъ, младшей изъ трехъ дочерей царя, мавзолеею котораго мы должны были увидѣть въ Алтунѣ т. е. «Нижнемъ» Артошѣ. Старшія ея сестры, Назабъ Турканъ и Хадія Турканъ, были замужемъ за вліятельными духовными лицами Сайидовой фамиліи, жившими въ Ташкентѣ и Самаркандѣ, и сыновья ихъ играли замѣтныя роли въ дѣлахъ страны.

Но сама она никогда не была замужемъ, и исторія ея одна изъ самыхъ замѣчательныхъ, среди множества чудесныхъ преданій о святыхъ мученикахъ, останковъ которыхъ здѣсь такое изобиліе. Она разсказана въ *Тазкира Бахра Ханъ*. Это сочиненіе не представляетъ, согласно со своимъ названіемъ, простую исторію фамиліи Бахра Хана, а повѣствуетъ о всѣхъ наиболѣе замѣчательныхъ жившихъ въ его царствованіе святыхъ мученикахъ страны. Оно было переведено на турецкій языкъ съ персидскаго оригинала, написаннаго Наджуддинъ Аттаромъ, священникомъ одинадцатаго столѣтія. Объ исторіи этой говорится приблизительно такъ:

«Исторія Аланоры похожа на исторію Хаэратъ Миріамъ, матери

Исуса. Она отличалась на столько же красотою и талантами, насколько набожностью и добродѣтелями. Въ цвѣтущихъ годахъ своей жизни, она молилась однажды ночью по обыкновенію въ своей уединенной комнатѣ, какъ вдругъ явился передъ ней архангелъ Гавріиль и впустилъ ей въ ротъ каплю свѣта. Это привело ее въ такой экстазъ, что она упала безъ чувствъ. Очнувшись, она продолжала свои молитвы и не переставала совершать ихъ съ обычною, предписанною правильностью въ теченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ мѣсяцевъ.

«Спустя нѣсколько мѣсяцевъ времени послѣ этого, она вышла однажды ночью къ воротамъ своего жилища и была испугана до обморока появленіемъ въ нихъ тигра. Въ концѣ концовъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и дней, въ пятницу 10-го *Мугаррама* (года не показано), когда царь со своимъ дворомъ былъ на молитвѣ въ мечети, Аланора родила сына, съ румяными щеками, съ глазами газели и съ голосомъ ангела.

«Услыхавъ объ этомъ, весь народъ былъ изумленъ и воспеивать: «Что это за событіе»? Царь же былъ сильно разгнѣванъ и приказалъ собраться своимъ вельможамъ, сановникамъ, мудрецамъ и духовнымъ лицамъ, чтобы изслѣдовать поведеніе его дочери, принцессы Аланоры, и высказать о немъ свое мнѣніе.

«Она была строго допрошена своими друзьями и, къ ихъ удовольствію, со всѣми подробностями объяснила свою тайну. Ее объявили цѣломудренною дѣвою, любимую слугою Пророка, и священники, принимая появленіе тигра за предсказаніе будущей славы, назвали мальчика Сейдъ Али Арсланъ (т. е. господинъ Высокій Тигръ). Онъ былъ воспитанъ подъ наблюденіемъ своей матери и пяти лѣтъ былъ отправленъ въ школу. Въ шесть мѣсяцевъ ученья онъ одолѣлъ всѣ науки, тайныя и явныя, и семи лѣтъ былъ помолвленъ со своею двоюродною сестрою Токъ Бубу, которая впоследствии родила ему трехъ сыновей и нѣсколькихъ дочерей. Сынъ, когда они выросли, всѣ приобрѣли извѣстность, а изъ дочерей одна вышла за султана Уйлика, царя Узканда, а другая за Сайида Ялалуддина Шами».

Книга, изъ которой я почерпнулъ эти подробности, даетъ далѣе слѣдующія свѣдѣнія о смерти Аланоры. Когда сынъ ея былъ убитъ въ битвѣ съ китайцами Хотана, близъ Кумъ Шагидана, и побѣдители, осаждая Кашгаръ, бросили его голову въ стѣну, она была приведена въ такое негодованіе, что рѣшила отмстить за его кровь

своими собственными руками. «Въ сопровожденіи своихъ дѣвумекъ (превратившихся на время въ амазонокъ) она оставила свой дворецъ въ Артошѣ и вышла на поле битвы противъ своихъ враговъ. Она уже послала въ адъ двадцать пять невѣрныхъ душъ, когда наконецъ, подавленная ихъ численностью, была принуждена бѣжать со своими спутницами. Земля на ихъ пути чудеснымъ образомъ разверзлась и приняла бѣжавшихъ въ свои пещеры, но преслѣдователи отырыли ихъ убѣжище и всѣхъ ихъ убили».

Гробница стоитъ на краю глубокаго рва и, вѣроятно, указываетъ то мѣсто, гдѣ нашли свою смерть эти злосчастныя женщины. Она называется Мазаръ Биби Мириамъ, т. е. «Гробница Дѣвы Маріи», какъ называли обыкновенно Аланору, благодаря событію, которое сдѣлало ее столь извѣстною. Могила ея, вмѣстѣ съ нѣсколькими болѣе скромными могилами, окружена невысокой стѣной.

Легенда, связанная съ именемъ Аланоры, похожа на легенду Аланъ Коа. Последнюю сравниваютъ съ исторіею матери Хазратъ Иса т. е. «Господа Иисуса» и съ легендою о «женщинахъ сѣверныхъ острововъ», которыя зачали отъ купанья въ плодотворныхъ ключахъ, но только дѣйствующею силою у Аланъ Коа былъ лучъ свѣта, входившій черезъ отверстіе вверху *Карага*, т. е. палатки, и вливавшійся ей въ ротъ ночью, когда она спала. Она была замѣчательная красавица и, конечно, была обвипена въ нецѣломудріи. Однако, она доказала свою невинность передъ всѣмъ собраніемъ вельможъ и предводителей, показавъ избранной ими для изслѣдованія дѣла комиссіи какъ свѣтъ снова проикъ въ ея палатку.

Существованіе такихъ легендъ въ этой мѣстности въ настоящее время представляетъ интересное обстоятельство. Я не буду пытаться рѣшать вопросъ, являются ли онѣ остаткомъ христіанства, которое прежде здѣсь процвѣтало, или же были привиты къ смѣнившему его исламу, или же наконецъ вытекаютъ изъ какаго либо другаго мѣстнаго источника, предшествовавшаго и христіанству, и исламу; но такъ какъ онѣ рассказываются въ магометанской исторіи страны, — онѣ вѣроятно обязаны своимъ происхожденіемъ мусульманскому духовенству.

Во время китайскаго господства, гробница Биби Мириамъ оставалась въ небреженіи и начала разрушаться, но при эмирѣ была реставрирована вмѣстѣ со многими другими и теперь является од-

нимъ изъ первоклассныхъ религіозныхъ учрежденій страны, благодаря выстроеннымъ при ней мечети, коллегіи и помѣщенію для четырехъ *Кари*, т. е. «Читателей Корана». Въ связи съ мечетью есть также помѣщеніе для эмира, когда онъ посѣщаетъ гробницу.

Это самое помѣщеніе, благодаря благосклонности его высочества, было приготовлено намъ для предполагаемаго ночлега. Но такъ какъ было еще рано, то мы рѣшили въ тотъ же день отправиться въ Артошъ. Всѣ эти строенія были окончены всего полтора года тому назадъ; они стояли на своей собственной землѣ, и были окружены стѣнами съ двумя воротами.

Мы были встрѣчены здѣсь Муза Ходжей, молодымъ сыномъ владѣтеля Артоша, Махмудъ Хана, который угощалъ насъ *дастуркваномъ* съ искреннимъ радушіемъ. Передъ мечетью, подъ тѣнью нѣсколькихъ тополей, былъ прудъ, на которомъ работали съ топорами нѣсколько человѣкъ. Подойдя къ народу, я нашелъ, что они рубили и носили въ корзинахъ ледъ для сохраненія его на лѣто. Толщина льда равнялась двадцати двумъ дюймамъ. Отъ гробницы дорога наша шла къ сѣверу черезъ глубокій оврагъ, а затѣмъ по голой пустынѣ, покрытой маленькими песчаными холмиками, которые съ сѣверной, надвѣтренной стороны представляли крутой обрывъ, а съ другой спускались отлого. Далѣе мы перешли еще оврагъ, затѣмъ, пройдя по соленой степи, взобрались на гребень ряда песчаныхъ возвышенностей, отдѣляющихъ Артошъ отъ Кашгара.

Махмудъ Ханъ принялъ посланника у внутреннихъ воротъ своего дома, гдѣ была выстроена стража, состоящая человѣкъ изъ сорока солдатъ, у которыхъ однообразны были только бѣлые турбаны да ружья, и, проведя его въ свою большую пріемную залу, выразилъ удовольствіе, что видитъ насъ у себя. Мы оставили Кашгаръ въ полдень, а когда прибыли сюда, то уже начинало темнѣть. Тутъ оказалось, что багажъ нашъ по ошибкѣ былъ отправленъ въ Остунъ Артошъ, т. е. «Верхній Артошъ», и прибылъ лишь на слѣдующее утро. Однако хозяинъ устроилъ насъ на ночлегъ по возможности удобно, и, послѣ вечерняго *дастурквана* и обычнаго роббера въ вистъ при свѣтѣ поставленныхъ на полу свѣчей, мы растянулись по татарски на коврахъ по всей комнатѣ.

Махмудъ Ханъ считаетъ себя потомкомъ султана Сатокъ Бухры Хана, мавзолей котораго находится возлѣ самаго его дома, отчего и происходитъ названіе городка Машгадъ, «Мѣсто мученичества».

Его фамилія владѣла Артошемъ втеченіе семи столѣтій и теперь скромнымъ ея представителемъ былъ онъ. Счастье его было разрушено китайцами, когда они подавили возстаніе 1857 года, руководимое Вали Ханомъ. Отецъ его и два брата были взяты въ плѣнъ и варварски казнены китайцами за то, что слишкомъ увлеклись во время революціи. Они пристали къ возставшимъ одни изъ первыхъ, такъ какъ за возмущившимся ходжей была за-мужемъ сестра Махмудъ Хана.

Махмудъ Ханъ, вмѣстѣ съ другими членами семьи, избѣжалъ подобной же участи, благодаря бѣгству въ Ташкентъ, откуда возвратился наконецъ въ партію Бузуръ Хана. Въ благодарность за его службу при завосваніи страны, онъ былъ снова водворенъ эмиромъ въ своихъ, правда, значительно урѣзанныхъ, владѣніяхъ, и теперь продолжаетъ служить эмиру въ качествѣ предводителя 400 конныхъ воиновъ, которыхъ онъ содержитъ въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ. Онъ—мужчина среднихъ лѣтъ, имѣетъ рѣзкія татарскія черты чистаго уйгурскаго племени и красивый румяный цвѣтъ лица, съ самымъ легкимъ желтоватымъ оттѣнкомъ. Обхожденіе его весьма спокойное, не занозчивое, но выраженіе лица суровое, чего мы не могли не замѣтить, не смотря на его любезность въ отношеніи къ намъ. У него три сына, изъ которыхъ старшій, Абдуррашидъ, хранить фамильную гробницу; второй, Муза, служить въ числѣ тѣлохранителей и провожалъ насъ по его владѣніямъ, а третій еще восьмилѣтній ребенокъ.

На другой день послѣ нашего прибытія мы посѣтили гробницу и въ качествѣ царскихъ гостей свободно расхаживали по ея дворамъ и монастырямъ. Самой могилы мы не видали, такъ какъ дверь въ покрывающее ее зданіе была заперта и охраняема двумя старыми священниками, которые, сидя передъ нею, быстро повторяли молитвы. Мавзолей этотъ состоитъ изъ обширнаго купола, поддерживаемаго четырехугольнымъ строеніемъ, на каждомъ углу котораго находится по маленькой башнѣ въ видѣ колокольни, которыя имѣютъ также куполы. Все зданіе покрыто муравленными синими, зелеными, и желтыми черепицами, которыя расположены косыми рядами. Дверь высокая и помѣщена въ узкой аркѣ съ восточной стороны. Внутреннія стороны этой арки покрыты арабскими надписями, а годъ 1244 X. (1838 по Р. X.), выставленный среди надписей съ одной стороны, обозначаетъ обновленіе строенія подъ управленіемъ Зугу-



ридина, бывшаго въ то время мусульманскимъ правителемъ Капгара отъ китайцевъ.

Сатокъ Бахра Ханъ (родившійся въ 944 г. по Р. Х.) былъ сынъ Тангри Кадиръ Бахра Хана, умершаго во время экспедиціи противъ Бухары. Когда отецъ его умеръ, ему было всего шесть лѣтъ, и потому вмѣстѣ со своей овдовѣвшей матерью онъ былъ взятъ подъ покровительство его дядей Гарунъ Бахра Ханомъ, вошедшимъ на престолъ въ Капгарѣ. Двѣнадцати лѣтъ онъ принялъ исламъ отъ Абу Назара Самани, который въ качествѣ распространителя ислама пришелъ въ страну съ караваномъ въ 300 человекъ изъ Бухары черезъ Андижанъ и остановился въ Артошѣ, бывшемъ въ то время цвѣтущимъ торговымъ рынкомъ.

Въ Тазкири Бахра Хана разсказывается, что Сатокъ отправился однажды на охоту въ сопровожденіи сорока человекъ, въ равнину Артопа. Увидѣвъ зайца, онъ погнался за нимъ и отдѣлился отъ своихъ спутниковъ. Вдругъ заяцъ, не отстраняясь отъ направленной на него стрѣлы, остановился, принявъ человѣческій образъ и заговорилъ: «подойди, сынъ мой! Я жду тебя. Слава Богу, что я нашель тебя одного. Подойди ко мнѣ. Сойди съ своей лошади. Мнѣ надо сказать тебѣ нѣсколько словъ».

Сатокъ (что значить «купецъ»), удивленный этимъ явленіемъ, сошелъ съ лошади и палъ на колѣни передъ человѣкомъ, который обратился къ нему такъ:

«Сынъ мой! Къ чему держаться идолопоклонства? Знаешь ли ты, что имя твоего создателя Магометъ? Иди же по пути его».

Что это за человѣкъ, говорящій такимъ образомъ? подумалъ юноша. Здѣсь нѣтъ такихъ людей. Откуда онъ? Затѣмъ, обратясь къ явившемуся, сказалъ: «что это ты мнѣ говоришь, мудрый человѣкъ?»

«О сынъ мой! О блаженный юноша! возразилъ ему незнакомецъ. Я не хочу, чтобы твое нѣжное тѣло попало въ адскій огонь. Это огорчаетъ меня».

«Что такое адъ?» спрашиваетъ его Сатокъ.

«Адъ, отвѣчаетъ великій мужъ, есть мѣсто, наполненное огнемъ и скорпіонами, куда втаскиваются невѣрующіе и грѣшники и предаются всевозможнымъ мученіямъ».

Страхъ охватилъ сердце юноши, и онъ воскликнулъ: «о, говори, мудрый человѣкъ, и я буду дѣлать то, что ты скажешь».

Тогда незнакомецъ произнесъ символъ вѣры: «Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, а Магометъ пророкъ Его».

«Что это за слова? спросилъ Сатокъ, и что они значать?»

«Сынъ мой, отвѣчалъ мудрецъ, повторяя эти слова, ты сдѣлаешься мусульманиномъ и пойдешь въ рай, гдѣ много прекрасныхъ юношей, дѣвушекъ и вина. Отказавшись же повторить ихъ, ты пойдешь въ адъ и подвергнешься всякимъ мученіямъ».

«Сатокъ принялъ исламъ и, повторивъ символъ вѣры, сдѣлался мусульманиномъ. Онъ просилъ мудреца научить его вѣрѣ, но тотъ отвѣтилъ ему, что назначенный для него учитель придетъ въ самомъ скоромъ времени и направитъ его на истинный путь, и затѣмъ исчезъ. Иные говорятъ, что человекъ этотъ былъ священникъ Искандера Паши, другіе — что это былъ *Даялъ улъ гаибъ* Ходна Цинда, третьи — что это былъ ангелъ, въ сущности же это былъ пророкъ Кизръ».

Далѣе разсказывается, что нѣсколько дней спустя, Сатокъ снова отправился на охоту съ своими сорока спутниками и, придя въ Баку въ Остунъ, т. е. «Верхнемъ» Артошъ, нашелъ тамъ караванъ хорошо одѣтыхъ и весьма привлекательныхъ иностранцевъ, расположившихся на полѣ лагеремъ. Когда онъ приблизился къ нимъ, чтобы посмотреть, кто они такіе, къ нему подошелъ ихъ предводитель Абу Назръ Самапи, который, узнавъ въ Сатокѣ розыскиваемого имъ князя, благословилъ Бога, затѣмъ, обратясь къ своимъ спутникамъ, указалъ на предметъ ихъ путешествія и сказалъ, что цѣль ихъ достигнута. Попросивъ ихъ открыть свои тюки и достать подарки, онъ пригласилъ князя въ свою палатку. Въ это время вдругъ раздался призывъ *муэззина*; все было тотчасъ же брошено какъ попало, и весь караванъ собрался на молитву.

Сатокъ былъ пораженъ этой церемоніей и довѣрчивостью незнакомцевъ въ чужой странѣ, оставившихъ свое имущество безъ всякой охраны, для исполненія религіозныхъ обязанностей. Онъ сошелъ съ лошади и, узнавъ по окончаніи молитвы имя предводителя, инстинктивно догадался, что это именно тотъ учитель, котораго обѣщаль пророкъ Кизръ, и принялъ отъ него исламъ.

Абу Назръ втеченіе шести мѣсяцевъ тайно училъ его доктринамъ религіи, какъ вдругъ дядя его Гарунъ, узнавъ о его вѣроотступничествѣ, рѣшился убить его. Но мать заступилась за него и просила, чтобы сыну ея дали сперва возможность доказать свою вѣр-

ность. Въ это время у царя строился языческій храмъ и Сатоку, въ доказательство своей преданности національной вѣрѣ, вельно было явиться въ назначенный день передъ собраніемъ вельможъ и заложить основной камень храма ихъ богу.

Сатокъ посовѣтовался съ своимъ учителемъ, который разрѣшилъ ему исполнить приказаніе царя, и только, закладывая камень, держать въ мысли, что закладывается мечеть, а не языческій храмъ. «Ибо, говорилъ наставникъ, если дѣло касается собственной безопасности, то совершеніе пѣлоторыхъ незаконныхъ дѣйствій дозвоительно; въ данномъ же случаѣ, если только ты будешь мысленно считать основаніе храма за основаніе мечети, то заложеніе камня будетъ даже дѣломъ богоугоднымъ и похвальнымъ, и дастъ тебѣ возможность избѣжать гоненія невѣрныхъ».

Такимъ образомъ Сатокъ оправдалъ себя къ удовлетворенію Гаруна и его двора и былъ признанъ свободнымъ отъ подозрѣнія. Вскорѣ послѣ этого, съ помощію Абу Назра и его людей, число которыхъ въ теченіе его шестимѣсячнаго пребыванія здѣсь возросло до 600, напалъ внезапно ночью на царскій дворецъ, вооружилъ своихъ людей и, захвативъ 400 лошадей, бѣжалъ въ горы Тава тагъ (Верблюжій холмъ), къ сѣверу отъ города.

Утромъ Гарунъ и его войско, проснувшись отъ глубокаго сна, въ который они были ввергнуты молитвами Абу Назра, открыли измѣну принца и безъ дальнѣйшихъ отлагательствъ выступили противъ него. Много было отчаянныхъ сраженій, тысячи невѣрныхъ были убиты и въ то же время тысячи новообращенныхъ присоединились къ мятежникамъ.

Черезъ нѣсколько дней войско ислама стало сильно нуждаться въ съѣстныхъ припасахъ и начало колебаться. Тогда Абу Назръ, чтобы удовлетворить потребности и устранить недовольство своихъ послѣдователей, предпринялъ ночное нападеніе на городъ; дѣло ему удалось, и Гарунъ былъ убитъ своимъ племянникомъ, который затѣмъ вошелъ на кашгарскій престолъ и впредь объявилъ исламъ закономъ страны. Онъ обратилъ въ одинъ день 20,000 гражданъ и установилъ *Шара* по всей территоріи. Много творилъ онъ тогда чудесъ, изъ которыхъ самыя замѣчательныя были слѣдующія. Мечъ его, имѣвшій въ погнахъ такіе же размѣры, какъ и у другихъ людей, удлинился противъ невѣрныхъ до сорока ярдовъ, и Сатокъ косилъ ихъ какъ рожь. Второе чудо состояло въ томъ, что среди невѣрныхъ

изъ рта Сатока исходило пламя, которое многихъ сожигало, а другихъ приводило въ такой ужасъ, что заставляло бросаться къ ногамъ его и дѣлаться мусульманами.

Онъ жилъ до девяносто шести лѣтъ и во все время своего продолжительнаго царствованія велъ войны для распространенія ислама, и дѣйствительно распространилъ его до Коракорума на сѣверовостокъ и до Турмиза на рѣкѣ Аму—на юго-западѣ. Онъ отправился одерживать побѣды въ Киту, но захворать въ Турфанѣ и возвратился въ Кашгаръ, гдѣ, прохворавъ цѣлый годъ, умеръ въ 1037 г. На смертномъ одрѣ онъ поручилъ правленіе и заботы о своей семьѣ Абуль Фаттаху, сыну Абу Назра, наставляя его такимъ образомъ: «Вотъ моя послѣдняя воля: «будь твердъ въ вѣрѣ Пророка. Тебѣ поручаю я *шаріатовъ*. Блюда ихъ. Дѣти мои молоды. Воспитай ихъ старательно, чтобы они не могли сдѣлать ни чего такого, что оскрѣмило бы ихъ передъ Богомъ. Подражай мнѣ, Абуль Фаттахъ! Иди моимъ путемъ—и ты достигнешь славы. Больше я ничего не желаю сказать. Въ молитвахъ своихъ поминай меня. Будь честолюбивъ и мужественъ. Ищи помощи отъ Бога и Пророка Его. Помни меня, всегда и плачь по мнѣ».

Послѣ этого престарѣлый царь простился съ своими друзьями и, сдѣлавъ распоряженія по поводу своихъ похоронъ, увѣрилъ ихъ, что душа его только переселится изъ одного тѣла въ другое, а не умираетъ». Онъ взялъ со стоявшаго передъ нимъ подноса розу и понюхалъ ее, затѣмъ взялъ бѣлое съ красными полосами яблоко и съѣлъ его; потомъ отпилъ изъ кубка шербету и произнесъ символъ вѣры, всталъ, перевернулся три раза и процѣлъ персидское двустипіе:

Капля, взятая изъ моря, не уменьшаетъ его объема.

Отходящая душа свидываетъ лишь скрывавшее ее покрывало.

Затѣмъ онъ съѣлъ, протянувъ ноги по направленію къ *кабла* (гробница въ Меккѣ), и съ закатомъ дня испустилъ духъ. Онъ былъ погребенъ въ Машгадѣ въ Алтунъ Артошѣ съ большою торжественностью. Въ погребальной церемоніи участвовали два великіе святые, семнадцать тысячъ ученыхъ, двадцать двѣ тысячи мусульманъ и пятнадцать тысячъ простаго народа. Рассказываютъ, что въ это время совершено было нѣсколько чудесъ, и, между прочимъ, что усопшій монархъ черезъ нѣсколько дней послѣ своего погребенія явился во плоти своимъ вѣрнымъ подданнымъ, чтобы ободрить ихъ и внушить

имъ твердость въ вѣрѣ Пророка и единодушiе для распространенiя ея среди язичниковъ.

Четыре года тому назадъ эмиръ посѣтилъ эту гробницу со всѣмъ своимъ дворомъ и совершилъ обычные религiозные обряды надъ гробомъ царственного святаго съ величайшею церемонiей, выразивъ такимъ образомъ свою благодарность Богу за успѣхи, ниспосланные его оружию. Онъ просилъ святаго и впредь не оставлять своего смиреннаго ученика благословенiемъ для распространенiя ислама и для его умиловленiя принесъ въ жертву его памяти цѣсколько сотъ быковъ, овецъ, лошадей и верблюдовъ, которыми угостились окрестные бѣдняки. Онъ возвратилъ принадлежащему къ могилѣ монастырю его прежнiя земли, построилъ вокругъ гробницы коллегiю, мечеть и богадѣльню и обнесъ все это стѣною. Въ коллегiи мы нашли около ста мальчиковъ и мужчинъ, по спискамъ же ихъ, говорятъ, считается до двухсотъ. Это такое же обширное заведенiе, какъ и при гробницѣ Хазратъ Афака, и преподаванiе здѣсь точно также имѣетъ почти исключительно религiозный характеръ. Четверо или пятеро учителей, водившие насъ по заведенiю, приняли данныя имъ посланникомъ золотыя монеты или *тила* съ надлежащею признательностью и, воздвѣвъ руки къ небу, просили благословенiя подателю, а толпа студентовъ заключила ихъ моленiе словомъ *аминъ*.

Послѣ полудня охотники Махмудъ Хана припесли койманпую въ камышевыхъ заросляхъ близъ Коль Тайлака дикую свинью. Это было огромное, чистое на видъ и сильное животное. Вдоль спины его шла полоса длинной щетины, а подъ бокаъ короткой щетиной на остальномъ тѣлѣ росъ густой, короткий, бурчавый и мягкiй подшерстокъ, который составлялъ какъ бы теплое покрывало въ дюймъ толщиною. Короткiе клыки были сомкнуты на вложенной въ ротъ деревяшкѣ и связаны крѣпкой веревкой, а само животное было систематически привязано такими же крѣпкими веревками къ бревенчатой подножкѣ.

Вскорѣ послѣ этого мы пѣлыи день охотились близъ Коль Тайлака за кабанамъ и убили одинъ прекрасный экземпляръ при помощи охотничьяго орла. Милыхъ въ восьми отъ населенiя мы перешли по льду рѣку Файзабадъ и вошли въ густыя заросли камышу и тамарисковъ. Съ нами было человекъ двадцать охотниковъ Махмудъ Хана и два ученихъ орла. Люди были вооружены дубинками, и какъ только кабанъ былъ замѣченъ, одинъ изъ орловъ полетѣлъ за нимъ, а на-

родъ кинулся за орломъ, поднявъ ужасный крикъ и размахивая дубинами. Птица слѣдовала всѣмъ изворотамъ своей добычи, держась надъ самымъ камышемъ, и тотчасъ же кинулась на нее, какъ только та выбѣжала на открытое мѣсто. Тогда конные люди тотчасъ же окружили животное, ошеломили его ударами по головѣ и затѣмъ застрѣлили. Наши слутники—анджаше предавались забавѣ весело и даже беззаботно. Они сообщили намъ интересныя свѣдѣнія о *джир-ти*, т. е. охотничьемъ кружкѣ, составленіе котораго во времена могольскихъ императоровъ было національнымъ обычаемъ, соблюдаемымъ съ особыми церемоніями. Цѣлые полки употреблялись въ качествѣ охотниковъ въ какомъ нибудь центральномъ мѣстѣ, и цѣлые округа въ сотни квадратныхъ миль служили полемъ ихъ дѣйствій. Весь народъ, захваченный охотниками, былъ принуждаемъ примкнуть къ ихъ рядамъ, и всякое нарушеніе закона охоты наказывалось весьма строго. Возвратясь изъ похода въ Турфанъ, Аталыкъ также организовалъ *джирту*. Во время этой забавы было настрѣляно множество дичи, но за-то было убито или искалѣчено также много слугъ и офицеровъ.

Мы подняли во время охоты нѣсколько фазановъ, скрывавшихся въ кустарникахъ, но вниманіе наше было занято болѣе важнымъ дѣломъ, и потому мы оставили ихъ наслаждаться жизнью. Золотой орелъ, дрессированный здѣсь для охоты,—прекрасная птица, обладающая громадной силой. Туземцы называютъ его *кара куш* и *бурнут*. Ихъ клабучать и спутываютъ, какъ и соколовъ, но вслѣдствіе ихъ значительнаго вѣса ихъ возятъ на деревянной подставкѣ, которую придерживаютъ рукою, поставивъ на сѣдельную луку. Въ Яргандѣ мы видѣли ихъ весьма часто, и дакхвахъ говорилъ намъ, что одинъ такой орелъ жилъ у него почти двадцать пять лѣтъ.

Они употребляются на свиней, антилопъ, оленей и волковъ, а также на болѣе крупныхъ птицъ, какъ напр. гусей, цапель и т. д., тогда какъ обыкновенные соколы сѣверной Индіи (*базъ*, *чархъ лачинъ* и т. д.), которыхъ здѣсь также дрессируютъ, употребляются на фазановъ, драхву, дикихъ утокъ и т. д. На пути къ долинѣ Сагунъ съ нами было нѣсколько *чарговъ*, которые очень хорошо охотились на зайцевъ и куроцатокъ. Во время нашего пребыванія въ Яргандѣ мы разъ ѣздили на охоту съ орлами дакхваха на гусей и цапель въ болота, находящіяся къ востоку отъ города. Но орлы были плохи и только одинъ изъ пятнадцати или шестнадцати охотился при насъ

на цепей, а другой весьма ловко перевернул нѣсколько шлявшихся по окрестностямъ города собакъ, на которыхъ онъ былъ спущенъ для нашей забавы.

Внутри стѣнъ укрѣпленнаго жилища Махмудъ Хана мы видѣли нѣсколько прекрасныхъ экземпляровъ мѣстнаго двугорбаго верблюда. Это были благородныя животныя, почти бѣлаго цвѣта, небольшія ростомъ съ тонкими высокими ногами и съ пучками мягкихъ шерстистыхъ волосъ на плечахъ, на ляшкахъ и на горлѣ. Голова у нихъ имѣла красивую форму и глаза были большіе и умные. Крикъ у нихъ особенный, рѣзкій, совершенно не похожій на ворчанье тѣхъ неуклюжихъ, но полезныхъ животныхъ, къ которымъ мы привыкли въ Индіи. Дикій верблюдъ водится въ пустыняхъ къ востоку отъ этой мѣстности, около Лоба, между Турфаномъ и Хотаномъ, гдѣ на него охотятся и теперь. Животное это, говорятъ, весьма влобно и проворно, но маленькаго роста, не многимъ больше большой лошади. Одинъ киргизскій пастухъ, жившій нѣсколько лѣтъ на Лобѣ, рассказывалъ мнѣ, что онъ часто видалъ дикихъ верблюдовъ на паствѣ, и участвовалъ во многихъ охотничьихъ на нихъ экспедиціяхъ, ради ихъ весьма высоко цѣнимой шерсти, изъ которой выдѣлывается самый лучшій камлотъ.

Мы оставили Артошъ 17-го и направились къ сѣверу черезъ брешь въ грядѣ валовъ, состоящихъ изъ глины и гравія и отдѣляющихъ Артошъ отъ Аргу (долины, подобно Артошской, но гораздо уже), и, перейдя поля послѣдней близъ деревни того же имени, миль черезъ восемь пришли къ маленькому китайскому форту, занятому нынѣ артошской стражей въ двѣнадцать человекъ.

Онъ стоитъ на маленькой площадкѣ при входѣ въ Тангитарское ущелье и окруженъ нѣсколькими хлѣбными полями, составляющими послѣдніе признаки земледѣлія въ этомъ направленіи. Дѣйствительно, за Аргу нѣтъ опредѣленнаго земледѣльческаго населенія и никакихъ признаковъ земледѣлія, за исключеніемъ этого клочка. Тотчасъ же за этимъ постомъ мы вошли въ длинное ущелье, которое извиается между возвышающимися на известнякѣ холмами глины и гравія и, слѣдуя теченію его быстрого ручья по отлогому, густо поросшему тростникомъ и тамарисками берегу, миль черезъ десять прибыли въ Корганъ Тангитаръ.

Это маленькій, обнесенный стѣною фортъ, построенный на вершинѣ скалы у входа въ самое ущелье, и сообщающій свое названіе

всей мѣстности. Въ немъ находится гарнизонъ въ двадцать два человѣка, а выше на скалахъ по обѣимъ сторонамъ входа расположены четыре маленькіе, обращенные къ ущелью и господствующіе надъ его проходомъ, редута. Они почти недоступны какъ со стороны форта, такъ и со стороны ущелья, и могутъ вмѣщать въ себѣ не болѣе какъ по пяти-шести человѣкъ.

На маленькомъ выступѣ противъ форта находится группа ивъ и тополей, называемая Мазаръ Сугатъ Бараваль, — указываетъ, какъ говорятъ, то мѣсто, гдѣ Сагокъ, во время одного изъ своихъ многочисленныхъ походовъ для распространенія ислама, дивнымъ образомъ извлекъ источникъ воды для своихъ жаждущихъ солдатъ, ударивъ о скалу мечемъ. Это весьма дивное мѣстечко, и мы видѣли его въ самомъ мрачномъ видѣ. Темная щель прохода, между высокими, нависшими известковыми утесами, представлялась нашимъ глазамъ во всей своей суровой дѣйствительности, и при наступившей темнотѣ почти казалось чѣмъ-то особенно мрачнымъ среди всего окружающаго и дѣйствительно походила на жилище привидѣній и духовъ, которыми населяетъ ея темныя и безмолвныя убожства народное суевѣріе.

Корганъ былъ приготовленъ для нашего помѣщенія и кромѣ того ниже, на уединенномъ валу, раскинуто было пять киргизскихъ палатокъ для нашихъ спутниковъ. Но маленькія хижины оказались такъ грязны и вонючи, что мы съ радостью промѣняли ихъ на не столь грязныя киргизскія жилища. Вечеръ насталъ темный и холодный; морозный сѣверный вѣтеръ, дуя изъ ущелья, пронизывалъ насъ въ войлочныя лохмотья *окое* (кибитка), что весьма скоро разсѣяло всѣ наши представленія о прелестяхъ киргизской жизни. Теперь мы попробовали настоящую жизнь въ *окое* и въ теченіе слѣдующихъ немногихъ дней странствованія видѣли на практикѣ быть бѣдныхъ номадовъ, при чемъ конечно не позавидовали имъ. Не буду пытаться отгадывать въ чемъ именно состоятъ прелести свободной жизни среди безграничныхъ степей, но убѣжденъ, что, во всякомъ случаѣ, надо быть специально подготовленнымъ, чтобы умѣть оцѣнить ихъ. Жгучее солнце, ослѣпительный блескъ и удушающая пыль лѣтомъ, рѣзкій вѣтеръ, холодъ, снѣгъ и бездѣятельность зимой — вотъ что видитъ и съ чѣмъ долженъ бороться номадъ. Единственную помощь въ борьбѣ представляетъ оборванная и истрепанная *окое*, да притупляющая *кумысовая* водка.



Утромъ мы оставили Корганъ, обойдя нависшую скалу, спустились въ проходу Тангитаръ, какъ разъ по ту сторону его южнаго конца, заваленнаго поперечными бревнами, пучками терна и крупными каменьями. Тангитаръ, т. е. «Темный Проходъ», извилисть и узокъ; ширина его между высокими известковыми утесами составляетъ всего отъ десяти до тринадцати шаговъ. Рѣка его была покрыта крѣпкимъ льдомъ и, проѣхавъ минутъ десять по ея извиистой спользкой поверхности, мы выѣхали въ бассейнъ, въ которомъ встрѣчались три большіе осушительные канала.

Мы избрали средній и вскорѣ выѣхали изъ его русла на обширную луговую долину въ восемь или десять миль шириною и въ двадцать длиною, простиравшуюся отъ востока къ западу. За нею на сѣверѣ виднѣн рядъ холмовъ, отдѣляющихъ это плоскогорье, называемое Ялгузъ Сай, отъ Сая, расположеннаго нѣсколько выше и составляющаго любимое лѣтнее rendezvous киргизовъ, а частью и зимнее убѣжище нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Холмы эти имѣютъ весьма скучный видъ и сверху слегка прикрыты снѣгомъ. Говорятъ, что на нихъ много медвѣдей, которые въ случаѣ нужды питаются сурками, вырывая ихъ изъ норъ. Но главные ихъ обитатели въ настоящее время—это большія стада дикихъ барановъ и ивех'овъ.

Сначала мы прошли немного вдоль Сая, т. е. «Каменистаго Луга», а затѣмъ повернули къ востоку и при помощи соколовъ убили въ заросляхъ у подножія холмовъ значительное число зайцевъ и куро-патовъ. Отъѣхавъ миль двадцать отъ Тангитара, мы сошли съ лошадей передъ группою шести или семи *акое*, приготовленныхъ для насъ близъ киргизской стоянки, на открытой равнинѣ, по сосѣдству съ ихъ кладбищемъ, называемымъ тягарматти. Кладбища эти имѣютъ обыкновенно пять или шесть большихъ куполообразныхъ могилъ, или *гумбазъ*, которыя издали кажутся иностранцу жилищами живыхъ людей, а не мертвыхъ, какими онѣ оказываются въ дѣйствительности.

Среди разбѣяннаго вокругъ лагеря рогатаго скота и овецъ, было также нѣсколько верблюдовъ и лошадей. Лагерь состоялъ всего изъ двѣнадцати или пятнадцати палатокъ, остальное же пространство обширнаго плоскогорья не представляло никакихъ признаковъ человѣческой жизни. Палатки наши здѣсь были такія же несчастныя, какъ и въ предъидущій разъ, и могли служить убѣжищемъ отъ непо-

годы развѣ только тѣмъ насѣкомымъ, которыя гнѣздились въ войлочныхъ лохмотьяхъ ихъ стѣнъ, половъ и потологовъ. Это были истинныя ловушки для доставленія свѣжей крови населяющимъ ихъ прожорливымъ тварямъ.

Ночь была свѣтлая и звѣздная съ рѣзкимъ сѣвернымъ вѣтромъ, который содралъ съ занимаемой мною *окое* войлокъ, покрывавшій дымовое отверстіе посреди крыши (крыша представляла слегка выпуклый куполь, образуемый ивовыми жердями, сходящимися отъ стѣнъ къ деревянному поддерживаемому ими кольцу, и была покрыта большими войлоками, утвержденными у окружности закрѣпками). Въ отверстіе это тотчасъ же ворвался холодный, какъ ледяная вода, воздухъ и охолодилъ на всю ночь палатку, въ которой у насъ не было огня; хотя верхняя дыра и была кое-какъ закрыта вновь сорваннымъ войлокомъ, но холодъ врвался черезъ другія безчисленныя дыры оборванныхъ стѣнъ. Спать или даже отдыхать было невозможно вслѣдствіе острой боли отъ холода въ рукахъ и ногахъ, которая пожалуй превосходить даже мученіе отъ злыхъ насѣкомыхъ. Между тѣмъ я былъ одѣтъ чрезвычайно тепло, ибо сверхъ обыкновеннаго англійскаго зимняго платья былъ закутанъ въ огромный овчинный тулупъ, а на ногахъ сверхъ теплыхъ носковъ были надѣты просторныя овчинныя мѣшки. Утромъ термометръ, вывѣшенный съ наружной стороны палатки, показалъ 20° холода.

Бочующихъ киргизовъ въ Артошскомъ округѣ насчитываютъ до ста семей. Они находятся въ зависимости отъ хапа, который называетъ ихъ своими *фукаро*, т. е. «бѣдными». И дѣйствительно наружность ихъ вполне согласуется съ ихъ названіемъ, ибо изъ видѣнной нами здѣсь партіи человѣкъ въ тридцать ни одинъ не имѣлъ независимаго или почтеннаго вида. Впрочемъ это были не лучшіе представители народа, а все бѣдные изгнанники изъ различныхъ людей бурутскихъ киргизовъ, которые нынѣ находятся подъ русскимъ владычествомъ, каковы чонгъ богиши, саригъ богиши, сайаги, чиризи, кочины и пр., степи которыхъ разстилаются къ сѣверу отъ Алатау.

Кашгарскихъ же киргизовъ насчитываютъ до тридцати тысячъ палатокъ, но изъ этого числа не болѣе трети признаются подданными эмира; остальные же дѣлятся между Россіей на сѣверъ и коканскимъ ханомъ на западъ \*).

\*) Писано до присоединенія Кокана къ нашимъ владѣніямъ.

Кашгару чонгъ богиши Актага и Сайаки Каратага, а затѣмъ слѣдуютъ найманы Сарыкула и Карагаша. Найманы, которыхъ насчитываютъ здѣсь тысячи палатокъ, были прежде восточнѣе христіане и пришли сюда съ сѣверовостока Или въ началѣ тринадцатаго столѣтія со своимъ княземъ Кашлукомъ, который былъ прогнанъ со своихъ собственныхъ наследственныхъ владѣній побѣдителемъ Чингисомъ. Кашлукъ отнялъ правленіе Кара Китаемъ у престарѣлаго царя Горкана, водворился со своими найманами въ Кашгарѣ и началъ войну съ народомъ для подавленія ислама. Но онъ былъ скорѣе изгнанъ изъ страны и бѣжалъ въ долины Сарыкула и Вахана, гдѣ былъ постигнутъ и убитъ своими преслѣдователями.

Отъ Тигарматти мы отправились въ Башь Сугунъ, т. е. «Голова Сугуна», отстоящій на пятнадцать миль, а на слѣдующій день въ Лягъ Сугунъ, т. е. «Нога Сугуна», отстоящій на двадцать миль. Около Башь Сугуна мы перешли съ плоскогорья въ узкую долину рѣки Сугунъ, текущей къ востоку, и расположились на ночлегъ въ нѣсколькихъ киргизскихъ палаткахъ, заимствованныхъ въ находившейся тутъ же рядомъ киргизской стоянкѣ. Она состояла изъ шестнадцати палатокъ и имѣла большія стада лошадей, которыя паслись на равнинѣ около лагеря. Рѣка была болѣе или менѣе замерзши; она течетъ по покрытому глыбами руслу въ низкихъ, отлогихъ глинистыхъ и песчаныхъ берегахъ, покрытыхъ соляной корой и тамъ и сямъ поросшихъ тростникомъ и тамарисами. Мѣстами были также рѣдкіе дѣса ивъ и тополей, шугіагіа и еіосагнус, дикихъ розъ и ерһоедга, а также были и нѣкоторые слѣды киргизскаго земледѣлія.

Въ Лягъ Сугунѣ мы нашли стоянку изъ двѣнадцати палатокъ. Здѣсь вацитапъ Троттеръ и д-ръ Столичка съ маленькимъ отрядомъ анджанъ отдѣлились отъ насъ для экскурсій къ грядѣ холмовъ Балоти, отдѣляющихъ эту долину отъ долины Аксай Ушь Турфана; послащикъ же, съ остальною частью нашей партіи, направился вдоль теченія рѣки по извилистой долинѣ, которая была покрыта снѣгомъ. Мы оставили рѣку нѣсколько ниже маленькаго аванпостнаго форта, и не много далѣе, выйдя изъ холмовъ, спустились по *сирту* или склону, который тянется вдоль ихъ основанія, постепенно спускаясь къ равнинѣ, а затѣмъ, перейдя большую пустыню, покрытую пескомъ и солончаками, вышли на поля Коль Тайлака уже на Кашгарской равнинѣ. Здѣсь мы пробыли два дня, и затѣмъ возвратились черезъ Артошъ въ Кашгаръ. Въ Артошѣ мы снова повидались со

своимъ вѣжливымъ хозяиномъ и поблагодарили его за радушіе. Его сынъ Муза, сопровождавшій насъ во время нашей поѣздки по странѣ, былъ на столько внимателенъ, что проводилъ насъ до Бяби Мириамъ, гдѣ посланникъ, прощаясь съ нимъ, въ знакъ благодарности за его услугу нарядилъ его въ прекрасный шелковый *халатъ*.

Это былъ очень умный молодой человекъ лѣтъ двадцати двухъ и весьма пріятный товарищъ. Онъ разсказалъ мнѣ о звѣрствахъ китайцевъ при подавленіи возстанія ходжей при Вали Ханѣ и описалъ, какъ были казнены его собственные дѣды и дяди. Имъ былъ распоротъ животъ и еще у живыхъ вырвано сердце и брошено уличнымъ собакамъ. Затѣмъ имъ были отсѣчены головы и вставлены въ клѣтки, которыя рядомъ съ дюжинами другихъ подобныхъ же клѣтокъ были выставлены вдоль дорогъ передъ городскими воротами въ назиданіе другимъ злодѣямъ. Когда я выразилъ свой ужасъ передъ такимъ варварствомъ, онъ отвѣчалъ, что это ничего не значило: очередь была за ними, и они дѣлали намъ то же, что и мы дѣлали имъ. Во время войны мы почти одинаковы.

—Въ чемъ же вы различны? спросилъ я.

—Мы мусульмане, а они идолопоклонники, вотъ и все.

—Развѣ нѣтъ другаго различія? спросилъ я. Развѣ вы не стоите гораздо выше китайцевъ?

—Въ религіи да. Но больше ни въ чемъ.

—Но вѣдь вы говорите разными языками и принадлежите къ разнымъ племенамъ, возразилъ я.

—Это правда; но мы всѣ татары, какъ бы мы ни назывались, турками ли, монголами, манджурами или китайцами, и различныхъ языковъ у насъ столько же, сколько различныхъ націй. Во времена китайцевъ въ этой странѣ говорили языкахъ на семи.

—Я полагаю, что это въ средѣ ихъ войскъ и чиновниковъ.

—Да, а также въ средѣ торговцевъ, стѣзжавшихся со всѣхъ частей Монголіи. Вѣдь у насъ и теперь еще все китайское. Одежда у насъ китайская, пища, домашняя утварь, даже промышленность— все китайское. Нравы у насъ китайскіе, и торговля была также китайская.

—Вы вѣрно говорите о томъ времени, когда китайцы были вашими управителями. Теперь совсѣмъ не то.

—Все осталось почти такимъ же, какъ было, за исключеніемъ *Шариата*. Впрочемъ положеніе вещей измѣняется день ото дня;

такъ теперь мы не замѣчаемъ никакихъ признаковъ китайской торговли, а слѣдовательно и привосившагося ею богатства.

—Вы говорите такъ, какъ будто бы вы сами битаецъ.

—Нѣтъ, я ненавижу ихъ. Но они не были дурными управителями. Тогда у насъ было все, теперь же у насъ нѣтъ ничего.

И это былъ не единственный, встрѣченный мною въ этой странѣ человекъ, который держался такого мнѣнія. Напротивъ, многіе говорили и мнѣ, и другимъ изъ нашей партіи, что прежнее правленіе было сравнительно вовсе не дурно.

## ГЛАВА XI.

Визитъ къ наследнику.—Кроткій характеръ туземцевъ.—Отъѣздъ изъ Кашгара.—Внезапная переѣна погоды.—Монастырь въ пустынь.—Пески пустыни.—Города, засыпанные пескомъ.—Рака Ордама падишаха.—Исторія Али Арслана хана.—Его смерть и погребеніе.—Внезапная переѣна времени года.—Польза нашего пребыванія въ Кашгарѣ.—Курильщики опиума.—Опытъ пенджабскаго купца.—Будущность торговли.

Экскурсія наша къ подножію Тіаншана или Алатау, какъ онъ здѣсь называется, если не говорить о сильномъ холодѣ и о пустынности страны, была весьма пріятна, и дала намъ возможность получить понятіе о характерѣ мѣстности, находящейся тотчасъ же за заселенными и воздѣланными предмѣстьями города. Здѣсь какъ и вездѣ, гдѣ только мы проѣзжали, была голая степь, въ которой, вмѣсто только что видѣнной нами населенности, довольства и промышленности, мы нашли безмолвіе, бѣдность и варварство.

Мы видѣли страну среди зимы и встрѣтили нѣсколько стоянокъ кочевниковъ, находившихъ себѣ въ долинахъ пастбища, которыхъ на болѣе высокихъ мѣстахъ въ это время года не было. Но нигдѣ не встрѣтили мы указанія на то, чтобы населеніе здѣсь когда нибудь бывало гуще, чѣмъ въ настоящее время. Весною на свѣжія пастбища здѣшнихъ плоскогорій и склоновъ перекочевываютъ киргизы, укрывающіеся или зимующіе, какъ здѣсь говорятъ, въ закоулкахъ и убѣжищахъ низкихъ холмовъ изъ голаго камня и гравія, заслоняющихъ ихъ отъ равнины; лѣтомъ же они покидаютъ ихъ и переселяются въ верхнія части пограничныхъ цѣпей, по другую сторону которыхъ кочуетъ тотъ же народъ, но уже подчиненный Россіи.

7-го марта, посланникъ, въ сопровожденіи своихъ офицеровъ въ вицмундирахъ, сдѣлалъ визитъ Бей Кули Бейю или Бей Бачѣ, какъ

его обыкновенно называютъ. Это старшій сынъ и вѣроятный наследникъ эмира, пользующійся нынѣ титуломъ Шахзаде. Онъ прибылъ сюда мѣсяць тому назадъ изъ Аксу, куда въ то же время его второй братъ, Гакъ Кули Бей, отправился вмѣсто него на границу. Мы сошли съ лошадей у воротъ двора его резиденціи въ фортѣ и были встрѣчены на верандѣ его пріемной залы нашимъ другомъ Хаджи Торою, который былъ тутъ для соблюденія церемоній.

Онъ провелъ нашего начальника въ комнату и представилъ его князю, вставшему съ своего сидѣнья въ противуположномъ углу и протянувшему посланнику руку. Мы также были представлены по очереди и, пожавъ протянутую руку, почтительно кланялись на небрежно вопросительное *саламатъ?*, затѣмъ отступали назадъ и сѣли на коверъ вдоль стѣны, въ углу которой по одну сторону выходившаго на веранду окна сидѣлъ хозяинъ, между тѣмъ какъ Хаджи Тора сѣлъ противъ его по другую сторону того же окна. Посланникъ обмѣнялся съ княземъ обычными привѣтствіями, и приподнесъ ему двустволку, между тѣмъ какъ мимо окна прошла цѣлая вереница людей съ разными другими подарками, которые всѣ были приняты съ надлежащимъ равнодушіемъ. Затѣмъ послѣдовала истинно восточная, по своей продолжительности и важности, пауза молчанія, которая наконецъ была прервана появленіемъ *дастурквана*; въ данномъ случаѣ мы поняли, что обычай этотъ имѣеть и другія достоинства, не относящіеся къ їдѣ.

Князь былъ чрезвычайно сдержанъ и держалъ себя съ видомъ собственнаго достоинства, котораго онъ не покидалъ во все время свиданія. Онъ говорилъ большею частью односложно, кратко и умѣстно, но на наше выраженіе признательности эмиру за его гостепрѣмство, любезность и заботы о нашемъ comfortѣ онъ не отвѣтилъ ничего. Впрочемъ, намъ помогъ Хаджи Тора, который завязалъ наконецъ разговоръ и втянулъ въ него хозяина, чрезвычайно почтительно обращаясь къ нему съ своими замѣчаніями.

Когда *дастуркванъ* былъ убранъ, мы всѣ встали, и князь, завертывая руки въ рукава своей *джубы*, отвѣтилъ на наши поклонны только легкимъ наклоненіемъ головы посланнику. Это крѣпко сложенный молодой человекъ лѣтъ 26, съ болѣе темнымъ цвѣтомъ лица, чѣмъ у другихъ, такъ какъ мать его — кичичка изъ Акъ-Масджидскаго Джуелика, и въ чертахъ его замѣтенъ болѣе грубый складъ этого племени, отличающійся дебелистью и тяжеловатостью. Губы

его толсты, и ротъ выдается впередъ, но нѣсколько горбатый носъ имѣетъ красивую форму. Обычное выраженіе его лица—гордость и строгость. Даже въ разговорахъ съ Хаджи Торою, говорившимъ въ покорно почтительномъ тонѣ, глаза его глядѣли сурово.

Онъ весьма популяренъ въ средѣ андижанскихъ войскъ и пользуется славою храбраго и воинственнаго человѣка. Много рассказываютъ о его подвигахъ на границахъ Урумчи и Манаса, и если въ рассказахъ этихъ есть хотя доля правды, то натурѣ его не знакомо чувство состраданія. Изъ всѣхъ этихъ рассказовъ видно, что страна эта, пѣюгда населенная и достаточная, превращена его войскомъ въ безотрадную, покрытую развалинами, пустыню.

При дворѣ его соблюдается такая же строгая дисциплина, какъ и у эмира, и всѣ боятся строгости его наказаній, но въ войскѣ онъ славится щедростью при раздачѣ награбленнаго и радѣніемъ объ исламѣ. Рассказываютъ про него также, что онъ необразованъ, надмѣненъ и недалекъ, но, принимая въ соображеніе его внезапное превращеніе изъ человѣка темнаго въ наслѣдника вновь пріобрѣтенной страны, въ покореніи восточныхъ частей которой онъ принималъ такое дѣйтельное участіе, то это вовсе не удивительно, и сомнительно, чтобы эта царственная гордость, такъ ревностно поддерживаемая въ своемъ началѣ, могла со временемъ принять болѣе утѣшительную форму. Впрочемъ, будемъ надѣяться, что ко благу подданныхъ перемена эта когда нибудь совершится.

Во все время нашихъ сношеній со дворомъ и официальными лицами этого государства, мы всюду встрѣчали одинаковую вѣжливость. Однако, хотя наши посѣщенія магматовъ считались необходимымъ выраженіемъ почтенія, но не обязывали ихъ отплачивать намъ тѣмъ же. Впрочемъ, это вполне согласовалось съ принятой правительствомъ важностью; вообще же съ нами обращались чрезвычайно либерально, и куда мы ни являлись, всегда могли замѣтить, что для пріятія царскихъ гостей были сдѣланы самыя подробныя распоряженія, съ которыми согласовалось поведеніе правительственныхъ чиновниковъ даже въ самыхъ ничтожныхъ мелочахъ.

Что касается народа, то, на сколько мы могли судить о немъ, онъ положительнo свободенъ отъ предразсудковъ въ отношеніи иностранцевъ и совершенно безразличенъ къ ихъ присутствію у себя, не взирая на ихъ національность и религію, лишь бы только они не оскорбляли явно мѣстныхъ обычаевъ. Разъ случилось, напримѣръ,



слѣдующее. Вскорѣ по нашемъ приѣздѣ въ Яркандъ я и кап. Чапмэнъ отправились въ городъ, и когда мы пришли на хлѣбный рынокъ, нашъ обычный чичероне отсталъ позади въ какомъ-то переулкѣ. Мы переходили изъ лавки въ лавку, осматривали вѣсы и мѣры, спрашивали въ иныхъ лавкахъ о томъ и о другомъ, ничуть не собирая этимъ около себя толпы зѣвакъ, хотя праздношатающійся *дервишъ* по другую сторону сквера употреблялъ всѣ усилія, чтобы обратить на насъ вниманіе, обзывая насъ во все горло невѣрными, и, тряся своею дубиною, грозно приказывалъ намъ удалиться. Но его разглагольствованія пропадали втунѣ, такъ какъ толпа, въ отвѣтъ на его чувства, только глазѣла на него самого и смѣялась, мы же не ускоряли шагу, и потому негодій пошелъ отъ насъ самъ, присаживая, жестикулируя и крича, какъ они обыкновенно дѣлаютъ. Если бы онъ зналъ только, какъ много *милей* соберутъ его собратія во время нашихъ страствованій, онъ, конечно, скрылъ бы свои чувства и лишилъ бы меня возможности привести даже этотъ единственный случай такого поведенія, тогда какъ въ другихъ странахъ,—и вовсе не такъ далеко отсюда,—бранить и поносить *франги*, т. е. франговъ, европейцевъ,—вещь гораздо болѣе обыкновенная.

Во все время нашего пребыванія въ странѣ это былъ единственный, видѣнный мною, примѣръ, чтобы мусульманскій фанатизмъ прорвался сквозь облекающую его оболочку, и свобода, съ которою мы посѣщали здѣшнія свята мѣста, была незнакома намъ даже въ нашихъ собственныхъ владѣніяхъ въ Индіи. Будемъ надѣяться, что либерализмъ въ отношеніи къ намъ будетъ служить задаткомъ той просвѣщенной политики, которой намѣренъ держаться эмиръ въ отношеніи ко всѣмъ иностранцамъ, какой бы національности и вѣры они ни были.

Когда дѣла посланника съ эмиромъ были окончены и предполагавшая поѣздка по его владѣніямъ найдена неудобовыполнимою, то было рѣшено, что мы отправимся въ Янги Хиссаръ, гдѣ подождемъ извѣстія изъ Кабула, не удобнѣе ли намъ направиться въ Индію тѣмъ путемъ, тогда какъ часть нашей партіи отправится изсѣдывать путь черезъ Сари Куль и Воханъ на границахъ территоріи кашгарскаго эмира.

9-го марта, когда все это было уже рѣшено, явились къ намъ изъ дворца Хаджи Тора и Играръ Ханъ Тора съ напутственными подарками отъ эмира, между которыми было для каждаго изъ насъ

по лошади, и стали толковать о приготовленіяхъ къ путешествію. Приготовленія эти продолжались два дня или три и, наконецъ, 16 число было назначено для прощальнаго визита эмиру.

Между тѣмъ, были отправлены послы съ приказами Хузень Шаху Токсабаю, губернатору Сари Кула, снабдить путь, которымъ мы должны идти, необходимыми припасами и повозками, что и было сдѣлано; имъ были доставлены и лошади, и повозки для перевозки нашего тяжелаго лагеря.

Погода въ то время была весьма пзмѣпчивая, хотя сильныя зимніе морозы уже прекратились. Снѣгъ и тяжелыя тучи, висѣвшія надъ нами 8-го и 9-го, исчезли на прекрасномъ голубомъ небѣ; 10-го ясно свѣтило солнце, и въ первый разъ со времени нашего прибытія открылся дѣйствительно хорошій видъ на сѣверныя и западныя горы—великолѣпный снѣжный барьеръ, воздвигающій въ точкѣ соединенія массъ Тиракъ Девана, «Топольнаго прохода».

На слѣдующій день все снова скрылось изъ виду за густыми тучами, и снѣгъ, шедшій всю ночь и до полудня 12-го числа, покрывъ землю слоемъ толщиною отъ восьми до десяти дюймовъ. Небо же оставалось пасмурнымъ вплоть до нашего отъѣзда.

Въ условленное время, т. е. 16-го марта въ 3 часа по полудни, посланникъ въ сопровожденіи всей своей свиты, въ полной формѣ, сдѣлалъ визитъ эмиру, чтобы поцурозаться въ нимъ и поблагодарить его за оказанное посольству гостепрїимство. Хаджи Тора и Играръ Ханъ Тора явились изъ дворца сопровождать насъ. Церемонїи были соблюдаемы все тѣ же, что и въ предъидущіе разы, только Хаджи Тора былъ тутъ же съ нами и занималъ мѣсто на полу противъ насъ, нѣсколько лѣвѣе эмира. Посланникъ, черезъ одного изъ членовъ своей свиты, поблагодарилъ эмира за его безграничное гостепрїимство и многочисленныя любезности, увѣривъ его въ нашей благодарности за столь добрый прїемъ, который мы видѣли всюду съ того дня, какъ вступили на его территорію. Онъ благодарилъ также за вниманіе со стороны оффиціальныя лицъ, какъ на пути, такъ и при экскурсіяхъ въ Чигмакъ, Маральбаши и Артошъ, выразивъ надежду, что ни одинъ членъ его партїи ни какимъ дѣйствіемъ не оскорбилъ скромности его подданныхъ. Что же касается цѣли посольства, то онъ надѣялся, что коммерческій трактатъ принесетъ взаимныя выгоды обѣимъ странамъ. Все это онъ закончилъ молитвой о долголѣтїи и благоденствїи его высочества. Эмиръ

былъ чрезвычайно доволенъ и, отбросивъ обычную важность выраженія и положивъ руку на сердце, съ живостью воскликнулъ: «Слава Богу». Да будетъ это угодно Богу». «Страна эта ваша собственная», «Вамъ здѣсь рады во всякое время». «Вы мнѣ сдѣлали большую честь своимъ посѣщеніемъ» и т. д. и т. д. Затѣмъ былъ поданъ *дастуркванъ*, за которымъ его высочество говорилъ съ большимъ оживленіемъ и съ большою пріятностью, чѣмъ когда либо, а когда мы поднялись, чтобы уходить, сказалъ: «я встану», и оцъ дѣйствительно всталъ, пожалъ каждому изъ насъ по очереди руку и пожелалъ счастливаго обратнаго пути въ Индію. Хаджи Тора проводилъ насъ обратно въ резиденцію и, поздравивъ съ успѣхомъ, возвратился во дворецъ, между тѣмъ какъ полк. Гордонъ и кап. Биддльсъ поѣхали въ городъ попроситься отъ имени посланника съ *дадкавомъ*. На слѣдующее утро мы выступили изъ Кашгара и остановились на почѣ въ Ялчангѣ, 18-го марта сошли съ лошадей въ Янги Хиссаръ передъ тѣмъ самымъ домомъ, въ которомъ останавливались прежде. Страна все еще имѣла свой зимній видъ и зелень еще не показывалась, но тамъ и сямъ уже попадались работавшія плугъ, предвѣстникъ приближающейся весны. Атмосфера была чрезвычайно туманная, такъ что уже въ нѣсколькихъ миляхъ вкругомъ срывала все.

Когда мы выѣзжали изъ воротъ резиденціи, на плацѣ передъ фортомъ раздался салютъ изъ девятнадцати ружей и мы увидѣли большую толпу солдатъ, собравшихся посмотреть на нашъ отѣздъ. Хаджи Тора и Играръ Ханъ Тора провожали насъ три мили, а затѣмъ, попрощавшись съ нами, возвратились назадъ. Въ дорогу съ нами отиравились сотникъ, десятникъ и съ полдюжины солдатъ, которые по обыкновенію прислуживали за *дастуркваномъ*.

Въ Соголукѣ мы были встрѣчены старымъ другомъ, Халь Мугаммедомъ, и его гвардіей въ желтой буйволовои кожѣ, съ *дастуркваномъ*, а затѣмъ они проводили насъ. По прибытіи въ Янги Хиссаръ мы были приняты Муллою Нажмудиномъ, уроженцемъ Оратаппы и бывшимъ здѣсь комендантомъ войскъ. Передъ фортомъ вдоль дороги у него сидѣло въ рядъ около 400 человекъ, всѣ въ бѣлыхъ тюрбанахъ съ положенными передъ собою ружьями, и когда мы проѣзжали мимо, они почтительно смотрѣли въ землю.

На сколько можно было судить по физиономіямъ фигуръ, какъ бы завязанныхъ въ узлы съ платьемъ, — это народъ красивый, и замѣтно

отличается отъ мѣстнаго населенія. Это въ сущности узбеки, а не турки, и представляютъ болѣе развитый татарскій типъ.

Назмуддивъ сообщилъ намъ, что получить приказъ заботиться о нашихъ нуждахъ и, не прощаясь съ нами, проводилъ насъ до нашихъ квартиръ, гдѣ мы удобно расположились въ тѣхъ самыхъ комнатахъ, которыя были приготовлены для насъ въ прошлый разъ. Слѣдующіе два дня прошли въ приготовленіи всего необходимаго для партіи, отправлявшейся подъ предводительствомъ полк. Гордона въ Вохашъ. Опъ выступилъ 21-го съ капит. Биддильфомъ, кап. Троттеромъ и д-ромъ Столичкой и двадцатью, или тридцатью принадлежавшими къ посольству индійскими уроженцами, между которыми былъ Расайдаръ Авзалъ Ханъ и Мунши Абдуссубханъ. Мы проводили своихъ счастливыхъ товарищей за нѣсколько миль (я больше всего рассчитывалъ на это завидное путешествіе, когда мы выступили) и, сказавъ имъ съ Богомъ, возвратились въ свои квартиры. Мы встрѣтились съ ними снова лишь по возвращеніи въ Индію.

Въ это же время капитанъ Чэпмэнтъ, свернувъ съ дороги, направился въ Яркандъ, чтобы распорядиться отправкой отсюда нашего тяжелаго багажа въ Индію, и возвратился въ Янги Хиссаръ 28-го марта. Между тѣмъ посланникъ и я изслѣдовали окрестности нашего мѣстопробыванія, а по возвращеніи нашего товарища, оставивъ его отдохнуть послѣ трудовъ, отправились въ экскурсію къ Кумъ Шагидану, чтобы посѣтить гробницу Ордамъ Падшаха.

Мы выѣхали послѣ ранняго завтрака 1-го апрѣля, и, проѣхавъ городъ, направились по его предмѣстьямъ къ в.-ю.-в. Предмѣстья тянутся миль на десять непрерывнымъ рядомъ полей и фермъ, окруженныхъ фруктовыми садами и виноградниками, и соединяются рядами подстриженныхъ ивъ, тополей, тутовыхъ деревьевъ и другихъ растущихъ деревъ, по берегамъ водъ. Мы переѣхали дорогою нѣсколько оросительныхъ каналовъ, черезъ самый большой изъ которыхъ былъ мостъ. Опъ проведенъ изъ рѣки Шахнасъ, орошающей всѣ южныя части этого поселенія. За исключеніемъ немногихъ плакучихъ ивъ, на которыхъ начинали образовываться почки, мы не видѣли никакихъ признаковъ оживающей растительности.

Въ два часа мы достигли послѣдняго дома деревни Сайганъ, на краю пустыни, и сошли съ лошадей среди плантаціи сливовыхъ и

тутовыхъ деревьевъ для приготовленнаго здѣсь для насъ *дастурк-вана*.

На протяженіи послѣднихъ десяти миль (отъ города восьми) мы проѣхали слѣдующія деревни или приходы, называемые здѣсь *кандами*: Мангшинъ, Ходжа Арикъ и Сайганъ. Они представляютъ собраніе разбросанныхъ фермъ, которыхъ съ любого мѣста равнины рѣдко можно видѣть болѣе тридцати за-разъ, и которые расположены по теченію канала, проведеннаго изъ рѣки Шахнасъ близъ деревни Тавица или Табрица, находящейся миляхъ въ десяти къ юго-западу отъ города Янги Хисара.

Изъ Сайгана дорога наша, при прежнемъ направленіи къ ю.-ю.-в., шла черезъ безплодную пустыню, покрытую пескомъ и гравіемъ съ низкими грядами возвышенностей съ правой стороны и узкой полосой воздѣланныхъ полей съ лѣвой, которыя тянулись по пустыни на нѣсколько миль отъ поселенія, подобно длинному шупальцу, протянутому отъ поселенія.

Черезъ два часа пути отъ Сайгана мы проѣхали мимо колодезя, въ которомъ, на глубинѣ шести сажень, было немного солоноватой воды, а затѣмъ, повернувъ къ ю.-в., взобрались на гребень возвышенностей, вдоль основанія которыхъ лежалъ нашъ путь. Видъ мѣстности съ этого незначительнаго возвышенія былъ чрезвычайно бѣденъ и скученъ. По другую сторону этой гряды, черезъ милю, мы опять миновали колодезь, а еще черезъ двѣ мили—другой; оба эти колодца были простыя, вырытыя въ песокъ шахты, съ незначительнымъ количествомъ соленой воды на днѣ. Немного далѣе почва становилась холмистою и мѣстами въ углубленіяхъ ея росъ тростникъ, но затѣмъ опять шла обширная волнистая пустыня, покрытая пескомъ и гравіемъ.

Черезъ часъ съ четвертью, отъ хребта возвышенностей мы пріѣхали къ нѣсколькимъ маленькимъ, жалкимъ хижинамъ, а далѣе, миновавъ еще нѣсколько такихъ же хижинъ, подѣхали къ группѣ изъ трехъ или четырехъ домовъ, у которыхъ монахи этой маленькой монастырской колоніи, согласно съ татарскими обычаями, встрѣтили насъ на дорогѣ съ хлѣбомъ и солью. Еще немного далѣе, и часа черезъ два, или черезъ восемь миль отъ хребта возвышенностей, мы сошли съ лошадей около монастыря Хозрата Бегама (могила котораго находится вѣдѣ монастырскихъ стѣнъ къ ю.-в.), гдѣ были встрѣчены у дверей шейхомъ, восьмидесятилѣтнимъ старикомъ

по имени Шахъ Максудъ, который радушно пригласилъ насъ въ свою обитель.

Монастырь этотъ представляетъ несчастное мѣстечко, находящееся среди безплодной пустыни и, повидимому, уже пришедшее въ упадокъ. При немъ есть часовня и трапеза съ полдюжиною маленькихъ комнатъ для монаховъ и большой колодезь прѣсной воды, находящійся въ одной изъ комнатъ внутренняго двора, площадь котораго осѣнена раскинувшимися вѣтвями трехъ тополей. На вѣшнемъ дворѣ есть нѣсколько коюшенъ, а далѣе, уже вѣ двора, на равнинѣ, къ югу—восемь или десять скученныхъ вмѣстѣ хижинъ. Это несчастныя лачуги, передъ дверями которыхъ, на кучахъ старыхъ костей, зола и всякихъ нечистотъ, ползають полунагіе нищѣ въ сообществѣ нѣсколькихъ паршивыхъ собакъ и истощенныхъ и покрытыхъ язвами ословъ—истиное олицетвореніе нищеты, убожества и грязи. Въ этомъ мѣстѣ нѣтъ признаковъ земледѣлія, и всѣ принасы для общины, состоящей изъ пятидесяти или шестидесяти монаховъ, и семей послѣднихъ, получаютъ изъ Янги Хиссара и Кизали, гдѣ пахотятся монастырскія земли.

Особа, святая память которой увѣковѣчивается здѣшнею могилою, была двоюродная сестра Ходжи Ахмеда Язави (патрона Туркестана, могила котораго называется тамъ Хазратъ Султанъ) и жена Хазаъ Бахра Хана, который былъ убитъ близъ Янги Хиссара въ войнѣ съ хотанскими китайцами въ половинѣ одинадцатаго столѣтія. Когда армія царя была разбита, она бѣжала въ пустыню, но здѣсь была настигнута неприятелями и убита. Могила ея отмѣчена небольшимъ возвышеніемъ изъ песку и глины, на вершинѣ котораго воткнуто нѣсколько шестовъ съ хвостами яковъ и доскутками знаменъ. Въ разстояніи полу-мили къ югу отсюда на равнинѣ находятся едва замѣтные въ пескѣ остатки древяго форта. Говорять, что онъ былъ занимаемъ, какъ аванпостъ, хотанскимъ княземъ Нуктарашидомъ, во время войны противъ Кашгара, а также князьями Бахра ханской фамиліи. Площадь его покрыта осколками грубой глиняной посуды и зеленого стекла, а иногда, послѣ сильныхъ вѣтровъ, сдувающихся песокъ, находятъ здѣсь и мѣдныя монеты.

На слѣдующій день мы переѣхали двѣнадцать миль въ сѣверномъ направленіи до Ордамъ Падши. Сначала дорога спускается въ обширную котловину, а затѣмъ снова поднимается опять къ той самой грядѣ возвышенностей, которую мы переѣхали наканунѣ. На пути къ

этой грядѣ, мы миновали нѣсколько мелкихъ колодезь и поверхностныхъ цистернъ, расположенныхъ при дорогѣ, но во всѣхъ нихъ вода была такъ солона, что наши индѣйскія лошади большею частью отказывались пить ее.

Съ высоты хребта, образующаго здѣсь высокій и широкій валъ, намъ открылся къ востоку широкій видъ на пустыню. Хребетъ въ этомъ направленіи вскорѣ прерывается и опускается до уровня равнины, которая представляетъ обширную волнистую поверхность съ мелкими, но очень широкими водяными руслами, гдѣ растутъ тростникъ и грубый кустарникъ, но нѣтъ никакихъ признаковъ текучей воды.

Къ сѣверу же она представляетъ настоящее море сыпучихъ песковъ, подвигающихся правильными волнообразными грядами съ с.-з. къ ю.-в. Эти песчанья дюны большею частью имѣютъ высоту отъ десяти до дватцати футовъ, но мѣстами видны настоящіе маленькіе холмы вышиною футовъ во сто и болѣе. Онѣ покрываютъ равнину безчисленными цѣпями по три—по четыре и даже болѣе къ ряду, оставляя въ промежуткахъ голую и твердую глинистую почву, и слѣдуютъ одна за другою—подобно ряби, оставленной волнами на песчаномъ берегу, но только въ большемъ размѣрѣ.

Къ юго-востоку эти песчанья дюны представляютъ круглые валы, имѣющіе форму полумѣсяцевъ, рога которыхъ, становясь все ниже и ниже, упираются концами въ землю. По направленію къ сѣверу и сѣверо-западу, дюны эти покрываютъ всю сторону—насколько хватаетъ глазъ, но къ востоку онѣ прекращаются мили черезъ четыре, или пять, далѣе же опять видна волнистая поверхность пустыни.

Начиная отъ хребта и до самой гробницы, а на слѣдующій день, на протяженіи еще нѣсколькихъ миль, дорога наша постоянно извивалась между этими дюнами, или переходила черезъ нихъ. Мили черезъ четыре отъ хребта мы проѣхали мимо оставленной и полузасыпанной надвигающимися песками почтовой станціи. Одинъ изъ священниковъ, Мазаръ Хазратъ Бегама, бывшій съ нами въ качествѣ проводника, сообщилъ намъ, что станція эта называлась Лангаръ Булгаръ Акгундъ и была построена восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ на свободномъ въ то время отъ песку мѣстѣ, но оставлена уже тридцать лѣтъ тому назадъ вслѣдствіе песковъ, которыми сначала была засыпана дворъ ея, а затѣмъ и крыша.

Я пошелъ осмотрѣть станцію и нашелъ на ней всю деревянную ра-

боту: очать, полки въ двухъ комнатахъ и часть крыши совершенно новыми, какъ будто бы станція была только-что упразднена. Строеіе на половину было погребено подъ дюной, надъ остальной же частью его песокъ стоялъ футовъ на шесть или на восемь; по обѣимъ сторонамъ отъ этой дюны были другія, болѣе значительныя, полулунная форма которыхъ была вполнѣ правильна и не нарушена ни какимъ препятствіемъ

Въ Ордамъ Падшѣ, гдѣ мы пробыли одинъ день, мы видѣли одно хотя уже отчасти засыпанное, но еще занятое жилище. Это доказываетъ, что процессъ засыпанія совершается весьма постепенно, пока симметрия дюны не нарушится препятствіемъ до такой степени, что сыпучее вещество ея осядетъ разомъ, вслѣдствіе разрыва составныхъ частей ея. Въ данномъ случаѣ подвигалась по равнинѣ цѣпь изъ трехъ полулунныхъ, расположенныхъ въ рядъ дюнъ, пока одна, крайняя, не наткнулась на стѣны вѣшняго двора названнаго дома, и, паростая около нихъ, современемъ нависла надъ ними, а потомъ обрушилась и засыпала площадь двора. Между тѣмъ два другіе полумѣсяца, не встрѣчая никакихъ препятствій, сохраняли свою настоящую форму. Впрочемъ, та же сила, которая постепенно подвигала впередъ эти послѣднія, двигала также и остатки прерванной дюны, которая современемъ должна не только засыпать жилище, но даже перейти черезъ него и, снова принявъ на открытомъ мѣстѣ свою первоначальную форму, сравняться съ остальными дюнами цѣпи, оставивъ жилище болѣе или менѣе открытымъ, пока на него не надвинется подобная же песчаная дюна слѣдующаго ряда.

Эти песчаная дюны образуются дѣйствіемъ постоянныхъ сѣверныхъ и сѣверозападныхъ вѣтровъ, которые непрерывно дуютъ въ равнинѣ втеченіе весеннихъ мѣсяцевъ. Причина же ихъ движенія слѣдующая. Коль скоро дюна образовалась, вѣтеръ пачинаетъ гнать по ея поверхности легко отдѣльныя частицы песку; но съ боковъ ея, гдѣ сопротивленіе всего меньше, движеніе это совершается быстрѣе, отчего и получаютъ длинныя рога, между тѣмъ какъ въ центрѣ частицы эти набѣгаютъ другъ на друга, пока не составится изъ нихъ соединяющій эти боковые рога высокій, кривой валь. Но такъ какъ песчаная частица все-таки толкаетъ впередъ, то онѣ перекатываются черезъ валь даже безъ вѣтра, а только вслѣдствіе своей собственной тяжести, которая влечетъ ихъ внизъ по склону, пока онѣ не достигнутъ земли. Дѣйствіе это, продолжаясь долгое время, и



служить причиною постепеннаго и симметрическаго движенія дюнь. Быстроту ихъ движенія опредѣлить невозможно, такъ какъ она вполнѣ зависитъ отъ измѣняющейся интенсивности двигательной силы, наклона почвы и препятствій на ея поверхности. Во всякомъ случаѣ видѣнное нами явленіе объясняетъ—какимъ образомъ были засыпаны песками Лобъ Кутахъ и другіе города этой мѣстности, а также даетъ основаніе вѣрить рассказамъ бродящихъ по пустынь пастуховъ, утверждающихъ—будто дома этихъ старыхъ разрушенныхъ городовъ иногда показываются на время изъ песку, а потомъ снова исчезаютъ подъ нимъ.

Въ «Тарихи Рашиди» есть весьма интересныя свѣдѣнія о разрушеніи Кутака, совершившемся какъ разъ въ то время, когда въ Аксу въ половинѣ четырнадцатаго столѣтія взошелъ на престолъ Тоглукъ Тимуръ. Рассказъ этотъ весьма понятенъ, благодаря свѣту, бросаемому на него изслѣдованіемъ песчаныхъ дюнь въ Кумъ Шагидашъ.

Изъ словъ вышеприведеннаго сочиненія видно, что грозившая городу участь предвидѣлась за-долго, и что части его уже были погребены песками еще прежде той катастрофы, которая повела къ окончательному его опустошенію и заставила бѣжать изъ него героя рассказа нашего писателя. Мирза Хидаръ говоритъ, что еще за несколько мѣсяцевъ священникъ города Шекхъ Ямалуддинъ (потомокъ знаменитаго святаго Маулана Шуяуддинъ Махмуда, который былъ пощаженъ при всеобщемъ избіеніи священниковъ Чингисомъ по взятіи Бухары и посланъ со своею семьей въ Каракорумъ, откуда послѣ раззоренія города сыновья его переселились въ Кутахъ) не разъ предостерегалъ слушателей въ своихъ пятничныхъ проповѣдяхъ отъ грозившаго бѣдствія. Накопецъ, видя дѣйствительную опасность, онъ объявилъ собранію, что ему приказано отъ Бога оставить городъ и бѣжать отъ грядущаго гнѣва божьяго, послѣ чего онъ формально попрощался съ кафедрой и отправился изъ осужденнаго мѣста.

Повидимому, онъ торопливо оставилъ городъ во время сильнаго песчанаго урагана, захвативъ только семью и кой-какіе пожитки. Пройдя нѣкоторое разстояніе, одинъ изъ его сотоварищей, а именно *мудзинъ* его мечети, т. е. «созыватель на молитву», вернулся за чѣмъ-то, и, воспользовавшись случаемъ, взобрался на минареть, чтобы въ послѣдній разъ прокричать съ его башни молитвенный призывъ. Спустившись оттуда, онъ нашелъ, что песокъ такъ завалилъ дверь, что ее невозможно было отпереть. Поэтому онъ долженъ былъ снова,

взобраться на башню и броситься съ нея на песокъ, чтобы имѣть возможность уйти. Онъ догналъ шейха въ полночь, и когда рассказать о случившемся, бѣглецы тотчасъ же встали и снова пустились бѣжать, говоря: «разстояніе спасетъ отъ божьяго гнѣва».

Часть города была погребена въ ту же ночь, но вѣроятно не весь городъ былъ засыпанъ разомъ, такъ какъ нигдѣ не говорится о всеобщемъ смятеніи и бѣгствѣ. Напротивъ, граждане оставляли по-видимому свои жилища небольшими партіями, унося съ собою свои пожитки, хотя несомнѣнно, что были случаи, когда вслѣдствіе безпечности, порожденной медленнымъ приближеніемъ бѣдствія, послѣднее заставало ихъ въ-расплохъ и погребало вмѣстѣ съ ихъ жилищами.

Подтверженіемъ возможности этого служило выше-названное жилище въ Ордамъ Падишѣ, въ которомъ все еще жили, хотя дворъ до самой веранды былъ уже наполненъ пескомъ нависшей черезъ стѣну дюны. Если бы дворъ у этого жилища былъ съ противоположной стороны и домъ попалъ подъ песокъ первый, какъ это было въ Лапгаръ Булгаръ Акгундѣ, то легко могло бы случиться, что, обрушившись, онъ завалилъ бы всѣ входы въ живую могилу, если бы только вслѣдствіе тяжести своей не ворвался въ жилище черезъ крышу.

Что такъ дѣйствительно случилось въ Кутагѣ, объ этомъ свидѣтельствуютъ скелеты и высохшія тѣла, находимые иногда въ неза-сыпанныхъ домахъ, сохранившихъ въ цѣлости всю свою внутреннюю обстановку, какъ рассказываютъ объ этомъ съ видимою искренностью бродячіе въ тѣхъ мѣстахъ пастухи.

Оставивъ осужденный городъ, шейхъ Ямадуддиъ направился въ Аксу, и по-видимому шелъ съ небольшой партіей. Подъ конецъ пути, встрѣтивъ охотничій кружокъ, т. е. *джиргу* новаго царя Тоглука Тимура, и не зная ничего про муханское правило относительно нарушенія цѣпи, былъ схваченъ и представленъ царю, чтобы по строгимъ законамъ охоты быть наказаннымъ смертью. Въ это время Тоглукъ кормилъ собакъ мясомъ убитаго имъ дикаго вепря. Увидавъ таджика (такъ называются здѣсь всѣ люди арабскаго или аріанскаго происхожденія въ отличіе отъ потомковъ татаръ и монголовъ) и слыша его ссылку на незнаніе, которымъ онъ оправдывалъ свою ошибку, царь спросилъ его: «Скажи, таджикъ, кто лучше — ты или эти собаки?» Священникъ отвѣчалъ на это смѣло: «Такъ какъ я имѣю

вѣру, то я лучше. Если же бы я не имѣлъ вѣры, то собаки были бы лучше меня».

Слова эти произвели впечатлѣніе на молодаго буддиста и заставили его принять отъ этого самаго священника магометанство. Нѣсколько же лѣтъ спустя, сдѣлавшись ханомъ, Туглукъ Тимуръ публично исповѣдалъ вѣру передъ муллою Аршабуддиномъ, сыномъ и преемникомъ уже умершаго шейха. Примѣру новообращеннаго послѣдовала большая часть его вельможъ и вскорѣ исламъ распространился по всей территоріи. Но возвратимся снова къ нашему предмету.

Буря, прогнавшая шейха изъ Кутака, была, какъ описываютъ, чрезвычайно сильна, такъ что воздухъ былъ наполненъ пескомъ, падавшимъ точно дождь съ неба. О возможности этого свидѣтельствуесть видѣнное нами въ Лангарѣ Кумъ Шахидашъ, и если бы дюны Ордамъ Падши были такъ же высоки, какъ нѣкоторыя видѣнныя нами далѣе, то легко было понять, какимъ образомъ сильный вѣтеръ или ураганъ, поднимая съ нихъ песокъ въ большомъ количествѣ, сыпалъ бы его на строенія настоящимъ дождемъ, ибо, отдѣлившись отъ дюны, онъ, вслѣдствіе собственной тяжести, долженъ опускаться до того уровня, гдѣ загороженный тою же самою дюною вѣтеръ становится уже недѣйствителемъ.

Самая гробница Ордамъ Падша также засыпана пескомъ, и мѣсто ея отмѣчаютъ лишь шести съ яковыми хвостами. Монастырь же и нѣсколько окружающихъ его богадѣлень построены на маленькихъ мѣстечкахъ, попадающихся иногда среди песчаныхъ грудъ. Нѣсколько крупныхъ дюнъ, отстоящихъ отъ монастыря на триста, или четыреста ярдовъ, направляются наискось къ нему, но такъ какъ онѣ подвигаются повидимому весьма медленно (двѣнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ дюна вступила во дворъ выше-названнаго строенія, и между тѣмъ все-таки не засыпала еще всей его площади, имѣющей въ ширину всего десять, или двѣнадцать шаговъ), то дѣйствительно могутъ оправдаться слова здѣшняго почтеннаго настоятеля шейха: «Благословенная могила пережила превратности шести столѣтій», говорилъ онъ въ отвѣтъ на наше предостереженіе, «и, дастъ Богъ, переживетъ конецъ міра».

Мученикъ, память котораго увѣковѣчена здѣсь гробницею надъ его тѣломъ, былъ Сайидъ Али Арсланъ Ханъ, сверхестественный сынъ Биби Маріамъ, исторія которой была рассказана выше. Онъ при-

нимать дѣятельное участіе въ войнахъ за разпространеніе ислама, происходившихъ втеченіи первой половины одиннадцатаго столѣтія между братьями — кашгарскими царями Хозанъ и Хузенъ-Бихра хапани и китайскими князьями Хотана Боктарашидомъ и Юктарашидомъ. Главнымъ мѣстомъ ихъ продолжительныхъ и кровавыхъ стычекъ были ближайшія окрестности и страна къ сѣверу отъ хребта песчаныхъ холмовъ, называемаго Каирахомъ, чрезъ который течетъ рѣка Шахнасъ.

Вся здѣшняя мѣстность богата интересными воспоминаніями о двадцатипятилѣтнихъ войнахъ, отчеты о которыхъ сохраняются у хранителей различныхъ гробницъ, которыми увѣковѣчена святая для мусульманъ память благородныхъ мучениковъ за вѣру. Половина ихъ заняла бы цѣлый томъ. Здѣсь я приведу только рассказъ о смерти того мученика, на могилѣ котораго мы нашли столько пищи для размышленій.

Монастырь предслагаетъ обширный дворъ, заключающій въ себѣ часовню, трапезу, кухню и около дюжины спаленъ, въ которыхъ по мѣстному обычаю могутъ найти мѣсто около ста человѣкъ. Все это было недавно реставрировано эмиромъ, и кругомъ въ промежуткахъ между дюнами было выстроено нѣсколько новыхъ домовъ. Могила эта пользуется большою популярностью; въ пользу ея здѣсь бываетъ каждый годъ три или четыре ярмарки, изъ которыхъ самая главная въ Ашугъ-Айъ-ѣ третьемъ мѣсяцѣ года. Она привлекаетъ, говорятъ, отъ пятнадцати до двадцати тысячъ народу и продолжается пять дней. Постоянно же населеніе этого мѣста состоитъ приблизительно изъ пятидесяти семействъ, которыя живутъ настолько же хорошо, насколько въ Хазрамѣ Бегамѣ — бѣдно и плохо. Они совершенно уединены среди песковъ и получаютъ всѣ припасы изъ Янги Хиссара, отстоящаго отсюда на двадцать миль къ западу по прямому пути черезъ пески.

Мы пробыли здѣсь день и питались жареной и вареной кониной. Если европейскія животныя хотя на половину такъ вкусны какъ тѣ, которыхъ мы ѣли, то вовсе не слѣдуетъ пренебрегать этой пищей. Пустившись снова въ путь, мы направились прямо къ сѣверу и, черезъ шесть миль, вышли на обширную, покрытую солянымъ налетомъ, пустыню съ маленькими, разбросанными тамъ и сямъ, высохшими лужами и камышевыми зарослями.

Въ милѣ отъ священной могилы мы проѣхали мимо трехъ сто-

явшихъ рядомъ хижинъ съ грозившею перевалиться черезъ нихъ песчаною дюною. Дворъ одной изъ нихъ былъ уже полопь песку, и у другой—почти полопь. Всѣ онѣ были заняты по обыкновенію бѣдными нищими, живущими на подаванія монастыря.

На нѣсколько миль далѣе, дюны уменьшаются въ размѣрахъ и теряютъ свою правильную форму, а затѣмъ и совсѣмъ исчезаютъ, переходя въ маленькіе, разбросанные, плоскіе и весьма красиво возвышающіеся надъ общимъ уровнемъ курганы. Однако и курганы эти расположены полосами, правда, не совсѣмъ ясными, отъ с.-з. къ ю.-в.

На слѣдующій день мы проѣхали двадцать миль къ з.-ю.-з. болѣею частью по соляной пустынѣ, и наконецъ возвратились въ свои квартиры въ Янги Хиссаръ.

17 апрѣля, послѣ трехъ недѣль болѣе или менѣе туманной погоды и постоянныхъ с. и с.-з. вѣтровъ, которые иногда дули съ такою силою, что воздухъ совершенно омрачался отъ густоты тумана, солнце ясно свѣтило на безоблачномъ небѣ и открыло намъ прекрасный видъ на снѣжныя горы на западѣ. Цѣпь ихъ тянется съ с.-з. къ ю.-в. и ближайшіе отроги находятся всего въ двадцати миляхъ отсюда.

Она представляетъ три значительныя массы, раздѣленныя между собою впадинами, опускающимися ниже линіи снѣговъ. Самая южная изъ этихъ массъ называется Царь Кулъ Тагъ, вторая—Тавизъ Тагъ, а третья, на сѣверѣ,—Чинъ Тагъ. Между двумя послѣдними идетъ дорога изъ Кашгара въ Сарыкуль черезъ Ташмаликъ и Опаль, а отъ нея къ западу отдѣляется путь черезъ Алай въ Каратегинъ.

На горахъ этихъ живутъ киргизы племень найманскаго, каратеритскаго и чалтеритскаго и немногочисленные саяки и каучаки Баратага и Тиракъ Давана. Холмы Баратагъ соединяютъ Чинмагъ съ Тиракъ Даваномъ, а за ними къ западу простирается плоскогорье Алай.

Послѣ этого, погода снова сдѣлалась туманною и становилась все жарче и жарче. Солнце свѣтило обыкновенно сквозь густой туманъ, который къ счастью смягчалъ его сильный блескъ, отражаемый бѣлой песчаною и соляною почвою, уменьшая въ то же время жаръ его лучей. Когда же оно свѣтило на чистомъ небѣ, блескъ этотъ былъ невыносимъ для незащищеннаго очами глаза и сила его лучей была весьма значительна. 17-го и 30-го апрѣля солнечный термометръ показывалъ 137° Ф. и 140° Ф. Быстротѣ поворота

отъ зимы въ лѣту соотвѣтствовала такая же быстрая перемена во вѣншемъ видѣ страны, разумѣя, конечно, только воздѣланные мѣста, ибо пустынные пространства едва ли измѣнили свой характеръ до самаго того времени, когда мы оставили страну. Растительность, казалась, разомъ прынудила изъ-подъ земли и въ нѣсколько дней покрыла листовою и зеленью такіе мѣста, гдѣ раньше не было объ нихъ и помину, и превратила все поселеніе въ настоящій рай. Въ теченіе всего мѣсяца с.-з. вѣтеръ дулъ болѣе или менѣе постоянно, а по временамъ превращался въ туманную бурю, продолжавшуюся по нѣсколько часовъ, и болѣе, которая отличалась болѣею силою и продолжительностью, чѣмъ обыкновенныя бури въ Пенджабѣ.

Появленіе весны было весьма радостно для народа, такъ какъ зимніе запасы корма и хлѣба начинали изсякать, благодаря потребленію нашей партіи сверхъ обычнаго спроса. Между прочимъ провіантомъ, назначавшимся для ежедневнаго потребленія носольства, было шестьдесятъ *чаріаковъ* (1200 фунтовъ) маисоваго хлѣба (вмѣсто ячменя, который здѣсь встрѣчается рѣдко), десять чаріаковъ рису, шесть крупчатой муки, двадцать возовъ дровъ, пятьдесятъ воловъ соломы, двѣсти пучковъ люцерны и три овцы. Ежедневное доставленіе такого количества провіанта вскорѣ стало тягостно для этой мѣстности, и раза два случалось замедленіе.

Янги Хиссаръ—грязный торговый городишко, домовъ въ пятьсотъ. Населеніе его таково же, какъ и жилище, т. е.—если и не совершенно безобразно, то бѣдно одѣто и невзрачно. Между нимъ много обращенныхъ китайцевъ. Изъ всѣхъ частей страны. Янги Хиссаръ—весьма важный военный постъ и имѣетъ сильный фортъ на равнинѣ къ сѣверу. Въ немъ хранятся государственныя сокровища, и находится нѣсколько политическихъ арестантовъ и членовъ эмирова гарема.

Во время нашего пребыванія здѣсь, мы имѣли случай узнать изъ разспросовъ кое-что о характерѣ и нравахъ населенія, о которомъ я получилъ не особенно лестный отзывъ отъ турецкихъ офицеровъ въ Кашгарѣ, думавшихъ о своихъ братьяхъ дальняго востока гораздо хуже, чѣмъ они есть въ дѣйствительности. Я не соглашался съ мнѣніемъ одного лица, что это «глупая скотина», такъ какъ мнѣніе это было основано лишь на наблюденіи узбекскихъ солдатъ Андижана. Но съ другой стороны положеніе въ кашгарскомъ гарнизонѣ человѣка, получившаго либеральное воспитаніе въ совре-

менной школѣ турецкой столицы и вдруг брошеннаго на условіяхъ братства и равенства въ среду людей, стоящихъ гораздо ниже его по умственному развитію, — было совсѣмъ не то, что наше положеніе въ качествѣ иноземныхъ гостей, пользующихся царскою благожелательностью, благодаря которому я не могъ придти самъ лично ни къ какому удовлетворительному заключенію.

Мы были такъ отгорожены отъ народа назначенными услуживать намъ андижанскими чиновниками и находили все до такой степени подстроеннымъ, чтобы производить на насъ пріятное впечатлѣніе, что соціальной жизни народа при обычныхъ условіяхъ вовсе не видѣли, хотя разныя мелкія, обыденныя обстоятельства постоянно напоминали о бдительности господствовавшей власти. Присутствіе наше въ столицѣ заставляло, повидимому, всякаго держать себя какъ можно лучше, и потому все шло довольно гладко, хотя всюду преглядывало неопредѣленное чувство страха и неуверенности. Но когда мы стояли здѣсь (въ Янги Хиссарѣ), мы узнали, что населеніе Кашгара сильно жалѣло о нашемъ отъѣздѣ, такъ какъ во дворцѣ снова начался проявляться капризный нравъ, а палочные побои и другія наказанія даже усилились, какъ бы для того, чтобы наверстать потерянное время.

Допустимъ, что положеніе узбекскихъ побѣдителей, держащихъ въ своихъ рукахъ обширную завоеванную территорію помощію арміи менѣе чѣмъ двадцати-тысячнаго коканскаго войска, весьма затруднительно, и что переходъ отъ китайской снисходительности къ строгости ислама необходимо долженъ казаться тяжелымъ, и затѣмъ уже будемъ оцѣнять управителей, по результатамъ ихъ бдительности и рѣшимости.

При китайскомъ управленіи, какъ видно по всему, было гораздо больше личной свободы, чѣмъ дозволяетъ нынѣ строгій кодексъ *шариата*, точно также и въ отношеніи физическаго благосостоянія народа перемена кажется не особенно благоприятною, въ особенности въ отношеніи пици, напитковъ и общественной нравственности.

Спиртные и другіе хмѣльные напитки и нѣкоторые роды мяса, сдѣлавшіеся при китайскомъ управленіи обычными какъ для мусульманъ, такъ и для буддистовъ, нынѣ изгнаны изъ употребленія религіей и запрещены закономъ, причѣмъ всякое нарушеніе правилъ въ этомъ отношеніи наказывается весьма строго. Между тѣмъ опиумъ

и конопля не включены въ списокъ незаконныхъ яствъ, почему ими ужасно злоупотребляютъ какъ мужчины, такъ и женщины всѣхъ классовъ. Одинъ изъ турецкихъ офицеровъ, описывая мнѣ кашгарское общество, говорилъ, что народъ тамъ не знаетъ общежитія и разговоровъ, что онъ притупляетъ себѣ умъ этими снадобьями и дома ведетъ себя неприлично въ присутствіи иностранцевъ.

Въ Янги Хиссарѣ есть три дивана для куренія опиума. Это темныя, низкія комнаты съ нѣсколькими расположенными на полу изголовьями, изъ которыхъ около каждаго имѣется по лампѣ. По стѣнамъ же сдѣланы полки, заваленныя аккуратно сложенными и снабженными ярлыками свертками платя и другими вещами, которыя оставляются въ закладъ несчастными жертвами привычки. Курильщикъ, заплативъ за свою порцію, получаетъ трубку, маленькое отверстіе которой обмазано изнутри тѣстомъ изъ этого зелья, ложится головой на подушку, и загѣмъ, повернувшись къ стоящей около нея лампѣ, раза два, или три сильно втягиваетъ пламя сквозь массу опиума и засыпаетъ.

Говорятъ, что во времена китайцевъ обычай этотъ не имѣлъ такихъ дурныхъ послѣдствій, какъ теперь, потому что курильщики устраняли ихъ дѣятельностью обыденной жизни. Теперь же народъ лишень этого предохранительнаго средства и потому изнуруется гораздо скорѣе. Между тѣмъ почти всеобщее употребленіе обонихъ этихъ снадобій усиливается, несомнѣнно, все болѣе и болѣе. Нравственность народа во взаимныхъ отношеніяхъ половъ при китайскомъ управленіи казалась весьма распущенною. Кромѣ размалеванныхъ сиренъ общественныхъ рынковъ, были еще *чауканги*, всегда готовыя заключить союзъ на короткое, или долгое время, съ навѣстившимъ страну купцомъ, или путешественникомъ, или съ кѣмъ бы то ни было. Нынѣ нѣтъ ни *лабокъ*, ни *чауканокъ*; полъ ихъ обречень на предписанное исламомъ уединеніе, которое влечетъ за собой свои пороки. Внезапному лишенію своихъ обычныхъ привилегій преобразныя татарки покорились лишь послѣ того, какъ многія изъ ихъ возмущившихся сестеръ были принесены въ жертву для предупрежденія дальнѣйшихъ попытокъ нарушенія закона. Говорятъ, что въ Аксу было публично казнено шестнадцать человекъ, прежде чѣмъ было принято *шаріатъ*.

Впрочемъ, благодаря примѣру, поданному управителемъ и его арміей, татарскія дамы не нашли большого затрудненія обходить



строгости закона и въ извѣстныхъ классахъ пользуются легкостью развода, мѣняя мужей по своему усмотрѣнію.

Такъ наприимѣръ, женщина выходитъ замужъ въ Яркандѣ, и мѣсяца черезъ два, или три, поссорившись съ мужемъ, получаетъ разводную отъ кази и данное за нею приданое. По прошествіи назначеннаго закономъ срока *иддатъ*, она выходитъ въ томъ же городѣ за другаго и поступаетъ съ нимъ, какъ и съ первымъ. Не дожидаясь затѣмъ срока *иддатъ*, она отправляется въ Янги Хиссаръ, гдѣ, показавъ въ доказательство своей свободы первую разводную, выходитъ замужъ въ третій разъ и, обезпечивъ свое приданое, отдѣляется отъ мужа точно такимъ же образомъ, какъ въ Яркандѣ, затѣмъ, чтобы повторить ту же исторію въ Кашгарѣ, и такимъ образомъ она продолжаетъ до тѣхъ поръ, пока не возвратится снова въ Яркандѣ, гдѣ при нѣкоторомъ счастіи выходитъ наконецъ замужъ за избраннаго ею человѣка.

Когда мы стояли здѣсь, изъ Ярканда прибылъ повидаться съ посланникомъ одинъ пенджабскій сейтъ, который переправился черезъ проходы съ своими товарами поздней зимой. Онъ испыталъ въ проходахъ весьма суровую погоду и былъ принужденъ оставить часть своихъ тюковъ, которые должны были прибыть съ слѣдующими караванами, или же пролежать на мѣстѣ до его возвращенія назадъ. Въ настоящее время онъ восхищался успѣхомъ своихъ спекуляцій, давшихъ ему чистаго барыша болѣе пятидесяти процентовъ на сто. Между прочимъ, онъ попросилъ меня сдѣлать что нибудь для его ногъ, съ которыми онъ долго мучился дорогою и до сихъ поръ не могъ свободно ходить. Я велѣлъ ему спать бывшіе на немъ длинные татарскіе сапоги, и когда онъ исполнилъ это, то оказалось, что отъ одной ноги концы первыхъ двухъ пальцевъ остались въ сапогѣ, а у другой верхніе суставы большого и двухъ слѣдующихъ пальцевъ, отмороженные три мѣсяца тому назадъ, были совершенно черны и уже помертвѣли. Они должны были въ скоромъ времени также отвалиться и потому оставалось потерпѣть.

Во время путешествія онъ, конечно, едва ли имѣлъ болѣе заботъ о себѣ, чѣмъ о своемъ наемномъ скотѣ и повидимому дѣлилъ съ нимъ всѣ трудности этого пути, оцѣнить которыя вполне можетъ только тотъ, кто испыталъ ихъ самъ. На значительныхъ абсолютныхъ высотахъ, благодаря жестокимъ морозамъ зимой и потокамъ и обваламъ

лѣтомъ, человѣкъ постоянно и пеминуемо подвергается всѣмъ рискамъ и неудобствамъ абсолютной пустыни.

Однако духъ коммерческой предприимчивости такъ силенъ, что изъ-за барышей купцы готовы бороться со всѣми этими препятствіями. Въ послѣдніе годы много говорилось о будущности торговли въ этомъ направленіи и возможности значительнаго ея развитія. Не имѣя претензій высказывать свое мнѣніе, я сообщу однако нѣкоторые извѣстные мнѣ факты относительно этого предмета.

По низверженіи китайскаго правительства, десять лѣтъ тому назадъ, торговля сношенія Кашгара были разомъ отрѣзаны отъ Китая и тогда южныя области Хотана и Ярканда обратились за удовлетвореніемъ своихъ потребностей къ ближайшимъ рынкамъ Кашмира и Пенджаба, а сѣверныя, отъ Кашгара до Турфана, — къ русскимъ рынкамъ. Такимъ образомъ сношенія эти приняли два противоположныя направленія, сохраняющіяся и до настоящаго времени. Стало быть, два южныя города находятся въ рукахъ англійскихъ, а остальные — въ рукахъ русскихъ купцовъ.

Управитель всей территоріи заключилъ коммерческой договоръ съ обоими государствами на одинаково выгодныхъ условіяхъ, и теперь успѣхъ зависитъ во-первыхъ отъ достоинствъ соперничающихъ сторонъ, а во-вторыхъ отъ согласованія товаровъ съ требованіями и вкусомъ народа.

Что касается кашгарскаго правительства, а быть можетъ и мѣстныхъ купцовъ то товары британскихъ торговцевъ, по всей вѣроятности, найдутъ себѣ хорошій сбытъ, ибо бумажныя ткани, кисеи, и т. д. требуются здѣсь въ большомъ количествѣ для войскъ и чиновниковъ, которымъ они раздаются или въ видѣ подарковъ или въ счетъ жалованья.

Но народу болѣе по вкусу товары русскихъ купцовъ, каковы мѣдные подсвѣчники, желѣзные котлы и другія грузныя вещи, а также чай и грубыя бумажныя набивныя ткани оригинальныхъ рисунковъ.

Относительно легкости транзита я могу сказать только то, что если на сѣверѣ онъ таковъ же, какъ на югѣ, то соперники будутъ имѣть для мирной конкуренціи поле, исполненное такими трудностями, какихъ нельзя встрѣтить болѣе нигдѣ.

Получивъ извѣстіе, что дорога черезъ Кабуль была для насъ не удобна и что полк. Гордонъ выступилъ изъ Пенджа въ обратный путь въ Индію, посланникъ 3-го мая также оставилъ Янги Хиссаръ

и направился съ своей партией въ Яркандъ тѣмъ же путемъ, которыми мы шли и прежде. Мы прибыли туда 6-го и, остановившись въ резиденціи въ Янгипарѣ, на слѣдующее утро сдѣлали визитъ дадхваху. Онъ принялъ насъ съ прежнимъ радушіемъ и весьма любезно помогъ намъ приготовиться къ дальнѣйшему пути по Кавіарской дорогѣ, на которой мы вскорѣ нашли разные припасы, заготовленные на различныхъ станціяхъ до Кашмирской границы.

Погода во время нашей стоянки здѣсь была туманная и цѣлые облака паровъ поднимались при каждомъ движеніи воздуха. Температура же, пока мы жили здѣсь, отъ 7 по 17 мая включительно, колебалась между 93 и 40 Ф., а 8-го термометръ показывалъ 135 Ф.

## ГЛАВА XII.

Отъѣздъ изъ Яркандъ.—Кашгарская дорога.—«Бѣлая мечеть».—Дорога вверху по рѣкѣ Тизнафъ.—Горцы пакгу.—Періодическія наводненія.—Проходъ Янги-Давапъ.—Горы переходятъ въ равнины.—Видъ съ «крыши міра».—Трудная часть пусти.—Возвратъ къ цивилизаціи.—Пріемъ въ Лехъ.—Размышленія и сравненія.—Похороны доктора Столички. 306

11-го мая прибылъ изъ Кашгара Ходжа Тора съ подарками отъ эмира королевѣ и вице-королю; отдавъ ихъ посланнику, онъ остался здѣсь на нѣсколько дней—посмотрѣть какъ мы отправимся. Вмѣстѣ пріѣхалъ изъ столицы съ нимъ Ладиславъ Берзенцевъ, венгерскій путешественникъ, который, какъ онъ говорилъ самъ, пріѣхалъ изъ Буда-Пешта изучать исторію мадяровъ тамъ, гдѣ жили ихъ прародители. Онъ пріѣхалъ въ Кашгаръ черезъ нѣсколько дней послѣ нашего отъѣзда оттуда, и теперь, познакомившись съ нами, рассказать намъ весьма много интереснаго изъ своей жизни и путешествій, и между прочимъ о длинномъ путешествіи его сюда черезъ Россію и Сибирь.

Онъ вовсе не одобрялъ обычаевъ, которые онъ нашелъ въ древней родинѣ своихъ предковъ, и сильно жаловался на обхожденіе съ нимъ въ столицѣ. Шестъ недѣль его задержанія тамъ въ качествѣ гостя эмира, казалось, было для него тяжелѣе, чѣмъ шести-мѣсячное пребываніе для нашихъ путешественниковъ Гайварда и Шау, и онъ измѣнилъ свой планъ и отправлялся въ Индію вмѣстѣ съ нами. Посланникъ исполнилъ желаніе одинокаго путешественника и устроилъ дѣло относительно его съ властями, которыя, со свойственною имъ готовностью, снабдивъ иностранца провожатыми и необходимымъ провіантомъ для дороги, благополучно доставили его до границы, гдѣ онъ былъ принятъ какъ гость и препровожденъ въ

Лехъ магараджайскимъ губернаторомъ Ладака и-ромъ Джонсономъ.

17-го мая, получивъ извѣстіе о возвращеніи партіи полк. Гордона въ Саривуль, посланникъ, въ сопровожденіи кап. Чэммена и меня, сдѣлалъ прощальный визитъ дѣдаваху, чтобы поблагодарить за все его вниманіе, и на слѣдующее утро мы отиравались въ путь.

Мы оставили Янгшаръ и, проѣхавъ городъ, выѣхали въ тѣ самыя ворота, въ которыя вѣхали при первомъ нашемъ посѣщеніи. На улицахъ народу было мало, и мы выѣхали тише и незамѣтно, чѣмъ могла бы выѣхать такая партія изъ какого либо индійскаго города.

Виродолженіе часа мы ѣхали по воздѣланной землѣ, восхищавшей насъ свѣжестью и зеленью, и, перейдя въ бродъ капаль Цицхавъ, выше его моста, поддерживавшагося двумя быками изъ бульжника и фашинника, сошли на противоположной сторонѣ съ лошадей около группы деревьевъ, чтобы выпить на разставаньи чашку чаю съ нашимъ другомъ Хаджи Торою. Здѣсь мы попрощались съ нимъ, съ чувствомъ искренняго уваженія къ его талантамъ и благодарности за его дружбу къ намъ и отъ всего сердца пожелали ему благополучія и успѣха.

Далѣе мы проѣхали хутора Арадь и Огунчиликъ, и въ часъ и пять минутъ подъѣхали къ рѣкѣ Яреандъ, которую перешли въ бродъ, при чемъ вода доходила только до стремянъ, а затѣмъ черезъ четверть часа сошли съ лошадей у станиціи Янгичавъ, сдѣлавъ всего двѣнадцать миль.

На слѣдующій день мы доѣхали до Якшинба Базара, отстоявшаго на восемнадцать миль. Дорога туда шла съ ю.-в. на ю.-ю.-в. по воздѣланной луговой мѣстности Йикнеу Арази или «месопотаміи» (между рѣками Заравшаномъ и Тизфаномъ) до Пюсгама, гдѣ мы сошли съ лошадей, чтобы позавтракать подъ тѣнью нѣсколькихъ прекрасныхъ тополей, съ верхнихъ вѣтвей которыхъ раздавался крикъ кукушки и цѣніе золотого дрозда.

Слѣдующая наша стоянка была въ Каргаликѣ черезъ шестнадцать миль пути по подобной же мѣстности. На второй милѣ дорога наша пересѣкала рѣку Тизнафъ. Въ Каргаликѣ мы помѣстились въ томъ же домѣ, который занимали въ прошлый разъ. Дорогою мы въ первый разъ со времени нашего вступленія въ страну увидѣли пасущіяся большія стада овецъ и козъ и небольшіе табуны лошадей.

Изъ Каргалика мы направилсь уже не старымъ путемъ, а взяли правѣе, прямо на югъ, и сдѣлали двадцать миль до Бештарики, что значить «Пять Тополей». Въ пятьдесятъ пять минутъ мы миновали поля и вышли на обширную песчаную и каменистую пустыню, склоняющуюся къ цѣпи песчаныхъ холмовъ, пересѣкавшихъ равнину отъ востока къ западу. Затѣмъ, еще черезъ часъ мы вошли въ проходъ въ этой цѣпи и слѣдовали его лощиной въ пол-мили или въ милю шириною, между крутыми валами изъ наноса и булыжника, вплоть до самаго мѣста стоянки, гдѣ мы расположились подъ тѣнью группы деревь, дающихъ названіе этому мѣсту. Холодный вѣтеръ дулъ намъ паветрѣчу отъ горъ, находившихся съ южной стороны, и впродолженіе всего дня вокругъ насъ поднимались тучи паровъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы остановились, было нѣсколько хижинъ и нѣсколько небольшихъ клочковъ воздѣланной земли, но далѣе кругомъ была песчаная пустыня.

Здѣсь мы съ радостью увидѣли физиономіи двухъ нашихъ старыхъ бготскихъ кули, только что явившихся сюда съ письмомъ къ кап. Чэмпіону отъ г. Джонсона въ Нубрѣ, въ которомъ подробно говорилось о сдѣланныхъ имъ распоряженіяхъ для нашего прохода черезъ Каракорумъ и Сазеръ. Они были весьма полны и, между прочимъ, было собрано для услугъ нашей партіи въ Нубрѣ тысяча пятьсотъ кули.

Слѣдующая наша стоянка была на разстояніи двѣнадцати миль къ югу, въ Иоларикѣ. Въ нѣсколько минутъ мы выѣхали изъ Бештарикской лощины на обширную, выметенную вѣтромъ, каменистую пустыню, пересѣкаемую справа и впереди насъ цѣпью песчаныхъ холмовъ, за которыми и былъ «Дорожный Ручей». Иоларикъ состоитъ приблизительно изъ двадцати скученныхъ вмѣстѣ домовъ и такого же числа фермъ, разбросанныхъ на востокъ по направленію къ Ушакъ Башу, который не видѣнъ отсюда, изъ-за земляныхъ валовъ и хребтовъ. Послѣ полудня все время была сильная буря, не позволявшая видѣть даже окружавшихъ нашъ лагерь фруктовыхъ садовъ и деревьевъ.

На слѣдующій день мы отправились въ Какиаръ, отстоящій отсюда на двѣнадцать миль. Дорога шла на западъ, пересѣкая въ двухъ миляхъ песчаный хребетъ, и затѣмъ по лощинѣ рѣки Какиаръ, текущей въ узкой, извиистой долинѣ въ направленіи съ юга къ сѣверу, между высокими хребтами изъ песку и гравія, до самаго города, служащаго столицей обруга.

Это — пѣтушее поселеніе, приблизительно во сто домовъ, скученныхъ подъ тѣнью нѣсколькихъ большихъ деревьевъ; предмѣстья же его въ видѣ фермъ тянутся внизъ и вверхъ по рѣкѣ на нѣсколько миль. Мы видѣли здѣсь на хлѣбныхъ поляхъ множество желтыхъ подорожниковъ, а въ кустахъ по дорогѣ — синешейхъ малиновокъ.

Вскорѣ по выѣздѣ изъ мѣста стоянки, мы проѣхали на верху хребта священную могилу, полузарытую спучимъ пескомъ. Когда мы приблизились къ ней, то всѣ наши проводники сошли съ лошадей и, читая молитву, провели ихъ мимо священнаго мѣста. Такое благоговѣніе въ этомъ народѣ мы видѣли въ первый разъ. Могила называется Сиччанлукъ Мазаръ, т. е. «Мышиная гробница», и указываетъ то мѣсто, гдѣ, какъ сообщили намъ проводники, умеръ, на пути бѣгства въ Индію, одинъ изъ сыновей Хазратъ Афака Калитъ Бурганъ. По поводу точнаго исполненія своихъ обязанностей у гроба сына великаго святаго, они рассказали одинъ случай, частію въ доказательство святости мѣста, а частію, быть можетъ, и въ укоръ тѣмъ изъ насъ, кто проѣхалъ, не отдавъ должнаго почтенія памяти мученика.

Случай этотъ слѣдующій: жилъ здѣсь (въ Кокиарѣ) нѣкогда одинъ непочтительный бей, который не сходилъ съ лошади около священнаго мѣста, и вотъ разъ, когда онъ проѣзжалъ мимо, летѣвшій надъ его годовой воронъ вдругъ опустился и клюнулъ его лошадь въ глазъ. Животное споткнулось, а за тѣмъ вскочило, отъ боли, надыбы и наконецъ сбросило съ себя бѣя, который, упавъ лицомъ на песокъ, вышибъ себѣ передніе зубы и тутъ же истекъ кровью. Обстоятельство это извѣстно во всей мѣстности, и теперь никто болѣе не смѣетъ проѣхать мимо Сиччанлукъ Мазара, не сойдя съ лошади и не читая молитвы.

На слѣдующее утро, 24-го мая, мы переѣхали границу селеній и въѣхали въ область холмовъ. Дорога здѣсь идетъ большею частью къ югу, поворачивая попеременно то къ юго-востоку, то къ юго-западу. Оставивъ мѣсто стоянки, мы перешли мутную рѣчку Какиаръ съ твердымъ каменистымъ дномъ, и черезъ три мили, проѣхавъ поля въѣхали на песчаную равнину, ограниченную довольно высокими горами. Мы переѣхали ее по направленію къ югу и еще черезъ три мили снова перешли рѣку у монастыря, состоящаго изъ восьми или десяти хижинъ, окруженныхъ маленькими клочками воздѣланной земли и осѣненныхъ большими тополями.

Въ этомъ мѣстѣ поселенія и воздѣланная земля остались позади

насъ; войдя въ область холмовъ, мы направились по длинной, изви-  
листой и узкой лопчинѣ; черезъ двадцать четыре мили отъ Какиара,  
мы остановились на открытой плоскости, надъ высохшимъ водянымъ  
русломъ, идущимъ здѣсь между высокими глинистыми и камени-  
стыми берегами. Это мѣсто стоянки называется Агъ Масджидъ, т. е.  
«бѣлая мечеть»; оно находится у подошвы Тона Давана и повидимому  
не особенно часто посѣщается.

Подъемъ на протяженіи послѣдней половины пути былъ довольно  
значителенъ, но постепененъ. Высота этого мѣста надъ уровнемъ  
моря составляетъ приблизительно 8,500 футовъ. Оно весьма скучно  
и находится между песчаной пустыней и ея заселенными оазисами съ  
одной стороны и горной пустыней съ ея уединенными плоскогорьями  
съ другой. Слѣдующая наша станція была за двѣнадцать миль въ Чих-  
лигѣ. Мы тронулись съ мѣста въ 4 ч. 5 д. п. и въ 5 ч. 35 д. п. достигли  
ребня Тона Давана, т. е. «Землянаго Прохода». Дорога шла то къ  
юго-востоку, то къ юго-западу по суживающейсѣ бороздѣ, а затѣмъ по  
крутому подъему къ вершинѣ прохода. Тропинка была покрыта гу-  
стымъ слоемъ пыли, а склоны горъ состояли изъ сыпучей сухой земли,  
поросшей пучками артемизин и синяго касатника, между которыми  
въ промежуткахъ росъ скудный кустарникъ *astragalus*, жимолость и  
нѣкоторыя мелкія цвѣтушія растенія.

Приблизительно на половинѣ пути, мы видѣли стадо изъ шести  
дикихъ яковъ или *кутисъ* (*Bos gruniens*), пасшихся на верхнемъ  
склонѣ одного холма приблизительно на разстояніи мили влѣво отъ  
насъ. Они казались огромнаго роста и гораздо косматѣе домашнихъ.  
Двое изъ нихъ лежали и походили издали на большіе черные камни,  
такъ какъ всѣ они были темнаго цвѣта; одинъ изъ нихъ особенно  
громадный—вѣроятно быкъ стада—стоялъ и смотрѣлъ на насъ.

Высота прохода составляетъ приблизительно 10,200 футовъ и  
склоны его заселены колоніями сурковъ. Спускъ противоположнаго  
склона идетъ сначала къ юго-западу по крутой извилистой и углуб-  
ленной на нѣсколько дюймовъ въ рыхлую чудную землю тропинкѣ.  
До того мѣста, гдѣ обнаруживается бѣлый мраморъ, и скалы состо-  
ять изъ шифера.

Отсюда дорога становится узка и трудна и загромождена множе-  
ствомъ обломковъ скалъ, а затѣмъ проходитъ чрезъ провалъ, въ  
которомъ есть маленькій ключъ. Въ лужѣ послѣдняго я нашелъ ните-  
видныхъ черныхъ червей въ два или три дюйма длиною.



Дальше дорога становится снова легка и спускается постепенно по расширяющемуся рву къ ложу рѣки Тизнафъ, которой мы достигли въ 7 ч. д. п., и, повернувъ прямо къ югу, вверхъ по ея теченію, въ десять минутъ достигли мѣста стоянки, на берегу подь нависшей скалой зеленаго трапа и въ тѣни рощи тополей и ивъ. Покрытое валунами ложе рѣки занимаетъ здѣсь всю узкую долину, за исключеніемъ этого мѣстечка, заросшаго грубымъ тростникомъ изъ рода, называемаго *чижъ* (откуда происходитъ и названіе мѣста), а отчасти кустарникомъ розъ, тамарисковъ, жимолости и т. д.

Мы нашли здѣсь партію аркандцевъ, присланныхъ дадевахомъ, для охраненія сложенныхъ здѣсь для насъ припасовъ; подобныя же партіи изъ пяти или шести человекъ встрѣчали мы затѣмъ на каждой станціи вплоть до самой границы.

Высота этого мѣста составляетъ, приблизительно, 8,250 футовъ. Погода была перемѣнчива и холодна и впродолженіе двухъ часовъ послѣ полудня шелъ проливной дождь.

Мы выступили лишь на слѣдующее утро въ 7 часовъ, ожидая, чтобы рѣка сколько нибудь спала. Разливы ея въ это время года происходятъ отъ талія снѣговъ и ледниковъ на Торахилскомъ хребтѣ и бывають ежедневно приблизительно около заката солнца. Разливы усиливаются впродолженіи всей ночи до разсвѣта, а затѣмъ понемногу начинаютъ убывать, пока не начнется слѣдующее наводненіе.

Дорога наша вела вверхъ по рѣкѣ къ Ходжа Мазару, отстоящему отсюда на 18 миль. На этомъ протяженіи мы переходили рѣку вбродъ двадцать четыре раза. Вода глубиной была только до подпруги, но текла быстро и переходъ былъ довольно затруднителенъ вслѣдствіе крупныхъ валуновъ. Косогоры по обѣимъ сторонамъ горы и дили и состоятъ изъ высокыхъ гранитныхъ и серпентиновыхъ массъ, тамъ и слѣмъ покрытыхъ холмами изъ сланцеватой глины. Они имѣють крутой скатъ къ рѣкѣ, вдоль теченія которой то съ той, то съ другой стороны идутъ маленькія площадки, покрытыя болѣе или менѣе густымъ кустарникомъ мириварій, тамарисковъ, розъ, ивъ и т. д. и разными грубыми травами.

Миля черезъ три отъ мѣста стоянки, мы перешли быстрый, шумный текущій съ западныхъ холмовъ потокъ, въ долину котораго, какъ намъ говорили, есть мѣдный рудникъ, разработывавшійся во времена китайцевъ. На пути къ этому потоку, называемому Кугда

Су, мы дѣйствительно видѣли около дороги много оставленныхъ и развалившихся плавильныхъ печей.

Мѣсто стоянки, называемое Мозаръ Ходжа, находится на отлогомъ берегу, надъ которымъ господствуетъ голый холмъ, а у подошвы послѣдняго стоитъ одинокая гробница въ память умалишеннаго ходжи, погибшаго здѣсь, никто не могъ сказать намъ, когда, какъ и отчего. Имя его, какъ сообщилъ намъ нашъ проводникъ, было Султаныъ Шекхъ Хизамуддинъ, прозванный Давана, что значитъ «умалишенный». Онъ умеръ во время экспедиціи противъ невѣрныхъ для распространенія между ними ислама, а именно вверхъ по Сугатлинь Джингѣ. На слѣдующій день мы прошли шесть миль до Дубы, гдѣ пробыли день, именно 28 мал. Мы перешли рѣку и направились вверхъ по ея правому берегу прямо на югъ, затѣмъ, перейдя притокъ ея съ востока, расположились лагеремъ на луговой площадкѣ въ углу слиянія рѣкъ, гдѣ берега ихъ окаймлены ивами. Высота этого мѣста составляетъ приблизительно 10,000 футовъ.

Рѣка, текущая съ востока, называется Сугатъ Джилга, а текущая съ юга — Тарахиль Джилга. Когда мы прибыли сюда, вѣкорѣ послѣ 8 часовъ утра, рѣки быстро убывали, и передъ началомъ слѣдующаго наводненія ихъ можно было перейти, незамочивъ ногъ, перескакивая съ камня на камень. Въ 4 же часа по полудни вода ринулась съ шумомъ и ревомъ и черезъ нѣсколько минутъ мутный, быстрый потокъ наполнилъ собою все русло отъ берега до берега. Стучилось, что нѣкоторые изъ членовъ нашей партіи были въ это время на противоположномъ берегу и потому принуждены были заночевать тамъ вокругъ разложеннаго огня, довольствуясь тѣмъ ужинаемъ, какой мы могли перебросить имъ черезъ рѣку при помощи камней.

Дуба — любимое пастбище мѣстныхъ жителей, называющихся пахпу или папу. Это высокое и чрезвычайно красивое племя съ чистоярианской физіономіей, судя по немногимъ мужчинамъ, видѣннымъ нами около стоянки. Они были весьма бѣдно одѣты и носили при себѣ фитильныя ружья. Это были первые вооруженные, хотя и не служащіе правительству люди, встрѣченные нами въ этой странѣ; впрочемъ вообще видъ ихъ былъ весьма скромный и погорный. Они весьма неохотно говорили о себѣ, и при приближеніи нашей партіи увели свой скотъ и семьи съ нашего пути и слѣдовательно мы видѣли ихъ очень мало. Они говорили съ нашими людьми по-турецки,

но я слышала, какъ двое изъ нихъ говорили между собою на совершенно особомъ языкѣ. Во времена китайцевъ здѣсь кочевало до пятидесяти семействъ, но теперь число ихъ уменьшилось до пятнадцати или двадцати.

Пахпу — наследственные враги своихъ западныхъ сосѣдей, кунджузовъ, которые въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій постоянно дѣлали на нихъ набѣги и продавали плѣнниковъ въ рабство въ Воханъ и Бадакшанъ. Впрочемъ, съ установленіемъ правленія эмира, они пользуются въ этомъ отношеніи спокойствіемъ.

Профессуально они мусульмане секты шитовъ, подобно воханцамъ и бадакшанцамъ, но брѣютъ головы, какъ и обитатели равнины. Они живутъ разведеніемъ скота и воздѣлываніемъ маленькхъ хлѣбныхъ полей въ нижнихъ долинахъ. Кунджузовъ они называютъ невѣрными и въ то же время описываютъ какъ весьма сильный и красивый народъ, носящій длинныя локоны и говорящій на языкѣ, непонятномъ для вакханцевъ, а не для нихъ. Кунджуды живутъ, какъ говорятъ, въ четырнадцати дняхъ пути къ западу отъ пахпу, по ту сторону одного рукава рѣки Аркандъ, текущаго по долинѣ въ югозападу отъ Тарахильскаго ледника.

Изъ Дубы мы отправились въ Гурунджъ Калди, отстоящій на десять миль. Дорога шла къ юговостоку вверхъ по рѣкѣ Тизнафъ, которую намъ пришлось перейти въ самомъ началѣ пути и затѣмъ еще три раза, да кромѣ того перешли еще два ея западные притока. Ложе рѣки загромождено большими гранитными валунами, отчего переходить ее въ бродъ было затруднительно. Зимой ходить по льду, что гораздо удобнѣе.

Въ Гурунджъ Калди, что значить «Рисъ оставленъ позади», (въ память мѣстнаго преданія, по которому одна партія кунцовъ, обращенная въ бѣгство внезапнымъ наводненіемъ рѣки, принуждена была оставить варившійся для ужина рисъ), мы расположились лагеремъ на дернистомъ склонѣ съ нѣсколькими сурковыми норами и нѣсколькими топкими источниками. Высота этого мѣста составляетъ приблизительно 11,900 футовъ. По дорогѣ сюда растительность была вообще скудна, даже на берегу рѣки.

Слѣдующая наша стоянка была въ Чирахъ Салди, «Задутая лампа», названномъ такъ вслѣдствіе мѣстныхъ вѣтровъ и отстоявшемъ отъ предыдущей стоянки на четырнадцать миль. Дорога шла къ юговостоку вверхъ по рѣкѣ, текущей здѣсь по широкому камени-

стому руслу. Черезъ четыре мили рѣка раздваивается; одна изъ рѣкъ течетъ съ югозапада, другая съ юговостока, съ водораздѣла Тограсу, данника Каракаша, который мы переходили здѣсь въ первый разъ.

Миль черезъ десять мы миновали Киргизъ Тамъ, разрушившійся аванпостъ, построенный здѣсь нѣкогда для защиты дороги отъ бундудскихъ разбойниковъ. Въ этомъ мѣстѣ рѣка огибаетъ одинъ отрогъ, черезъ который впрочемъ есть тропинка, если русломъ пройти нельзя, и поворачиваетъ направо, послѣ чего русло расширилось еще болѣе и было покрыто пеленою изъ твердаго снѣга, подъ которою рѣка раздѣлялась на четыре или на пять потоковъ.

Дорога наша шла по краю этого снѣга и въ точкѣ соединенія двухъ рукавовъ рѣки мы достигли мѣста стоянки. Южный рукавъ течетъ съ Янги Давана, а югозападный изъ Торахильскаго ледника. Высота мѣста приблизительно 14,200 футовъ. Мы расположились здѣсь лагеремъ на покрытой глыбами площадкѣ среди тонкихъ порослей тамарисковъ.

Слѣдующая наша стоянка была за двѣнадцать миль въ Буланѣ Улди «Дикая лошадь пала». Дорога шла по извилистой и узкой рытвинѣ вверхъ къ Янги Давану или «Новому Проходу». У подошвы подъема, который крутъ, глинистъ и покрытъ валунами, но не длинень и не трудень, есть боковая рытвина, ведущая на снѣжный хребетъ, находящійся съ западной стороны. По обѣимъ сторонамъ прохода мы видѣли много снѣжныхъ золотыхъ подорожниковъ и розовыхъ яблнковъ, искавшихъ себѣ на тропинкѣ какой нибудь пищи. Мы достигли гребня прохода черезъ четверть часа послѣ того, какъ вышли изъ мѣста стоянки. Высота его приблизительно равняется 15,800 футамъ, и съ вершины его открывается широкій видъ на сѣверозападъ, гдѣ взору представляется нѣсколько высокихъ снѣжныхъ массъ. Въ другихъ же направленіяхъ даль заслоняютъ высокіе сосѣдніе хребты. Спускъ на протяженіи первыхъ трехъ или даже менѣе миль легокъ и идетъ по землистому и каменистому рву; но затѣмъ онъ вдругъ соскальзываетъ въ глубокое узкое ущелье, которое, какъ оказалось, зацѣто небольшимъ таявшимъ ледникомъ. Чрезвычайно крутая и скользкая тропинка шла то по льду, то по узкому выступу скалы, по которому едва могла ступать лошадь, то черезъ маленькія рѣчки, текшія по бороздамъ на поверхности таяшаго льда. Тамъ и сямъ на льду были большія задерживавшія насъ на пути трещины. Мѣстами разстояніе между боковыми скалами

было футовъ въ двадцать. Вверху скалы эти громоздились крутыми утесами, тѣнь которыхъ дѣлала проходъ чрезвычайно мрачнымъ. На льду мы нашли пять недавно павшихъ лошадей, у одной изъ которыхъ были вырѣзаны на крестцѣ куски мяса, и миновали шесть или семь живыхъ, которые стояли на маленькихъ выступахъ подъ скалами и не могли двинуться ни назадъ, ни впередъ. Несчастныя созданія, очевидно, были предоставлены смерти, такъ какъ съ нихъ снята была вся збруя и видъ ихъ былъ совершенно отошадый. На этихъ лошадяхъ былъ привезенъ провiантъ для нашего лагеря.

За этой массой льда, которая, какъ намъ говорили, должна была исчезнуть совершенно въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, хотя теперь она наполняла собою ущелье на протяженіи почти двухъ миль, мы вышли въ плоское, покрытое булыжникомъ русло съ легкимъ склономъ и перпендикулярными берегами изъ конгломерата. Мы направились по немъ и, пройдя нѣсколько миль, вышли въ долину рѣки Яркандъ, перешли послѣднюю, затѣмъ, повернувъ къ востоку, направились вверхъ по ея теченію и черезъ милю остановились лагеремъ въ тамарисковыхъ заросляхъ.

Здѣсь ложе рѣки кажется совершенно ровнымъ и имѣетъ въ ширину до полумили, а низкіе берега его поднимаются постепенно съ обѣихъ сторонъ вплоть до холмовъ. Высота мѣста здѣсь равна приблизительно 12,650 футамъ.

На слѣдующій день, 1-го іюня, мы прошли вверхъ по рѣкѣ до Букъ Атъ Ахзи («Ротъ синей лошади»), т. е. пятнадцать миль. Тамъ и сямъ намъ приходилось пересѣкать большія поля твердаго снѣга и обширныя поросли тамарисковъ, мирикарій, а также нѣсколько разъ переходить рѣку вбродъ.

Горы по обѣимъ сторонамъ состоятъ изъ шифера и сланца, достигаютъ значительной высоты и совершенно голы. Приблизительно на половинѣ пути мы перешли югозападный притокъ рѣки и вверхъ по его теченію видѣли ледникъ. Далѣе, съ противоположной стороны рѣки мы перешли сухое русло, наполненное гравитными валунами, принесенными повидимому съ высокой, увѣнчанной ледникомъ, горы на сѣверовостокѣ. Подъемъ на этомъ пути весьма постепенный и даже едва замѣтный. Высота мѣста стоянки была, приблизительно, 12,870 футовъ. Здѣсь мы нашли остовъ дикой, только что павшей лошади, которую и ѣли дикіе звѣри. Послѣ полудня въ нашемъ ла-

геръ произвела нѣкоторое смятеніе проскакавшая мимо живая дикая лошадь.

Погода была пасмурная и вѣтренная съ дождемъ при закатѣ солнца и снѣгомъ вирожденіе ночи. Наши слѣдующія двѣ станціи были въ Кашмирѣ Джингѣ черезъ двадцать шесть миль и Капалангѣ черезъ двѣнадцать миль вверхъ по теченію рѣки. Черезъ двѣ мили отъ Кузъ Атъ Ахзи мы проѣхали мимо развалинъ одного аванпостнаго форта при устьѣ долины, ведущей черезъ болѣе восточный гребень къ Шахидулу, отстоящему отсюда на два дня пути. За этимъ фортомъ мы повернули къ югу и, пройдя длинной полосой тамарисковаго кустарника и травъ, вошли въ ложе рѣки, называемое Киргизъ Джангалъ и служащее любимымъ лѣтнимъ убѣжищемъ этихъ кочевниковъ. Въ Кашмирѣ Джингѣ прошла надъ лагеремъ буря съ громомъ и градомъ.

Въ Капалангѣ мы расположились лагеремъ въ углу соединенія двухъ рѣкъ, среди порослей простиравшихся на нѣсколько миль въ обѣ стороны долины. Здѣсь на слѣдующій день, т. е. 4-го іюня, мы простились съ нашими яркандскими товарищами, юзбачи Ташъ Ходжей Беемъ и Коклярскимъ съ ихъ маленькою свитою. Ихъ услуги были для насъ какъ нельзя болѣе полезны, и мы въ знакъ признательности за это подарили имъ кое-что на память, а также просили ихъ благодарить дадываха за столь обильно заготовленные для насъ припасы, послѣ чего они отправились въ обратный путь, чтобы оказать такія же услуги партіи полковника Гордона, шедшей тѣмъ же путемъ. Мы не двинулись снова вверхъ по рѣкѣ, стекающей съ водораздѣла Каракорума. Въ Ахтагѣ за двадцать миль, мы вышли на нашу прежнюю дорогу и встрѣтили своихъ старыхъ друзей бготовъ, привѣтствіе которыхъ «Джо! Джо!» мы приняли съ тѣмъ чувствомъ удовольствія, которое вызывается возвращеніемъ къ испытаннымъ друзьямъ. Съ ними было множество припасовъ для насъ и около ста пони. Миль черезъ пять отъ мѣста стоянки, на протяженіи которыхъ мы перешли рѣку раза три, ложе ея оказалось наполнено твердымъ снѣгомъ, продолжавшимся на всемъ остальномъ пути и оканчивавшимся всего за нѣсколько сотъ ярдовъ отъ Ахтага.

Изъ Ахтага мы направились къ Брангтсѣ, у подножія подъема къ Караворумскому проходу, перейдя который мы на слѣдующій день расположились лагеремъ въ Даудатъ Бей Ульди. Въ проходѣ было много тающаго снѣга, водою котораго была пропитана почва по

объимъ сторонамъ его. Около утоптаной тропинки, а мѣстами и на самой тропинкѣ скотъ нашъ проваливался въ грязь по колѣно и вообще на всемъ пути шель съ трудомъ, ибо смѣсь булыжника съ глиной была такъ же мягка, какъ только что вспаханное поле послѣ дождя, но только еще глубже.

Выступивъ изъ Даулатъ Бей Ульди, оставили въ правой сторонѣ непроходимую въ это время, вслѣдствіе наводненія, Кумдапскую дорогу и направились къ югу чрезъ Дапсангское плоскогорье къ стоянкѣ Буртси, отстоящей отъ Даулатъ Бей Ульди на 26 миль.

Плоскогорье поднималось передъ нами обширной выпуклостью и мы достигли его, перейдя длинный косогоръ и болотистый оврагъ мили черезъ полторы по выходѣ изъ лагеря. Оврагъ этотъ несетъ воду съ восточной части Даулатъ Бейскаго плоскогорья въ рѣку, образуемую ручьями, стекающими съ высотъ западной его части у Каракорумскаго прохода. Пройдя проходъ, мы расположились лагеремъ на одномъ изъ этихъ ручьевъ, соединяющемся съ Шайокомъ при Гяптанѣ. Перейдя оврагъ, мы пошли вверхъ по стекающей въ него замерзшей рѣкѣ и, взобравшись на Дапсангское плоскогорье, оказались дѣйствительно на «крышѣ міра». Кругомъ были хребты горъ, изъ которыхъ ни одного не было ниже двадцати тысячъ футовъ, на западѣ же два пика были гораздо выше, хотя издали они казались ниже насъ, такъ какъ вся земля образовывала склоны во всѣ стороны. Куда мы ни смотрѣли, небо оказывалось подъ нами и весь міръ, уходя постепенно вгизъ, терялся наконецъ изъ виду. Намъ казалось, что мы были подняты надъ вселенной и теперь спускались въ ней. Оставленный позади Каракорумъ представлялся простымъ возвышеніемъ на волнистой поверхности этой мѣстности, горныя же цѣпи впереди насъ и по сторонамъ, казалось, напрягали свои силы, чтобы стать на одномъ уровнѣ съ нами.

Это было необыкновенное зрѣлище, которое не могло легко изгладиться въ памяти, такъ какъ было запечатлѣно воспоминаніями чрезвычайной пустынности, безмолвія и суровости негостеприимнаго воздуха.

При переходѣ этого самаго плоскогорья, высота котораго надъ моремъ составляетъ 17,500 футовъ, достойный товарищъ, д-ръ Столичка, почувствовалъ то разстройство жизненныхъ отправленій, которое окончилось его смертью въ Мурчи, двумя станціями далѣе.

Плоскогорье Дапсангъ имѣетъ около восьми миль въ поперечникѣ

съ сѣвера къ югу, и представляетъ волнистую поверхность, губчатая почва которой состоитъ изъ пропитанной солью смѣси глины и гравія. Когда мы переходили его, на немъ оставалось уже весьма малу снѣгу, а тропинка была усыяна костями и скелетами навшихъ животныхъ, хотя впрочемъ не въ большой мѣрѣ, чѣмъ во многихъ другихъ мѣстахъ. Когда мы поднимались къ плоскогорью, намъ перешла дорогу антилопа, а на самомъ плоскогорьѣ мы видѣли нѣсколько маленькихъ стаѣ сибирскаго тетерева (*syrrhaptēs*), которыхъ я убилъ нѣсколько штукъ наканунѣ при переходѣ черезъ Каракорумъ.

Спускъ съ плоскогорья идетъ по крутому рву въ глубокую, извилистую пропасть съ нависшими высокими утесами красной глины и конгломерата. Проходъ въ ней очень крутъ и узокъ и идетъ черезъ мутный потокъ, наполняющій русло такой же красной водой, какъ и почва, по которой онъ протекаетъ. Черезъ шесть минутъ мы вышли изъ этого ущелья и, слѣдуя его потоку, вошли въ расширяющееся русло рѣки, которое открывается въ другое, еще болѣе широкое, русло, идущее съ сѣверозапада. Мы вошли въ него около стоянки, называемой Кизиль Ланчаръ, миляхъ въ шести отъ плоскогорья.

Горы здѣсь по обѣимъ сторонамъ весьма высоки и представляютъ длинные склоны изъ нагроможденныхъ обломковъ, которые иногда приводятся въ движеніе каменными обвалами сверху. Въ Куиль Ланчаръ русло рѣки было усыяно большими, не давно скатившимися съ вершинъ камнями, которыхъ до-время нашего перехода не упало, къ счастью, ни одного.

Затѣмъ мы направились къ юговостоку, внизъ по теченію широко разлившейся рѣки, которую мы нѣсколько разъ переходили по покрытому глыбами дну, и миль черезъ десять расположились лагеремъ въ Буртси на выступѣ надъ рѣчнымъ берегомъ. Высота этого мѣста равна приблизительно 15,660 футамъ. При спускѣ одинъ изъ нашихъ кули, переходя рѣку ниже Кизиль Ланчара, оступился и былъ тотчасъ же унесенъ потокомъ.

На слѣдующій день мы дошли до Мурчи, т. е. прошли двѣнадцать миль. За этимъ мѣстомъ, противъ увѣичанной ледникомъ горы, дорога круто поворачиваетъ съ юга къ югозападу, а затѣмъ къ западу, слѣдуя весьма по дикимъ извилистымъ ущельямъ. Путь здѣсь труденъ; нѣсколько разъ приходится переходить рѣку, обходя быстрины и скалы по крутымъ тропинкамъ, непогимъ болѣе удобнымъ, чѣмъ тропинки, протоптанныя козами, на покрытыхъ обломками



склонахъ выступовъ по обѣимъ сторонамъ стремящагося внизъ потока.

Горы состоятъ изъ кварцеваго известняка, какъ и Кумбанскія, и представляютъ на верхнихъ склонахъ много пещеръ; прометутки же между ихъ отрогами заняты маленькими ледниками. На протяженіи послѣднихъ пяти или шести миль пути рѣка представляла уже пѣнящійся потокъ, съ шумомъ разбивающійся о скалы, которыми наполненъ темный, глубокій и узкій проходъ. Переходъ возможенъ только въ одномъ или въ двухъ мѣстахъ, но и то затруднителенъ въ это время года вслѣдствіе половодья, а зимой—вслѣдствіе снѣговъ.

Въ Пурчи, высота котораго надъ уровнемъ моря составляетъ приблизительно 14,800 футовъ, рѣка принимаетъ съ запада другое русло (въ которомъ мы расположились лагеремъ), какъ-разъ около того мѣста, гдѣ она проходитъ черезъ глубокое горное ущелье. Дорога здѣсь идетъ черезъ высокую террасообразную площадку, которая вдается въ уголь соединенія рѣкъ, и на которой есть остатки одного, нѣкогда весьма крѣпкаго, бруствера, который тянется и вверхъ, и внизъ, и поперегъ склона, оканчиваясь на краю утеса, обрывающагося прямо къ рѣкѣ. Этотъ брустверь, подобно тута-алакскому, былъ построенъ лѣтъ четыреста тому назадъ Ботъ *Каиномъ*, т. е. «губернаторомъ» Нубры, называвшагося Суттимомъ, чтобы помѣшать Мирзѣ Абабавру въ его попыткахъ напасть на Тибетъ. Но они были разрушены лѣтъ пятьдесятъ спустя преемникомъ Абабавра, султаномъ Саидомъ.

Погода въ Мурчи была пасмурная и холодная и на слѣдующій день, 9-го іюня, когда мы отправились въ Схеръ Врангтса, отстоящій отсюда на десять миль, шелъ сильный снѣгъ, который задержалъ насъ тамъ на цѣлый день. Но вслѣдствіи оказалось, что погода эта была весьма благоприятна, ибо, оставляя въ сторонѣ неудобства и трудности, сопряженныя съ нею, она дѣлала проходъ вверхъ болѣе безопаснымъ, чѣмъ онъ бываетъ при пріятномъ и сильно дѣйствующемъ на ледники солнечномъ свѣтѣ.

Дорога наша вела вверхъ по руслу къ западу, и черезъ двѣ мили мы миновали мѣсто стоянки, называемое Чопгташъ, т. е. «Большой Камень», и представляющее лужайку вокругъ большой каменной глыбы, лежащей въ сѣдлообразномъ водораздѣлѣ прохода. Черезъ пять миль далѣе мы спустились по крутому берегу въ глубокое, на-

полненное снѣгомъ, русло и, перейдя его по такому же крутому подъему, выбрались на тропинку на противоположной сторонѣ, затѣмъ, повернувъ къ югу, пошли внизъ по направленію этого русла до соединенія его съ рѣкою Шайокомъ, приблизительно на милю ниже Брантсайскаго брода.

Здѣсь мы были встрѣчены мистеромъ Джонсономъ, у котораго было приготовлено нѣсколько лодокъ для переправы нашей черезъ рѣку въ случаѣ половодья и который ждалъ нашего прибытія съ небольшимъ отрядомъ ботскакъ кули и нѣкоторымъ числомъ яковъ и лошадей для переправы черезъ Сахеръ. Между прочими выраженіями привѣта, доказывавшими, что мы возвращаемся на британскую территорію, были запасы шампанскаго, хереса и другихъ напитковъ, жестянки съ разными европейскими деликатесами и пр., присланныя любезнымъ и предусмотрительнымъ магараджей, чтобы поддержать насъ послѣ трудностей пути черезъ проходы.

Мы нашли, что вслѣдствіе начавшейся холодной погоды вода въ рѣкѣ убывла и потому мы перешли ее сравнительно легко, хотя одинъ несчастный кули былъ снесенъ водою и утонулъ подобно своему товарищу, погибшему близъ Буртси.

Далѣе мы пошли нашимъ прежнимъ путемъ черезъ Сахерскій проходъ и Тутіалакъ къ заселенной долинѣ Нубра. Мы вошли въ нее около Чанглунга, свѣжая весенняя зелень котораго и поясъ несквозь и скалы дѣлали его похожимъ на вдѣланный въ серебро изумрудъ. Ледники Сахера мы прошли въ снѣжную мятель и потому не могли видѣть снова той величественной картины, которая оставила по себѣ столь живыя воспоминанія. вмѣсто же шумныхъ потоковъ и разрушительныхъ лавинъ мы испытали лишь снѣжныя вьюги и холодные вѣтры.

Въ Чанглунгѣ, увидавъ передъ собою населенный міръ, мы отогнали отъ себя воспоминанія о пустынныхъ плоскогорьяхъ съ ихъ суровостью, и въ прекрасныхъ долинахъ Нубры и Шайока снова почувствовали себя среди друзей, находя свободу и откровенность вмѣсто того, что было остановлено нами позади. Изъ Чанглунга мы направились черезъ станціи Панамикъ и Тагаръ въ Сатти, по счастливой и плодородной долинѣ во всемъ блескъ ея весенней зелени. Въ Сатти мы уклонились отъ прежняго пути и, продолжая идти вверхъ по теченію Шайока, черезъ двѣнадцать миль свернули съ его русла вправо, и, поднявшись по окраинѣ высокой горы, черезъ

семь слѣдующихъ миль расположились лагеремъ въ Дитгарѣ, незначительной деревушкѣ, стоящей на высокой горной террасѣ, посреди которой течетъ живой и свѣтлый горный потокъ. Высота этой террасы составляетъ приблизительно 12,900 футовъ. Перемена мѣста сильно повліяла на нѣкоторыхъ членовъ нашей партіи, вызвавъ у нѣкоторыхъ симптомы сильнаго изнеможенія. Это чрезвычайно дикое мѣсто окружено съ трехъ сторонъ высокими горами, а четвертою стороною обращено къ низкимъ отрогамъ, скрывающимъ собою Шайокскую долину.

Скотъ нашъ также хворалъ здѣсь, и три штуки пали, оттого что поѣли дикихъ, растущихъ около дороги, травъ, между которыми я замѣтилъ особенно много *hyosciamus*.

Въ этомъ мѣстѣ, близъ деревни есть гигантская фигура Чамбы, подобная той, которую мы видѣли по дорогѣ изъ Шарголы въ Карбо. Она изваяна съ восточной стороны огромной одинокой гранитной глыбы, а передъ нею находятся развалившіяся стѣны хижины, построенной, очевидно, чтобы скрыть изваяніе отъ глазъ всеразрушающаго непріятеля.

На слѣдующій день, 17-го іюня, мы отправились въ Лехъ, отстоящій отсюда на двадцать четыре мили. Мы вышли изъ деревни тропинкой, извивающейся по ровной пустынѣ, усѣянной всюду крупными гранитными валунами, и пришли къ болотистому мѣсту среди высокихъ, голыхъ, скалистыхъ горъ. Перейдя это болото, между торфяными топями и гранитными массами, черезъ шесть миль, мы прибыли къ нѣсколькимъ хижинамъ, расположеннымъ у нижняго конца длинной поднимавшейся къ проходу рывины. Земля была покрыта весьма опаснымъ для скота снѣгомъ, такъ какъ по сторонамъ тропинки подъ его мягкой ценою скрывались острые камни. Еще черезъ шесть миль, мы достигли прохода въ 17,600 футовъ высоты, гдѣ сошли съ лошадей и уже цѣшкомъ спустились по весьма крутой, извилистой тропикѣ къ нѣсколькимъ хижинамъ на противоположной сторонѣ. Затѣмъ спустились по долинѣ къ деревнѣ Саббу, а потомъ, повернувъ по песчаному склону къ западу, прошли чрезъ ущелье гранитнаго хребта въ бассейнъ Леха. Здѣсь дорога поворачивала къ сѣверу и поднималась вверхъ по склону къ городу.

На третьей или четвертой милѣ пути мы были встрѣчены капитаномъ Моллой, британскимъ союзнымъ комиссаромъ въ Лехѣ, и нѣсколькими мѣстными купцами. Ихъ привѣтствія были первыми

признаками цивилизаціи, свободы и порядка, къ которымъ мы возвращались. Мы прошли черезъ маленькій городъ къ находившейся за нимъ резиденціи, гдѣ мы должны были расположиться для отдыха.

Когда мы выѣхали на базаръ, посланникъ былъ встрѣченъ военной стражей изъ форта, съ лѣвой стороны раздался салютъ пятнадцати ружей. Крыши и балконы вдоль нашего пути были полны татарскими жителями, привѣтствовавшими насъ обычными криками «Джо! Джо!» со свойственнымъ добродушіемъ.

Мы чувствовали, что всѣ трудности были теперь позади насъ и что мы опять вернулись къ безопасности, свободѣ и справедливости. Но никто не былъ такъ радъ этому возвращенію, какъ наши индійскіе спутники, оказавшіеся снова на порогѣ своихъ родныхъ жилищъ и съ радостію сознававшіе, что они не находятся подъ властію деспота.

Я же лично, съ приближеніемъ конца нашего путешествія, смотрѣлъ на переѣзду съ совершенно другой точки зрѣнія. Я мысленно пробѣгалъ страны, находившіяся внѣ предѣловъ нашихъ индійскихъ владѣній съ этой стороны, а также страны съ западной ихъ стороны, и, сопоставляя ихъ прошлую исторію и теперешнее положеніе съ послѣдовательнымъ ходомъ событій, весьма скоро вывелъ указанія относительно будущаго. Мнѣ было суждено совершить путешествіе по странамъ по ту сторону западной границы нашего Индійскаго государства, а теперь я видѣлъ нѣсколько странъ лежащихъ къ сѣверу отъ него, наконецъ, хотя въ очень ограниченной мѣрѣ, я знакомъ и съ областями лежащими на сѣверозападѣ, такъ какъ пользовался такимъ положеніемъ на сѣверозападной границѣ, которое представляло всего менѣе затрудненій для изученія мѣстности. Такимъ образомъ, основываясь на личномъ наблюденіи и на многолѣтнемъ вниманіи къ предмету, я весьма легко понимаю, почему всѣ вторженія въ Индію были съ запада, откуда бы ни шелъ завоеватель. Я убѣжденъ, что если бы страны по ту сторону нашей западной границы были подобны тѣмъ, которыя находятся съ сѣвера, то исторіи никогда не приходилось бы упоминать ни объ одномъ изъ тѣхъ нашествій, которыя со времени Александра до времени Надира составляютъ великія эпохи въ различныхъ хроникахъ Индіи. Кромѣ того, я убѣжденъ также, что если бы географическое положеніе было обратное, т. е. если бы западная граница была тако-

ва какъ сѣверная, и наоборотъ, то всё вторженія слѣдовали бы сѣвернымъ путемъ, а не западнымъ.

Мусульмане въ Индіи группируются въ три большіе этнические отдѣла: арабовъ, патавъ, моголовъ и сейковъ. Подъ послѣдними разумѣются всё обращенныя въ исламъ мѣстныя племена, а подъ первыми—различныя побѣдители Индіи. Они могутъ быть сравнены съ норманами, датчанами и саксами нашей собственной исторіи, между тѣмъ какъ галловъ изображаютъ сейки. Не смотря на то, что они живутъ совершенно въ разныхъ мѣстахъ, всё эти народы-побѣдители вошли въ Индію однимъ и тѣмъ же путемъ. Дѣйствительно, всё вторженія въ Индію, которыя намъ извѣстны, до временъ Надира, слѣдовали однимъ и тѣмъ же путемъ черезъ Кабульскіе проходы, и были успѣшны благодаря содѣйствію горцевъ, которые всегда становились на сторону нападающихъ, которымъ страна ихъ была совершенно открыта. Сопротивленіе для нихъ было невозможно, союзничество же съ нападающими обѣщало блистательные успѣхи на обширныхъ поляхъ богатыхъ индійскихъ владѣній. Ничто подобное, какъ доказала исторія, невозможно на сѣверной границѣ, потому что тамъ условія совершенно обратныя. Земли горцевъ здѣсь открыты нападеніямъ съ юга, съ сѣвера же защищены естественными барьерами.

Доказательствомъ дѣйствительности этихъ барьеровъ служитъ уже тотъ фактъ, что путемъ этимъ пренебрегали даже для торговли или ближайшихъ сообщеній съ родной страной во время цвѣтущаго періода Моголской Имперіи въ Индіи.

Даже авганцы, эти смѣлые и предприимчивые кушцы-воины, которые втеченіи нѣсколькихъ столѣтій сряду снабжали рынки Центральной Азіи товарами южныхъ странъ, предпочитаютъ трудности проходовъ Сулиманскаго и Гинду-Куша съ ихъ разбойничьими шайками, хищническими племенами и безконечнымъ лихоимствомъ шаекъ сборщиковъ пошлины, болѣе ужаснымъ естественнымъ препятствіямъ на грозящихъ смертью высотахъ и пустынныхъ плоскогорьяхъ Тибетскихъ горъ. Окажу болѣе—даже самыя щедрія траты и всякое покровительство со стороны верховнаго правительства не дали результатовъ, соразмѣрныхъ съ употребленными средствами для возвышенія торговли въ этомъ направленіи. Я не сомнѣваюсь, что если бы взвѣсить сумму всѣхъ тратъ на ярмарки, торговья комиссіонерства, миссіи и пр. втеченіе послѣднихъ десяти лѣтъ и барышъ

отъ всей торговли черезъ тибетскіе проходы за то же самое время, то взаимное отношеніе царь подтвердило бы неудобство этого горнаго пути.

Вопросъ этотъ имѣетъ весьма большое значеніе для насъ въ Индіи, къ югу отъ этихъ великихъ преградъ, благодаря связаннымъ съ нимъ матеріальнымъ интересамъ, въ особенности при видѣ постоянно разрастающагося господства Россіи на обширномъ пространствѣ къ сѣверу отъ этихъ преградъ. Успѣхи Россіи въ степяхъ, лежащихъ къ сѣверу отъ горъ, служатъ какъ бы повтореніемъ нашихъ успѣховъ не въ особенно давнее время на полуостровѣ къ югу отъ нихъ.

Сила, бывшая нашимъ правомъ — мы не должны забывать этого — относительно аріанскихъ народовъ на югѣ является точно такимъ же правомъ у Россіи относительно татарскихъ народовъ на сѣверѣ. Она, въ свою очередь, приносить родственнымъ племенамъ благо цивилизаціи въ замѣнъ ужасовъ варварства и, подобно намъ, имѣетъ цѣлью благосостояніе, спокойствіе и свободу своихъ подданныхъ согласно со своими установленными формами правленія.

Единственная разница состоитъ въ томъ, что Британія на югѣ уже совершила свои побѣды и достигла полной силы вслѣдствіе долгаго господства, между тѣмъ какъ Россія на сѣверѣ еще растетъ и не вполне созрѣла.

Подобно тому, какъ Сетледжъ и Индъ не могли послужить намъ границей на равнинахъ Индіи, такъ точно нельзя рассчитывать чтобы большія рѣки татарскихъ степей послужили границей для Россіи на равнинахъ Центральной Азіи. Какъ мы на югѣ должны были двигаться впередъ до горъ и имѣть верховное вліяніе на низшей по сию сторону великаго водо-раздѣла материка Азіи, этого великаго рубежа между ея сѣверными и южными странами и націями, такъ точно и русскихъ должна двигать та же сила, пока они не займутъ подобнаго же положенія съ сѣверной стороны.

Многое можно было бы еще сказать относительно этого чрезвычайно интереснаго и важнаго предмета, но изученіе его не входитъ въ программу моего сочиненія, и потому я удовлетворюсь тѣмъ немногимъ, что было здѣсь сказано, напомнивъ только читателю, что предзнаменовываемое сближеніе границъ двухъ великихъ христіанскихъ державъ въ Азіи не должно считать отдаленнымъ, если только движеніе Россіи по направленію къ сказанной границѣ не будетъ

остановлено чѣмъ нибудь непредвидѣннымъ, какъ это ни невѣроятно. Что же касается насъ, то мы должны надлежащимъ образомъ цѣнить свое собственное положеніе у этой соединительной границы, охраняя свои собственные права и уважая права сосѣда. Если мы въ этомъ отношеніи захотимъ быть такими, какими мы должны быть, то мы протянемъ черезъ проходы руку нашему сѣверному сосѣду и вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ христіанскимъ міромъ пожелаемъ ему успѣха въ его цивилизаторской миссіи въ величайшихъ гнѣздищахъ азіатской несправедливости.

Мы пробыли въ Лехѣ нѣсколько дней и намѣревались выступитъ 22 іюня, но въ ночь прибылъ нарочный отъ полковника Гордона съ печальнымъ извѣстіемъ, что въ Мурги 19 числа умеръ д-ръ Столичка и что его тѣло несутъ для погребенія. Эта грустная новость сильно потрясла насъ, такъ какъ нашъ умершій другъ и товарищъ заслужилъ наше уваженіе не только своими высокими научными познаніями, но и вообще всѣми своими добродѣтелями.

Тѣло его прибыло 23 числа послѣ полудня, и мы могли по крайней мѣрѣ отдать послѣдній долгъ останкамъ того, къ кому мы привыкли восхищаться, горько оплакивая потерю.

На слѣдующій день мы снова отправились въ путь и прибыли въ Сриннагаръ 6-го іюля, пользуясь на пути еще большею помощію и вниманіемъ, чѣмъ когда шли здѣсь въ прошлый разъ. Дѣйствительно, такое множество людей и скота было отвлечено отъ обычныхъ занятій для услугъ посольству, что ежегодно стекающіеся въ странѣ туристы были на время стѣснены въ своемъ движеніи.

На пути отъ Сона Марга (гдѣ со времени нашего прохода въ прошломъ году было построено кашмирскими властями нѣсколько новыхъ домовъ для британскихъ комиссаровъ) мы видѣли нѣсколько семействъ, задержанныхъ на мѣстѣ за недостаткомъ средствъ переправы. Мнѣ было не столько жаль искателей приключеній, сколько тѣхъ несчастныхъ, которыхъ въ теченіи шести мѣсяцевъ въ году заставляютъ служить имъ, а въ данномъ случаѣ — намъ.

Изъ трехъ или четырехъ сотъ европейскихъ туристовъ, странствующихъ по странѣ ежегодно въ теченіи шести мѣсяцевъ, никто не позаботится никогда о средствахъ переправы и всѣ они пользуются въ этомъ отношеніи средствами самой страны. Такимъ образомъ выходитъ, что для тасканья съ мѣста на мѣсто ихъ багажей ежегодно въ теченіи полугода бываетъ отвлечено отъ домовъ и полей до

шести тысячъ человѣкъ. Не многіе понимаютъ, на сколько это обременительно.

Изъ цѣлыхъ сотенъ англійскихъ служащихъ и ихъ семействъ, которые въ теченіе шести мѣсяцевъ каждаго года посѣщаютъ кашмирскую территорію и пользуются гостепріимствомъ магараджи, весьма немногіе оцѣниваютъ надлежащимъ образомъ тѣ выгоды и привилегіи, которыми они пользуются во владѣніяхъ этого самаго гостепріимнаго изъ всѣхъ индійскихъ князей.

Злоупотреблять мѣстной администраціей Кашмира и всѣми способами притѣснять и развращать ее вошло въ обычай. Не буду говорить — справедливо это, или несправедливо, но не могу не замѣтить, что изъ всѣхъ кричащихъ противъ властей этого подчиненнаго государства, весьма немногіе, если только есть такіе, понимаютъ участіе, принимаемое ими самими въ томъ стѣсненіи, на которое они жалуются.

Я прожилъ въ долинѣ по дѣламъ службы сезонъ 1869 года и имѣлъ полную возможность узнать вліяніе нашего ежедневнаго нашествія сюда на народъ, а также впечатлѣніе, производимое нашимъ поведеніемъ на иностранцевъ, стекающихся въ столицу по торговымъ дѣламъ изъ всѣхъ сосѣднихъ странъ съ сѣвера, востока и запада. Люди эти уносили съ собою объ англичанахъ мнѣніе, составленное по тому, что они видѣли въ Кашмирѣ, и разносили его какъ характеристику націи по городамъ Афганистана, Туркестана и Тибета. Я видѣлъ также всѣ выгоды и привилегіи, которыми мы сами пользуемся въ странѣ и которыя мы, по нашему предположенію, доставляемъ ей, и убѣжденъ, относительно послѣднихъ, что онѣ перевѣшиваются сопряженнымъ съ ними зломъ.

Здѣсь не къ чему входить въ подробности; довольно будетъ сказать, что сотни странствующихъ здѣсь независимо другъ отъ друга европейцевъ требуютъ неуспынной дѣятельности со стороны властей и содержанія весьма большаго числа полицейскихъ чиновниковъ, смотрителей, вѣрковъ и пр., чтобы обезпечивать ихъ безопасность, исполнять ихъ требованія, доставлять имъ средства передвиженія, провизію и пр. и пр. во всѣхъ частяхъ скудно населенной и дико-гористой мѣстности. На сколько все это дѣлается хорошо — доказываетъ тотъ фактъ, что никогда не бываетъ слышно случаевъ грабежей, оскорбленій или нападеній.

По моимъ собственнымъ свѣдѣніямъ и наблюденіямъ, я могу утвер-



ждать, что ни въ какой другой извѣстной мнѣ части Индіи (а я путешествовалъ по тремъ президентствамъ), ни даже въ территоріи нашей собственной администраціи, европеецъ не пользуется такими усердными услугами и безопасностью и нигдѣ не чувствуетъ себя болѣе свободнымъ, какъ въ Кашмирѣ.

Однако, не смотря на эти факты, мы слышимъ постоянные крики противъ правителей этой страны, и мѣстная англійская пресса смѣется надъ ихъ промахами гораздо болѣе, чѣмъ можно допустить въ данномъ случаѣ, забывая ихъ права на наше снисхожденіе. Наше поведеніе относительно Кашмира не проходитъ незамѣченнымъ въ сосѣднихъ государствахъ и въ то время какъ Кабуль и Непаль грозятъ пальцемъ, говоря: «берегись! не выпускай европѣйца», — другія, менѣе независимыя, подмѣчаютъ наше дерзкое обращеніе съ Кашмиромъ и сравниваютъ его съ тѣми скромными словами, съ которыми мы обращаемся къ его сосѣдямъ.

Для насъ, возвращавшихся изъ независимаго государства Кашгара, перемена въ обращеніи съ нами была замѣчательна и не менѣе замѣчательно было то, какъ скоро мы почувствовали себя снова господами страны. У индѣйцевъ не проглядывало того чувства собственного превосходства, которое принимаютъ обыкновенно татарскія офиціальныя лица въ ихъ вѣжливомъ обращеніи съ тѣмъ, кого они хотятъ почтить. Мы нашли здѣсь радушную готовность предупредить всякое наше желаніе, старательную заботу о томъ, чтобы удовлетворить всѣ наши нужды, и, конечно, благодаря этой внимательности къ намъ, возвратилось сознаніе того, что мы служимъ верховному правительству, и мы почувствовали себя какъ дома, среди своего народа. Перемена при переходѣ съ чужой территоріи на британскую была полная и въ другихъ отношеніяхъ, и я въ третій разъ могъ на практикѣ познакомиться съ относительными достоинствами правленій по ту и по другую сторону границы.

*По ту сторону границы господствуютъ безпорядокъ, притѣсненіе и деспотическій капризъ. Естественныя произведенія почвы не разработаны, торговлѣ приходится бороться за свое существованіе, а общество погружено въ варварское невѣжество. По сю же сторону вы находите порядокъ и установленный законъ. Земля обработана, торговля дѣятельна и народъ идетъ впередъ по пути прогресса. При такомъ различіи вліяній цивилизаціи и варварства, можетъ ли ктонибудь не желать угнетеннымъ государствамъ Центральной Азіи*

благъ хорошаго правленія, получать ли они ихъ съ сѣвера или съ юга, или съ обѣихъ сторонъ въ справедливой пропорціи?

Въ Сриннагарѣ представляющіяся вамъ жизнь и дѣятельность, богатство и благосостояніе, свобода и удовольствіе—кажутся чѣмъ то великимъ по сравненію съ тѣмъ, что было по ту сторону проходовъ. Въ качествѣ гостей магараджи (его высочество былъ въ то время въ своей зимней столицѣ Джамму), мы нѣсколько дней пробыли въ Раибирѣ Бахъ и встрѣтили здѣсь г-на Шау, направлявшагося въ Капгаръ въ сопровожденіи д-ра Скулли и отряда проводниковъ. Затѣмъ я сопровождалъ посланика до Мурри.

Мы отправились въ путь 7-го іюля и проѣхали въ лодкѣ до Барамуллы, а отсюда съ парочнымъ «дооу дак» въ Мурри, куда прибыли 12-го іюля; выѣхали же отсюда въ прошломъ году 18-го числа того же мѣсяца.

Остальная часть партіи слѣдовала обыкновеннымъ путемъ, и въ подлежащій срокъ посольство было распущено. Послѣ нѣсколькихъ оффиціальныхъ докладовъ, всѣ члены его разсѣялись по разнымъ провинціямъ.

К О П Е Ц Ъ.